

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Султанов Б.К.	Формирование региональных интеграционных объединений: поиск совместных путей решения проблем	5
---------------	--	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Казыханов Е.Х.	О создании банка ядерного топлива МАГАТЭ	8
Сулейменов Т.С.	Казахстанско-чешские отношения	13
Айтмухамбетова Г.Т.	Газовые маршруты в Европу, получится ли обойти Россию?	17

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Амирбеков Ш.А.	Особенности становления новых политических систем в постсоветских обществах	21
Байдоров Е.У.	Межэтническая толерантность как фактор гражданской интеграции Казахстана в условиях глобализации	28
Масалимов А.Р.	Особенности формирования социальной политики государства	35

ЭКОНОМИКА

Калабаева А.Н.	Анализ платежного баланса Казахстана: состояние и прогноз	40
Ертаев К.Е.	Оценка экономической эффективности движения капитала	51

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Скаковский Л.Р.	Понятие «национальная безопасность» в американской политической традиции и политической науке: теоретико-методологические аспекты	60
Козырев Т.А.	Советский период и его место в казахстанской национальной историографии	67
Гаипов З.С.	Глобализация и политические процессы современности	76
Гезалов А.А.	Проблема индивидуальной свободы в глобальном обществе	90
Байгелди Г.С.	О теории механизмов правового регулирования государственного менеджмента	97
Несипбай Р.Т.	Реформаторство в исламе: идейные основы и инструментариум	100
Торланбаева К.У.	Ритуальная практика кружения в Центральной Азии (на материалах шаманизма, манихейства и суфизма)	104
Тапаева А.Б.	Основание Бухтарминской крепости	110

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Horák, S., Šír, J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow	114
---------------	---	-----

SUMMARY	116
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
---------------------------	-----

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

- 07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
- 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садвакасов, А.А. Жумагалиева
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-Б.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kivi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» с. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS

- Sultanov B.K. Formation of Regional Integration Union: Search for Joint Way of Solving the Problems 5

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

- Kazykhanov Yc.Kh. On Creation of IAEA Nuclear Fuel Bank 8
 Sulcisnenov T.S. Kazakhstan-Czech Relations 13
 Aitmuhambetova G.T. Gas Routes to Europe, whether It will Turn out to Bypass Russia? 17

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

- Amirbekov Sh.A. The Feature of Formation of New Political System in Post-Soviet Communities 21
 Baidarov E.U. Interethnic Tolerance as a Factor of Civilian Integration of Kazakhstan 28
 Masalimov A.R. The Features of Formation of the State Social Policy 35

ECONOMY

- Kalabayeva A.N. Analyze of Kazakhstan's Balance of Payments: Status and Forecast 40
 Yertaev K.E. Estimation of Economical Efficiency of Capital Transfer 51

THEORETICAL PAPERS

- Skakovskiy L.R. The National Security Concept in American Political Traditions and Political Science: Theoretical-Methodical Aspects 60
 Kozyrev T.A. Soviet Period and Its Place in the Kazakhstan National Historiography 67
 Gaipov Z.S. Globalization and Political Process of Modernity 76
 Gezalov A.A. Problem of Individual Liberty in the Global Community 90
 Baigeldy G.S. About Legal Control Mechanism of the State Management 97
 Nesipbay R.T. Reformation in Islam: Idea of Basis and Instrumentaries 100
 Torlanbayeva K.U. Ritual Practice of Whirling in Central Asia (On the Materials of the Shamanism, Manichaeism and Sufism) 104
 Tapayeva A.B. Foundation of Bukhtarma Fortress 110

BOOK REVIEW

- Laumullin M.T. Hoták, S., Šir, J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow 114

SUMMARY 116

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 120

Редакционный совет

- Султанов Б.К. — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М. — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абишева М.А. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Абусентова М.Х. — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С. — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г. — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У. — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н. — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Пужоль К. — профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO), Париж, Франция
- Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М. — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Editor-in-Chief B.K. SULTANOV,
 Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seidin
 Editor-corrector N.S. Shestakova
 Design & Layout: A.K. Sedvukasov, A.A. Zhumagalieva
 Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
 Phone (727) 264-34-04, Fax (727) 264-49-95, E-mail: office@kaziss.kz.
 The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate N:644.
 All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
 Printed in printhouse of IE "Volkova Ye.V." Almaty. Copies 500.

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
 FOR STRATEGIC STUDIES
 UNDER THE PRESIDENT
 OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Economics
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO), Paris, France
- Syroyezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to the President — Secretary of National Security Council, Doctor of Social Studies, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Формирование региональных интеграционных объединений: поиск совместных путей решения проблем

СУЛТАНОВ Б.К.

Влияние глобального финансового кризиса на государства Центральной Азии определяется темпами и характером интеграции республик в мировую экономику, а также спецификой отраслевого развития национальных экономических систем и уровнем рыночных преобразований. Тем не менее можно выделить *общие проблемы*, с которыми сегодня сталкиваются страны ЦАР:

- в странах Центральноазиатского региона рыночные реформы характеризуются низкой эффективностью, в 2008 г. были сокращены государственные инвестиционные программы (общее уменьшение капитальных вложений в экономику составило 60%, и это дало примерно 15% абсолютного сокращения объема производства);
- уменьшаются внешнеторговые поставки, что усиливает стагнацию промышленного сектора экономики, спад темпов роста ВВП;
- достигнутый высокий уровень трудовой миграции при снижении спроса на рабочую силу в странах-донорах вынуждает мигрантов возвращаться в свои страны, и это уже негативно сказывается на уровне социальной стабильности;
- государственный бюджет формируется с большим дефицитом, страны не обладают запасом финансовой прочности («финансовой подушкой»), которая позволила бы смягчить негативные последствия инвестиционного кризиса;
- ценовая политика не скоординирована с покупательной способностью населения и уровнем товарной насыщенности рынка, что приводит к росту инфляции.

В целом преодоление последствий мирового кризиса в странах Центральной Азии возможно при условии существенных инвестиционных вливаний в наиболее пострадавшие от кризиса отрасли с учетом специфики каждой страны, так как экономика стран региона базируется в основном на одной, двух, максимум трех системообразующих отраслях. Снижение объемов внешних инвестиций в эти отрасли представляет серьезную проблему. Сохраняющиеся политические риски не прибавляют оптимизма в отношении инвестиционной привлекательности стран региона.

Сокращение иностранных инвестиций в модернизацию гидротехнических объектов может привести к новому энергетическому кризису по всему региону и к росту напряженности в отношениях между соседними государствами.

Следовательно, необходимо, прежде всего, усилить интеграционное взаимодействие, объединив усилия стран Центральной Азии для решения общерегиональных проблем. Президент Казахстана в своем Послании «Через кризис к обновлению и развитию» говорит о необходимости общего поиска путей выхода из глобального финансового кризиса: «Кризис не простой, варианты выхода из него должны быть совершенно разными» [1]. Один из них представлен в статье Н.А. Назарбаева «Ключи от кризиса», опубликованной в «Российской газете». «Казахстан, — отмечает Президент, — вместе со своими партнерами по региональной и континентальной интеграции (СНГ, ЕврАзЭС, ЦАС и ШОС) уже давно находится в русле глобального тренда первой четверти XXI в. — формирования региональных интеграционных объединений» [2].

Как известно, Республика Казахстан на протяжении ряда лет инициирует создание региональных интеграционных объединений. К сожалению, деятельность созданных региональных структур (Центральноазиатский союз, 1994 г.; Центральноазиатский экономический форум, 2001 г.; Организация Центральноазиатского сотрудничества, 2002 г.) не привела к каким-либо позитивным результатам.

Тем не менее перед странами Центральной Азии все отчетливее встают проблемы, требующие совместного решения. В первую очередь это нейтрализация международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика, международной организованной преступности, нелегальной миграции, контрабанды оружия. Особую озабоченность всех центральноазиатских государств вызывает ухудшающаяся ситуация в Афганистане.

Не менее важными проблемами, требующими коллективных усилий всех стран региона, являются:

а) объединение водно-энергетических ресурсов, поскольку в течение десятилетий в регионе функционировала единая энергосистема с доминирующей ролью гидроэнергетик Кыргызстана и Таджикистана и газоснабжения, основными поставщиками которого были Туркменистан и Узбекистан;

б) обеспечение продовольственной безопасности, базирующееся на заинтересованности во взаимных поставках сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерновых и плодоовощной продукции;

в) сотрудничество в сфере экологии. В результате экстенсивной эксплуатации окружающей среды существенно подорвана возможность ее воспроизводства;

г) решение рационального водопользования трансграничных рек. От справедливого решения этой проблемы зависит социально-экономическое и экологическое благополучие государств ЦА;

д) урегулирование спорных территориально-пограничных проблем.

В связи с этим, на наш взгляд, перспективной является казахстанская инициатива — создание *Союза центральноазиатских государств (СЦАГ)*. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев обосновывает необходимость такого шага следующим образом: «Сейчас перед нами выбор: оставаться вечным сырьевым придатком мировой экономики, ждать прихода следующей империи или пойти на серьезную интеграцию Центральноазиатского региона. Я предлагаю последнее. Наша дальнейшая интеграция — это путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости. Только в этом случае регион будут уважать в мире. Только так мы обеспечим безопасность и будем эффективно

бороться с терроризмом и экстремизмом. Такое объединение, наконец, отвечает интересам простых людей, живущих в нашем регионе» [3].

В нынешней ситуации, на наш взгляд, наиболее прагматичным направлением реализации инициативы по созданию СЦАГ является вариант разноскоростной интеграции. Это объясняется разной степенью готовности стран Центральной Азии воспринять казахстанскую инициативу. Наиболее оптимальным вариантом является заключение двусторонних соглашений Казахстана со странами Центральной Азии с последующим их объединением в единый договор на многосторонней основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Через кризис к обновлению и развитию. Послание Президента народу Казахстана. Астана, 6 марта 2009 г. // <http://www.akorda.kz>.
2. Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // <http://www.rg.ru>. — 2009, 2 февраля.
3. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Астана, 18 февраля 2005 г. // <http://www.akorda.kz>.

О создании банка ядерного топлива МАГАТЭ

КАЗЫХАНОВ Е.Х.

На протяжении ряда лет генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадей отстаивает идею создания многостороннего механизма гарантированных поставок ядерного топлива в виде низкообогащенного урана (банка ядерного топлива МАГАТЭ). Глава МАГАТЭ считает, что осуществление таких поставок должно сопровождаться гарантиями, не связанными с политикой и основанными на критериях нераспространения.

Следует отметить, что Устав МАГАТЭ дает Агентству полномочия осуществлять деятельность по созданию и обеспечению функционирования банка ядерного топлива. Согласно статье III Устава, Агентство уполномочено приобретать материалы, услуги и оборудование, а также создавать собственные установки и заводы с тем, чтобы содействовать практическому применению ядерной энергии в мирных целях. Юридические полномочия для получения, хранения и поставок ядерного материала излагаются в статьях IX и XI Устава, а статья X Устава содержит ссылку на возможность предоставления государствами-членами Агентству услуг, оборудования и технических средств, которые могут ему помочь в достижении его целей и осуществлении его функций.

Казахстан поддержал стремление главы МАГАТЭ по созданию банка ядерного топлива под управлением Агентства, осознавая всю полноту ответственности использования либо другого применения урана. Для Казахстана инициатива генерального директора имеет огромное значение по ряду причин.

Во-первых, создание банков ядерного топлива под управлением МАГАТЭ будет способствовать укреплению режима нераспространения. Считаем, что образованные топливные банки не будут нарушать рыночных механизмов функционирования ядерной отрасли и станут приемлемой альтернативой распространению чувствительных технологий.

Во-вторых, банки ядерного топлива МАГАТЭ будут способствовать развитию атомной энергии в мирных целях и обеспечению доступа государств к мирным ядерным технологиям.

В-третьих, основание топливных банков не будет ущемлять права государств — членов МАГАТЭ создавать собственный производственный потенциал в рамках ядерного топливного цикла.

Для Казахстана весьма важно, что топливо в банке будет находиться под полным контролем МАГАТЭ и в его официальном юридическом владении. Иными словами, Агентство будет нести всю степень ответственности за обеспечение защиты банка от стихийных бедствий, незаконного перемещения, повреждения или уничтожения.

Казахстан, как и руководство Агентства, полагает, что этот многосторонний механизм не должен быть политизирован, не должен иметь дискриминационный характер и быть доступен для всех государств, соблюдающих соглашения о гарантиях. Передача ядерных материалов должна определяться неполитическими критериями и применяться объективно и последовательно. Ни от одного государства нельзя требовать отказа от своих прав в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в части, касающейся любого этапа ядерного топливного цикла.

6 апреля 2009 г. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев сделал заявление о том, что в случае создания банка ядерного топлива Казахстан, подписавший Договор о нераспространении ядерного оружия и добровольно отказавшийся от ядерного оружия, мог бы рассмотреть возможность его размещения на своей территории. 18 мая в МАГАТЭ в качестве официального документа был распространен позиционный документ Казахстана в отношении создания банков ядерного топлива МАГАТЭ, составной частью которого явилось вышеупомянутое заявление казахстанского лидера.

Следует отметить, что в текущем году произошли определенные сдвиги в продвижении вопроса о создании банков топлива МАГАТЭ. Процесс обсуждения этого вопроса начался во время мартовской сессии Совета управляющих (СУ) МАГАТЭ в рамках пункта повестки дня «другие вопросы». Тогда рассмотрение данного вопроса не имело широкого обсуждения и ограничилось выступлениями отдельных делегаций. Во время июньской сессии СУ МАГАТЭ вопрос о банках топлива уже рассматривался в рамках пункта 6 повестки дня «Обеспечение гарантированных поставок». В дискуссии по этому вопросу приняло участие большинство государств — членов Совета (всего по пункту 6 выступили 26 членов СУ), что продемонстрировало неподдельный интерес государств к инициативе генерального директора по созданию многостороннего механизма поставок топлива.

Во время дискуссии члены СУ рассмотрели представленные по пункту 6 доклады генерального директора «Предложение о создании банка низкообогащенного урана (НОУ) МАГАТЭ» и «Инициативу Российской Федерации по созданию запаса низкообогащенного урана (НОУ) для поставок НОУ в МАГАТЭ для его государств-членов», а также документ Германии, касающийся разработки многостороннего проекта по созданию специальной зоны для обогащения.

Доклад «Предложение о создании банка низкообогащенного урана (НОУ) МАГАТЭ» содержит основные принципы создания банка ядерного топлива Агентства. Банк ядерного топлива МАГАТЭ будет представлять собой физический запас НОУ с уровнями диапазона обогащения до 4,95%. Этот диапазон обогащения обеспечит необходимую гибкость для удовлетворения требований, предъявляемых к последующему изготовлению топлива для большинства энергетических реакторов. Агентство будет закупать НОУ, используя для этого свои стандартные процедуры проведения открытого конкурса конкурентных предложений от поставщиков, желающих поставлять НОУ Агентству без каких-либо условий, противоречащих цели создания банка НОУ МАГАТЭ. НОУ будет поставляться какому-либо государству-члену по рыночным ценам, преобладающим на время поставки.

Банк НОУ МАГАТЭ будет находиться в одном из государств-членов, которое будет готово выполнять функции принимающего государства. Для обеспечения эффективного функционирования банка принимающее государство должно иметь развитую ядерную инфраструктуру. Предполагается, что Агентство заключит Соглашение с принимающим государством, аналогичное существующему Соглашению о центральных учреждениях МАГАТЭ, в котором будет предусмотрено обеспечение безопасности и физической безопасности, несение надлежащей гражданской ответственности за хранилище, а также предоставление Агентству привилегий и иммунитетов, необходимых для функционирования банка НОУ МАГАТЭ. Кроме того, понадобится заключить с государствами, соседними с принимающим государством, договоренности о гарантированном транзите.

На создание и обеспечение функционирования банка ядерного топлива секретариат аккумулировал порядка 150-ти млн долл. США. Таким образом, в случае положительного решения Совета управляющих Агентство уже располагает необходимыми финансовыми средствами для реализации инициативы генерального директора по созданию банка ядерного топлива МАГАТЭ.

Содержание второго доклада гендиректора «Инициатива Российской Федерации по созданию запаса низкообогащенного урана (НОУ) для поставок НОУ в МАГАТЭ для его государств-членов» касается предложения России о создании гарантийного запаса НОУ на базе международного центра по обогащению урана в Ангарске (МЦОУ). Российская сторона планирует создать запас НОУ в количестве 120 т в форме гексафторида урана со степенью обогащения от 2% до 4,95%, включая 50 т со степенью обогащения 4,95%.

Запас НОУ будет помещен в хранилище ядерного материала на российском объекте, находящемся под гарантиями МАГАТЭ в соответствии с Соглашением между СССР и МАГАТЭ о применении гарантий в СССР от 21 февраля 1985 г. Все расходы по применению гарантий будет нести российская сторона.

Российская сторона планирует подготовить двустороннее соглашение с МАГАТЭ о поставках НОУ в МАГАТЭ, а также типовое соглашение, которое будет заключаться между МАГАТЭ и государством-членом, направляющим в Агентство запрос о поставке НОУ.

Механизм доставки НОУ будет осуществляться по следующей схеме. После получения уведомления генерального директора об изъятии НОУ из гарантированного запаса Россия доставляет запрашиваемое МАГАТЭ количество НОУ в морской порт Санкт-Петербурга, обеспечивая выдачу всех необходимых, в соответствии с российским законодательством, лицензий и разрешений для последующего экспорта этого НОУ из России. После получения партии НОУ в морском порту Санкт-Петербурга МАГАТЭ получает право собственности на НОУ и незамедлительно передает право собственности на НОУ запрашивающему государству-члену. Лицензии и разрешения, предоставленные российской стороной МАГАТЭ, обеспечивают вывоз НОУ из России государством-членом.

НОУ будет поставляться Россией Агентству по действующей во время поставки рыночной цене НОУ. Государство-член должно будет перечислить МАГАТЭ средства в счет оплаты НОУ до его изъятия из российского запаса.

Согласно утверждению генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эль-Барадея, главная цель его предложения об основании банка НОУ и предложения России о создании запаса НОУ состоит в том, чтобы банк стал «последним

средством для тех государств, чьи ядерные программы могут прекратиться по причинам, не относящимся к их экономической деятельности».

Казахстан поддержал предложение России о создании гарантийного запаса НОУ на базе МЦОУ. Наша страна считает, что формирование многонациональных центров по обогащению урана позволит обеспечить надежные поставки ядерного топлива и укрепить режим ядерного нераспространения. Кроме того, российское предложение соответствует принципам схемы гарантированных поставок, предложенной главой МАГАТЭ: она не зависит от политических соображений, имеет недискриминационный характер и доступна для всех государств, соблюдающих свои обязательства по гарантиям. Она не противоречит и другим инициативам, разрабатываемым в настоящее время в отношении гарантированных поставок, и не конкурирует с ними.

В Астане с интересом и должным вниманием изучают германский проект, касающийся разработки многостороннего проекта по созданию специальной зоны для обогащения. Согласно предложению Германии, группа заинтересованных государств образует коммерческую компанию в качестве нового конкурентоспособного субъекта на рынке услуг по обогащению. Компания по обогащению будет предлагать свои услуги, используя апробированную технологию обогащения урана. Предприятия этой компании будут расположены в многосторонней специальной зоне для обогащения под административным управлением МАГАТЭ.

В результате проведенной дискуссии Совета управляющих, МАГАТЭ принял решение продолжить консультации по предложениям генерального директора и России и поручил секретариату МАГАТЭ разработать концептуальные рамки, которые будут способствовать формированию основы для подготовки детальных предложений по вопросу о банке ядерного топлива. Несмотря на то, что в настоящее время среди государств — членов СУ отсутствует единство мнений по данной проблематике (одни государства считают, что вопрос о топливных банках заслуживает всестороннего внимания и поддержки, а другие государства придерживаются мнения, что он еще не «созрел» для полноценной дискуссии), большинство государств заинтересовано в продолжении диалога по этой важной теме. При этом государства, поддерживающие инициативу генерального директора МАГАТЭ о создании топливного банка, связывают продолжение дискуссии с надеждой на то, что инициатива главы Агентства может в конечном итоге получить необходимую поддержку государств-членов и воплотиться в жизнь.

Между тем руководство Агентства рассматривает Казахстан как возможного кандидата для размещения банка ядерного топлива МАГАТЭ. Казахстан имеет статус государства, свободного от ядерного оружия, и неукоснительно соблюдает основные положения Договора о нераспространении ядерного оружия и Соглашения между Казахстаном и МАГАТЭ о применении гарантий. К тому же наша страна имеет развитую атомную промышленность и ядерные технологии.

Размещение банка ядерного топлива на территории Казахстана будет иметь ряд положительных преимуществ:

- реализация данного международного проекта и активное участие нашего государства в его претворении в жизнь будут содействовать укреплению статуса Казахстана как государства, продолжающего вносить огромный вклад в дело укрепления режима нераспространения ядерного оружия и средств его достав-

ки. Это также позволит усилить влияние нашей страны на поставки ядерных энергоносителей;

- Казахстан имеет развитую ядерную инфраструктуру на базе АО «НАК «Казатомпром». К примеру, подразделение компании АО «Ульбинский металлургический завод» обладает многолетним положительным опытом безопасного хранения гексафторида урана и обращения с ним в полном соответствии с правилами и стандартами МАГАТЭ;

- возможный выбор УМЗ для размещения UF₆, вероятно, позволит в последующем изготовление топлива и увеличение загрузки производственных мощностей этого предприятия;

- в Казахстане имеются технологии по реконверсии урана, то есть превращения его из гексафторида урана в порошок диоксида урана;

- в стране существует и усовершенствована технология изготовления топливных таблеток для АЭС. В настоящее время апробирована технология изготовления топливных таблеток для западного типа реакторов, заканчивается их сертификация;

- имеются соответствующие соглашения между Казахстаном и Россией о транзите и транспортировке материала по территории РФ, включая отслеживание прохождения материала, организацию военизированного сопровождения груза и передачи момента ответственности. Существуют также соглашения о хранении материала, проведении таможенных процедур для последующего реэкспорта в дальнее зарубежье;

- создание и хранение UF₆ позволит увеличить производство природного урана для этих нужд. Так, для формирования запаса гексафторида урана объемом в 120 т потребуется производство природного урана в 1200 т. Это потребует наращивания производства естественного урана и увеличения его производства вне законтрактованных объемов;

- важно отметить, что отработанное ядерное топливо не будет возвращаться на территорию республики в соответствии с существующими правилами МАГАТЭ, так как принадлежность страны происхождения определяется страной производства ЕРР (Единица разделительных работ).

Одним из неперемных условий размещения банка ядерного топлива МАГАТЭ станет изучение степени его воздействия на окружающую среду. В случае если топливный банк будет иметь негативное экологическое воздействие, то его размещение в Казахстане не может быть осуществлено. Вместе с тем казахстанские эксперты склонны полагать, что размещение топливного банка в Республике Казахстан не вызовет особых проблем. В качестве примера они приводят деятельность урановых предприятий Казахстана, в частности Ульбинского металлургического завода в Усть-Каменогорске, который отвечает высоким стандартам физической защиты, контроля и учета материалов.

Казахстанско-чешские отношения

СУЛЕЙМЕНОВ Т.С.

1 января 1993 г. были установлены дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Чешской Республикой. Значительный толчок двусторонним отношениям придал состоявшийся 8—10 сентября 2004 г. официальный визит президента Чехии В. Клауса в Казахстан. В ходе переговоров чешского лидера с руководством Казахстана были обсуждены вопросы политического и торгово-экономического сотрудничества, состояния и перспектив взаимодействия официальной Астаны и Праги на международной арене. В рамках визита был проведен бизнес-форум, подписаны Декларация о развитии сотрудничества между Казахстаном и Чехией, Соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве и Соглашение о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и сертификации.

До указанного визита состоялись визиты на уровне глав правительств. В октябре 1996 г. премьер-министр РК А. Кажегельдин посетил с официальным визитом Чешскую Республику, а в апреле 1999 г. состоялся ответный официальный визит премьер-министра ЧР М. Земана в Республику Казахстан.

12 февраля 2009 г. был проведен рабочий визит в Астану премьер-министра Чешской Республики М. Тополанека. Кроме того, 16—17 октября 2008 г. министр по вопросам прав человека и национальных меньшинств Д. Стегликова посетила Астану для участия в международном форуме «Общий мир: прогресс через разнообразие».

30 октября 2008 г. в Праге состоялись двусторонние межмидовские консультации на уровне заместителей министров иностранных дел Казахстана К. Сарыбай и Чехии Т. Пойара.

Сформирована договорно-правовая база казахстанско-чешских отношений. К настоящему времени подписаны следующие двусторонние документы: Соглашение между Правительством Казахстана и Правительством Чехии о торгово-экономических отношениях и сотрудничестве в области науки и техники (1993) — упразднено в связи со вступлением Чехии в ЕС, вместо него было подписано Соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве (2004); Протокол о сотрудничестве между Министерством внешнеэкономических связей Казахстана и Министерством промышленности и Торговли Чехии (1993); Соглашение между Республикой Казахстан и Чешской Республикой о поощрении и взаимной защите инвестиций (1996); Соглашение о сотрудничестве между ТПП Казахстана и Экономической Палатой Чехии (1997); Протокол о сотрудничестве между Министерством науки — Национальной академией наук

Казахстана и Академией наук Чехии (1998); Договор между Казахстаном и Чехией об избежании двойного налогообложения и препятствовании уклонению от уплаты налогов на доходы и капитал (1998); Соглашение между Правительством Казахстана и Правительством Чехии о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, терроризмом и другими опасными видами преступлений (1998); Меморандум о контактах в военной области (1998); Соглашение о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и сертификации между Казахстаном и Чехией (2004), Декларация о развитии сотрудничества между Республикой Казахстан и Чешской Республикой (2004).

Преобладающее место в системе казахстанско-чешских отношений занимает экономика. На современном этапе развития торгово-экономические отношения Казахстана и Чехии можно разделить на три этапа:

- первый этап (1993—1999 гг.) — начальный период, в течение которого налаживались отношения непосредственно между отдельными субъектами торгово-экономических отношений;
- второй этап (2000—2003 гг.) — заметно увеличился торговый оборот, расширилась сфера сотрудничества;
- третий этап (с 2004 г.) — активизация политических контактов привела к расширению договорно-правовой базы в экономической сфере, а это, в свою очередь, расширило область контактов в различных секторах экономики.

Согласно данным таможенных органов РК, объем товарооборота между Казахстаном и Чехией за январь — июль 2009 г. составил 129 млн долл. США (экспорт — 15 млн долл. США, импорт — 114 млн долл. США).

В 2008 г. указанный показатель достиг 259,2 млн долл. США (экспорт — 73,1 млн долл. США, импорт — 186,1 млн долл. США), в 2007 г. — 194 млн, в 2006 г. — 157,2 млн, в 2005 г. — 119,6 млн долл. США.

Основными статьями казахстанского экспорта в Чехию являются: минеральное топливо и горюче-смазочные материалы, химикаты, фосфор, хромовые соединения, черные и цветные металлы, кожевенное сырье, хлопчатобумажные ткани, зерно и другие сельскохозяйственные товары. В Казахстан из Чехии ввозятся продукция пищевой промышленности, товары народного потребления, медикаменты и медицинское оборудование, шины, трубы, автомобили, механизмы и запасные части к ним, мебель, технологическое оборудование.

Одним из основных инструментов развития и углубления торгово-экономического сотрудничества стала Казахстанско-чешская комиссия (сопредседателем с казахстанской стороны является ответственный секретарь МЭМР РК А. Баталов, с чешской стороны — заместитель министра экономики и торговли ЧР М. Тлапа). В рамках работы комиссии стороны регулярно обмениваются мнениями по вопросам двустороннего сотрудничества, охватывающего широкий спектр областей, а именно: обмен опытом в газовой промышленности, ядерной энергетике, машиностроении, разработка инновационных технологий в области коммуникаций.

В Чехии растет интерес к Казахстану как к стране с богатыми природными ресурсами и динамично развивающейся экономикой, со стабильной внутренней обстановкой и активной внешней политикой. В свою очередь, Казахстан рассматривает Чехию как индустриально развитую страну по макроэкономическим параметрам. В этом контексте казахстанско-чешские отношения имеют огромный

потенциал и благоприятные перспективы развития. Стратегическим направлением двусторонних отношений можно рассматривать взаимодействие государств в энергетической сфере, а также в сферах финансов, инвестиций, машиностроения и охраны окружающей среды, создание благоприятных условий для взаимного инвестирования предприятиями двух стран, продолжение сотрудничества в области культуры и туризма.

Перспективными сферами в развитии экономического сотрудничества между Казахстаном и Чехией могут быть: топливно-энергетический сектор, машиностроение, строительство, производство стройматериалов, транспорт и телекоммуникации, металлургия, химическая, перерабатывающая, легкая и пищевая промышленность, внедрение передовых технологий.

В туризме приоритетны задачи реализации совместных проектов по развитию инфраструктуры современной туристской индустрии: пересмотр стоимости и сроков оформления виз, строительство крупных туристских центров отдыха и развлечений, открытие прямого воздушного сообщения между странами.

Необходимо констатировать, что в последние годы активными темпами развиваются контакты между парламентами Казахстана и Чехии. В 2002 г. Казахстан посетил заместитель спикера Парламента Чешской Республики П. Соботка, а в феврале 2004 г. состоялся ответный визит председателя Сената Парламента Республики Казахстан О. Абдыкаримова в Чехию. В 2005 г. обменялись рабочими визитами председатель Сената Парламента Республики Казахстан и заместитель председателя Парламента Чехии. В марте 2007 г. состоялся рабочий визит делегации Мажилиса Парламента РК в Чехию. Перечисленные визиты, двусторонние переговоры способствовали укреплению дружественных связей между двумя странами и народами.

В последние пять лет активизировались двусторонние контакты в культурной сфере. Казахстан уже традиционно принимает участие в таких фестивалях культуры и искусства, как Пражский международный кинофестиваль «Фебиофест», Карловарский кинофестиваль, международный конкурс-фестиваль телевизионных музыкальных программ «Злата Прага». Были установлены контакты между Национальной библиотекой Республики Казахстан (в г. Алматы) и Национальной библиотекой Чешской Республики, в результате чего обе библиотеки подписали Соглашение о сотрудничестве.

В крупнейших концертных залах Чехии прошли концерты известных казахских исполнителей, например: Г. Мурзабековой, А. Тебенихина, А. Мусоходжаевой. В 2006 г. в Праге проходили работы над созданием исторического фильма «Мустафа Шокай». Сотрудничество в области киноискусства развивается в обоих направлениях. Так, на кинофестивале «Звезды Шакена — 2006», прошедшем в Алматы, среди лауреатов были чешские кинематографисты. В номинации «Анимация» одним из призеров стал режиссер В. Шванкмайер.

В декабре 2006 г. в Чешской Республике прошел 7-й международный фестиваль хоровых коллективов «Prague Christmas», в котором приняли участие воспитанники Детской музыкально-хоровой школы «Елим-ай» г. Алматы. В конкурсе участвовало более 20-ти хоров из 10-ти стран мира. Казахстанская школа завоевала золотую медаль.

В 2008 г. в Праге была проведена очередная серия концертов музыкального коллектива под руководством А. Мусоходжаевой, ставших уже традиционными в чешской столице.

В том же году Капчагайский детский ансамбль принял участие в международном фестивале детского творчества в Праге и Теплице, проводимом под эгидой «JS Group». Работы художников Академии Жургунова были отмечены первыми призами III-й международной художественной выставки «Саксонский пленер».

Посольством РК в Праге ведется активная работа с казахстанскими студентами и слушателями подготовительных курсов, обучающимися в Чехии. В частности, 29 марта 2008 г. был создан студенческий клуб «Байтерек», который взаимодействует с общественной организацией «Союз молодежи», объединяющей русскоязычных студентов пражских вузов. При участии упомянутых НПО были организованы выступления лучших команд высшей лиги КВН: «Станция спортивная» (студенты МИЭМП, г. Москва), «Астана. kz» (сборная команда Казахстана) и «Пирамида» (г. Владикавказ).

16 июня 2008 г. в Праге состоялась конференция, посвященная 10-летию юбилею Астаны, в которой приняли участие представители государственных и общественных кругов Чехии, а также казахстанские студенты, обучающиеся в чешской столице.

В сентябре 2008 г. в доме национальных меньшинств были организованы Дни казахстанской культуры в Праге.

15 декабря 2008 г. в Чешском техническом университете была проведена конференция: «Казахстан — земля благополучия и мира», посвященная Дню независимости РК.

Налаживанию контактов в области малого и среднего бизнеса между деловыми людьми двух стран способствовало создание представительства Торгово-промышленной палаты Республики Казахстан в Чехии и Почетного консульства в Брно. Кроме того, эти общественные организации активно содействовали установлению дружественных связей в культурной области.

Таким образом, казахстанско-чешские отношения развиваются достаточно активно и имеют хорошие перспективы для их дальнейшего расширения и углубления.

Газовые маршруты в Европу, получится ли обойти Россию?

АЙТМУХАМБЕТОВА Г.Т.

Бассейн Каспийского моря, в особенности туркменский, азербайджанский и казахстанский секторы, в ближайшем будущем, вероятно, будет рассматриваться в качестве стратегических составляющих обеспечения Европы газом. Растущий интерес Европы к зоне Каспия получает все большую актуальность в свете попыток первой ослабить свою зависимость от российского и средиземноморского газа (Ливия). В связи с этим европейские страны поддержали проект газопровода из зоны Каспия и Ближнего Востока в Юго-Восточную Европу через Турцию, запуск которого намечается на 2014 г. Этот проект, получивший название «Набукко», что в переводе с английского означает трубопроводная система, проходящая через несколько стран и простирающаяся на тысячи километров, спонсируется не только странами Европы, но и косвенно США в противовес углеводородному приоритету России, которая использует этот факт в качестве не только экономического, но и политического инструмента. Европейские страны ощущают свою уязвимость не только в связи с покупкой 30% потребляемого газа из России, но и в силу разногласий по транзиту между Россией и Украиной. Однако выполнение задачи обеспечения энергетической безопасности Европы без России только за счет Набукко представляется сомнительным.

13 июля 2009 г. в Анкаре представители пяти европейских государств (Австрия, Болгария, Венгрия, Румыния и Турция) подписали соглашение о строительстве газопровода «Набукко» протяженностью 3,300 км и пропускной способностью до 31 млрд м³ газа [1]. Несмотря на достигнутые договоренности, европейские государства остаются в неуверенности по поводу отсутствия надежных источников газа для наполнения трубопроводной системы «Набукко» [2]. Основная надежда на поставки газа в Набукко была на Туркменистан, который обещал поставлять 10 млрд м³ ежегодно. Туркмены предложили ЕС не разглашать эту цифру до подписания окончательного соглашения, чтобы не сорвать свои переговоры с Китаем, Ираном и Россией по поводу того же самого газа. Однако для ЕС стало неожиданностью, что сегодня Туркменистан при принятии своих решений в сфере поставок газа ориентируется в основном на Китай, и Еврокомиссия сразу же ознакомилась с деталями этого предложения мировую прессу, в связи с чем Туркменистан был вынужден от него отказаться. Уже в начале 2010 г. в КНР будет поступать до 30 млрд м³ туркменского газа в год с последующим увеличением до 40 млрд м³.

Второй вопрос — как доставлять туркменский газ в систему «Набукко» — через Каспийское море или Иран? И то, и другое сегодня проблематично. Турция также с осторожностью наблюдает за возможностью поворота политического курса Ирана в сторону «приемлемой демократии» с целью вовлечения этого государства в качестве экспортера газа (хотя у Ирана наблюдается рост во внутреннем спросе на газ). На данный момент, согласно мнению европейских экспертов, единственным гарантированным источником заполняемости Набукко газовым сырьем (начиная с 2015 г.) остается Азербайджан, который дал гарантии пока только на 15 млрд м³ газа в год [3]. В качестве потенциальных поставщиков в долгосрочной перспективе рассматриваются Иран, Ирак, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и Египет. Однако гарантий от этих потенциальных поставщиков газа пока не получено. Более того, в мае 2009 г., когда Евросоюз подписывал с Азербайджаном, Грузией, Турцией и Египтом совместную декларацию о поддержке проекта, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан подписывать декларацию отказались.

Главная проблема Евросоюза заключается в том, что не он один хочет получить доступ к каспийскому газу. Кроме России, повышенный интерес к нему проявляет Китай, а также, возможно, в перспективе проявят Индия и Иран. Брюсселю, а также американским дипломатам, получившим задачу укреплять европейскую энергетическую безопасность, придется активизировать свои усилия, чтобы составить всестороннее и содержательное соглашение по сырьевым источникам для Набукко.

Более того, проект «Набукко» явно не получает достаточного финансирования, в связи с чем график завершения его строительства к 2014 г. может оказаться невыполненным. Консорциум национальных энергетических компаний из стран-транзитеров (OMV, MOL, BOTAS, Transgaz, Bulgargaz) и германская RWE выделяют конкретные средства лишь после того, как под соглашением подпишутся газодобытчики. Следует выделить также, что и другие трубопроводы, предназначенные для подачи газа в Набукко, пользуются еще меньшим вниманием со стороны Брюсселя.

На первом этапе по газопроводу можно будет перекачивать 10—15 млрд м³ газа только с азербайджанских месторождений. Но, чтобы загрузить трубопровод полностью на всю его проектную мощность (это около 5% прогнозируемого на момент завершения строительства европейского потребления газа), надо будет получить доступ к туркменским запасам [4]. А чтобы дотянуться до месторождений Туркменистана, придется проложить транскаспийский трубопровод, соединяющий эту страну с Азербайджаном. Этот проект можно было реализовать еще до строительства Набукко. Но из-за отсутствия политической воли у Запада в начале текущего десятилетия этот план был сорван. Вопреки обычной коммерческой практике, европейцы хотели, чтобы Туркменистан и Азербайджан согласились на строительство газопровода еще до того, как Европа подаст свои заявки на закупку газа. Естественно, оба газодобывающих государства от этого отказались.

Ашгабад недавно попытался возобновить переговоры, направив своего посланника в Брюссель, а министра иностранных дел — в Вашингтон. Но это окно возможностей, видимо, уже закрылось. 24 июля 2009 г. в обстановке повышенной раздражительности ничем закончились переговоры между Азербайджаном и Туркменистаном о разделе ресурсов дна Каспия. Твердое предложение со стороны Европы помогло бы урегулировать этот спор двух государств.

Европейцам также предстоит пройти долгий путь, чтобы догнать своих китайских конкурентов, которые только что вложили 3 млрд долл. США в туркменское газовое месторождение Южный Иолотань и активизировали усилия по строительству трубопровода в Китай через территорию Казахстана. Прокладка трубопровода может быть завершена уже в 2010 г. — с годичным опережением графика.

Другая возможность заключается в том, чтобы соединить Набукко с Ираком. У этой страны достаточно природного газа, чтобы заполнить как минимум пять трубопроводов размером с Набукко. Сегодня, когда, наконец, доработан долгожданный закон Ирака о природных ресурсах, эта все еще неспокойная страна представляет собой вполне реальный вариант для Европы. Две из входящих в консорциум Набукко компании — австрийская OMV и венгерская MOL уже инвестировали средства в газовые месторождения иракского Курдистана. Однако многие иракские политики предпочитают сохранить газ для внутреннего потребления и экспортировать его через Персидский залив. Представитель иракского правительства Али Аль-Даббах заявил, что в настоящее время у Ирака нет лишнего газа, который можно бы было направить в газопровод «Набукко», поскольку весь газ идет на внутреннее потребление [5]. Ни Вашингтон, ни Брюссель пока не предпринимают попыток уговорить Багдад в отношении Набукко.

Нельзя сказать, что с российской альтернативой Набукко дела обстоят намного лучше. В прошлый четверг премьер-министр Владимир Путин подписал соглашение с турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, заручившись поддержкой Турции в вопросе строительства газопровода «Южный поток», который свяжет Южную и Центральную Европу с Россией через Черное море. Но этот проект — не более чем геополитический ход. Стоимость прокладки Южного потока составляет 20—24 млрд долл. США. Это самый дорогой трубопроводный проект в истории, и цена его за пределами высока. Предполагаемый показатель мощности газопровода в 61 млрд м³ в год кажется преувеличенным. Однако Россия делает все возможное, чтобы сорвать проект «Набукко» и получить каспийский газ для удовлетворения собственных потребностей, а также для того, чтобы усилить энергетическую зависимость Европы от Москвы.

Принять на борт каспийские газодобывающие страны — вот лучший шанс Европы на обеспечение собственной энергетической безопасности. Но пока европейские столицы делают явно недостаточно для достижения этой цели.

Россия же, в свою очередь, стремится к тому, чтобы направляющийся в Европу газ проходил через ее территорию, позволяя ей сохранять рычаги политического влияния на европейские страны. Россия продвигает свои проекты снабжения Европы газом. Так, в мае Газпром и итальянская компания Eni подписали документ, по которому пропускная способность газопровода «Южный поток» увеличится вдвое. Планируется, что газопровод, проложенный по дну Черного моря, будет доставлять российский газ на Балканы.

Газопровод «Северный поток» напрямую соединит газотручную систему Западной Европы с крупнейшими в мире запасами газа Штокмановского газоконденсатного месторождения Российской Федерации. Предполагается, что Северный поток к 2012 г. будет иметь пропускную мощность до 55 млрд м³ в год. При этом на пути Северного потока не будет транзитных государств, что позволит снизить стоимость транспортировки российского газа и исключить возможные риски в

закрытия кем-то «транзитного вентиля» по политическим мотивам. В целом Северный поток сможет надежно удовлетворить около 25% дополнительных потребностей ЕС в импортируемом газе на перспективу [6]. Целевыми рынками гарантированных поставок газа из России по Северному потоку являются Германия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Дания и другие страны Западной Европы, которые в российско-германо-голландском проекте видят хорошую перспективу в обеспечении своей энергетической безопасности.

Казахстан и Узбекистан продадут свой газ скорее всего России. Таким образом, проект «Набукко» проблему энергетической безопасности ЕС не решит ни сегодня, ни в перспективе. Он может стать лишь одним из дополнительных путей доставки энергоресурсов в европейские страны. А пока источники наполнения двух мегагазопроводов, которые предлагают их промоутеры (ЕС в случае Набукко и Россия в случае Южного потока), можно назвать более чем ненадежными: не потому, что есть сомнения в их наличии, а потому, что остается неизвестным, когда они смогут производить существенные объемы газового сырья, то ли по техническим соображениям, то ли по политическим мотивам, то ли исходя из вопросов безопасности.

Пока у Европы есть только два менее крупных, но реалистичных газовых проектов в обход России. Те же зоны, из которых предполагается получение ресурсов для заполнения Набукко и Южного потока — Центральная Азия и менее развитые регионы Ближнего Востока (Иран, Ирак) — рассматриваются как привилегированные источники их наполнения. Менее дорогостоящие газопроводы с пропускной способностью до 1 млрд м³ газа в год — Itgi (Интерконнектор, соединяющий Турцию, Грецию и Италию), который почти завершен, и Tap (Трансадриатический трубопровод), который должен будет соединить Турцию и Италию через Албанию и находится пока на стадии проектирования, но, согласно мнению итальянских экспертов, вполне реализуем [7]. В конце этого года должны начаться переговоры по азербайджанскому месторождению «Шах Дениз-2», в ходе которых норвежская Statoil Hydro и итальянская Edison надеются получить контракт на поставку азербайджанского газа по Itgi и Tap, поскольку эти газопроводы должны быть запущены до 2015 г. Пока ни один из этих предполагаемых газопроводов не запущен. В Латвии, Словении и Болгарии уже с опасением ждут надвигающуюся зиму.

Казахстан, естественно, остается одной из ключевых фигур рассматриваемой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sissi Bellomo. Dal Caspio Gasdotti senza gas // 11 Sole 24 ore. — 2009, 11 July.
2. Vittorio Da Rold. Gas, via libera Nabucco // 11 Sole 24 ore. — 2009, 14 July.
3. Luigi De Biase. Schröder e Fischer di nuovo allo stesso tavolo, su gasdotti opposti // 11 Foglio. — 2009, 13 luglio.
4. Huseynov, T. Turkmen Gas Is Out of Reach for Europe // The Wall Street Journal. — 2009, 18 August.
5. Новик А. Набукко не помеха Норд стриму // <http://www.inforos.ru>. — 2009, 11 августа.
6. Petersen, A. Europe's Listless Quest for Energy // The Wall Street Journal. — 2009, 10 August.
7. Zatterin, M. Stop Tedesco al piano UE sul gas // La Stampa. — 2009, 18 July.

Особенности становления новых политических систем в постсоветских обществах

АМИРБЕКОВ Ш.А.

В 50-е гг. XX-го в. в научный оборот была введена новая категория «политическая система» для анализа политических процессов общества. Она была призвана «свести воедино основные понятия, характеризующие его политическую жизнь. И она представляет собой конкретную историческую форму взаимодействия субъектов политики, которая организует в определенную совокупность политические отношения между ними, властно упорядочивает, оформляет и заключает в определенные границы политическую деятельность [1, с. 201].

Категория «политическая система» постепенно заменила в исследованиях понятия «политический строй», «политическая организация».

Для раскрытия содержания нового понятия были предприняты попытки разработать модели политической системы. Одними из первых разработок в этом плане стали работы Д. Истона — представителя бихевиоральной школы политологии. Он обратил особое внимание на поведение системы в целом, то есть на макроскопическом уровне, и предложил кибернетическую модель политической системы. В основу его модели заложена идея «черного ящика», которая применяется в кибернетике, когда структура объекта не известна. Этот подход позволяет изучать поведение системы, определяя информацию во «входе» в систему и на выходе из нее.

В этом случае не рассматривается внутренняя структура системы, но исследуются общее свойство и действие системы. «Идея черного ящика» — это теория о конкретных объектах и системах, и особое внимание она уделяет отношениям объекта и контролирующего, а также тому, какая информация исходит от объекта и как воспринимает ее контролирующий. Р. Эшби признает, что «теория “черного ящика” есть попросту изучение отношения между экспериментатором и окружающей его средой, когда особое внимание уделяется потоку информации» [2, с. 159].

Такое рассмотрение объекта исследования М. Месарович и Я. Такахаара называют феноменологическим или причинно-следственным, терминальным методом [3, с. 7].

К. Дойч попытался выразить «идею “черного ящика”», раскрывая содержание политической системы через обмен информацией в самой политической системе. В его труде «Нервы управления» разработана кибернетико-коммуникационная модель политической системы. Главное достижение модели К. Дойча состоит в том, что была разработана концепция об информационном

потоке в политической науке и уделялось должное внимание роли информации в политике.

Видный американский политолог Г. Алмонд разработал структурно-функциональную модель политической системы и раскрыл содержание «черного ящика». В структурно-функциональной модели политической системы Г. Алмонд в качестве структуры или элементов политической системы отмечает следующие шесть структур: политические партии, заинтересованные группы, законодательные органы, органы исполнительной власти, чиновники, суды [4, с. 79]. Также он делает акцент на такие функции каждого элемента системы, как: агрегация, артикуляция, рекрутирование, коммуникация, определение политического направления, реализация политического направления, вынесение решения суда [4, с. 84].

Хотя модель Г. Алмонда названа как структурно-ролевая или структурно-функциональная модель, ее можно называть и институциональной моделью, ибо главные элементы политической системы Алмонда — политические институты. Он дает определение политической системы как совокупности органов и институтов, определяющих и реализующих коллективную цель общества или составляющих его групп. В состав таких институтов ученый относит парламенты, бюрократию, административные учреждения, суды и правительство или государство [4, с. 74].

Вышеназванные модели политической системы явились концепциями, появившимися в качестве ответов на вопросы, поставленные перед политической наукой в разные периоды. В частности, анализ распада Советского Союза и становление политических систем в постсоветских обществах потребовали ответов на новые вопросы — почему политические системы распадаются и как формируются новые системы? Учитывая, что модели политических систем Д. Истона и К. Дойча даны на макроэкономическом уровне, а труды представителей бихевиорализма об элементах нижнего уровня политической системы — о поведении избирателей (политических принципах и предпочтениях отдельных личностей) посвящены микроскопической модели политической системы, мы решили ответить на эти вопросы, разработав модель политической системы среднего уровня.

Для разработки модели среднего уровня мы обратились к теории неравновесных систем И. Пригожина, лауреата Нобелевской премии 1977 г. Несмотря на то, что он проводил исследования в среде неживой материи, и их предметом были химические процессы, мы решили использовать основные положения его теории в своих политических исследованиях.

Основной идеей теории неравновесных систем является борьба когерентных принудительных сил с флуктуационными силами в системе. Этот тезис применим и к гуманитарным исследованиям в целом, так как идея борьбы классов, циркуляции элит и т.д. существует давно и успешно применяется в политической науке. Согласно И. Пригожину, последствием этой борьбы является возникновение диссипативных структур, обеспечивающих переход от порядка к хаосу и от хаоса к порядку. По теории И. Пригожина при переходах, то есть в точках бифуркации, возникают диссипативные структуры, которые в течение определенного времени, утрачивая энергию, приближаются к очередной точке бифуркации. Флуктуационные силы, которые создают возмущения и колебания в стабильной системе, находятся в «спящем положении» и поэтому их называют «гипнонами». И когда

система приближается к хаосу, «гипноны» начинают активизироваться, а после бифуркации они могут стать основой новых структур. Благодаря кооперации, они объединяются и некоторые из них могут стать ядром новой системы. По этому поводу И. Пригожин пишет, что «новая структура возникает в результате конечного возмущения, флуктуация, приводящая к смене режимов, не может сразу «одолеть» начальное состояние. Она в начале установится в некоторой конечной области и лишь затем распространится и «заполнит» все пространство» [5, с. 248]. Образуется порядок, сначала простейший, потом все более сложный.

Кооперация элементов системы, согласно мнению Г. Хакена, — это всеобщее явление. Так, он считает, что «во многих дисциплинах, от астрофизики до социологии, мы часто наблюдаем, как кооперация отдельных частей системы приводит к макроэкономическим структурам или функциям» [6, с. 2—3].

Для анализа особенностей становления новых политических систем, используя положения теории И. Пригожина, мы должны определить в *первую очередь*, какие «спящие силы» активизировались после каждой точки бифуркации. Например, в СССР 1987 г. можно считать точкой бифуркации: для проведения глубоких экономических реформ необходимо было получить поддержку Центрального Комитета Компартии. Этот вопрос, приведший к расколу в «ядре системы», обсуждался на январском Пленуме ЦК 1987 г.

Вторая точка бифуркации сформировалась в середине 1988 г., когда началась подготовка к XIX-й партконференции, и уже весь мир обсуждал статью Н. Андреевой. После этой бифуркационной точки раскол в партии на «реформаторов» и «консерваторов» стал фактом и началась активизация национальных сил в республиках. Произошла политизация народных фронтов в национальных республиках, инициированных в поддержку перестройки и неформальных движений.

К третьей точке бифуркации привели итоги работы I Съезда народных депутатов СССР, в ходе которого была создана политическая оппозиция — региональная депутатская группа, которая активно инициировала и поддерживала шахтерские протесты в регионах.

Четвертая точка бифуркации в действии была продемонстрирована в августе 1991 г., после которой власть реально перешла в руки демократов России.

При анализе развития системы после бифуркации необходимо обратить внимание на то, что в разных республиках в роли «спящих сил» были различные социальные и политические силы. Например, в России — кооператоры, представители «теневой» экономики и криминального мира. В Грузии — криминальные структуры, в Азербайджане — национал-патриотические силы, в Узбекистане — радикальные исламисты и т.д.

По этому поводу С.П. Капица и С.П. Курдюмов пишут, что «сложные системы имеют очень много степеней свободы. Однако все устроено так, что в процессе эволюции выделяется несколько главных, к которым подстраиваются все остальные. Эти главные степени свободы называют параметрами порядка. Когда этих параметров немного, есть шанс описать сложную систему просто» [7, с. 36].

Поэтому при определении особенностей становления политических систем в первую очередь мы должны обратить внимание на поведение «спящих элементов» в разных национальных республиках, ибо соотношение этих элементов в советских республиках проявлялось по-разному.

В укрупнении политических сил в советских республиках огромное влияние оказывало социальное и политико-экономическое положение. Несмотря на общую историю в составе Российской империи и СССР, к концу 1980-х гг. в республиках наблюдались различия на уровне экономики, в социальной и политической сферах. И это повлияло на социальное расслоение в обществе и на политические режимы. В конце перестройки различие в политических режимах и политической культуре можно было увидеть по итогам референдума по сохранению Союза, который проводился в марте 1991 г. Как известно, в референдуме отказались принимать участие Прибалтийские республики, Грузия, Армения, Молдавия. Таким образом, эти республики открыто продемонстрировали свою готовность к отделению от СССР. В республиках Средней Азии свыше 90% населения проголосовало за сохранение Союза.

Эволюцию «спящих элементов» и их превращение в мощные политические силы общества можно отслеживать по работе А. Шубина «Преданная демократия», где автор на примере российской действительности описывает, как неформалы стали серьезной политической силой в условиях хаоса конца 1980-х гг. в России.

Анализируя деятельность неформальных движений 80-х гг. прошлого века, можно выделить этапы превращения «спящих элементов» в активные политические субъекты политики.

Так, на первом этапе индивиды объединяются в социальные группы по профессиональному признаку, по различным интересам. На втором этапе из среды этих социальных групп выделяются «центры притяжения», которые, активно защищая интересы социальных групп, превращаются в «центры влияния». Центры влияния, обладающие определенными интеллектуальными и материальными ресурсами, разрабатывают идеологию групп. Приобретая опыт отстаивания интересов, материальных ресурсов, «центры влияния» преобразуются в «группы давления». Последние могут обслуживать за определенные вознаграждения групповые интересы или стать ядром политической партии.

Этот процесс в переходный период развивался в советских и постсоветских республиках по-разному. В РСФСР и Прибалтийских республиках интеллигенция имела огромное общественное влияние. Поэтому ее представители первыми вошли в большую политику. Например, председателем Ленсовета был избран юрист, профессор А. Собчак, мэром города Москвы — экономист, профессор Г. Попов при поддержке неформальных движений и демократов.

Из среды неформальных движений выросли многие будущие политики. В. Прибыловский в предисловии к книге А. Шубина пишет, что сейчас никто не назовет «неформалами» таких персонажей современной государственной и политической сцены, как Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Андрей Исаев, Глеб Павловский, Сергей Митрохин, Владимир Рыжков. В конце 1980-х все они были «неформалами». Как минимум, два «неформала» стали президентами — правда, не в России, а в Закавказье (Звиад Гамсахурдиа и Левон Тер-Петросян) [8, с. 3]. К неформалам-президентам можно было добавить и А. Эльчибея, президента Азербайджана.

Таким образом, констатируем, что пассивные политические силы начала перестройки в СССР после каждой точки бифуркации стали пополнять ряды активных политических сил. И после серьезной бифуркации августа 1991 г. они

стали кооперироваться и сигнал отправленной ими о распаде советской системы был воспринят активными элементами во всех республиках.

Второй важной категорией для сравнения постсоветских политических систем является понятие «ядро системы», которое, к примеру, широко используется в работах И. Пригожина и в системотехнике. Мы решили использовать это понятие вначале для анализа распада советской политической системы. На наш взгляд, одной из главных причин распада СССР является распад ядра этой системы — Политбюро, Центрального комитета и затем всей правящей партии.

Анализируя становление новых политических систем в постсоветских обществах, мы убедились, что «ядро системы» и в этом процессе играет важную роль. Так, во многих постсоветских республиках «ядро» старой системы не только сохранило свое положение, но и стало инициатором отбора элементов в новую систему. Поэтому изучение ядра системы, то есть политической элиты, позволяет нам не только анализировать становление новой политической системы, но и прогнозировать ее дальнейшее развитие.

Третьей особенностью становления новых политических систем является влияние внешней среды, подробно изложенное в работе Д.А. Растоу «Переходы к демократии: попытка динамической модели». Он пишет об «основном толчке, идущем извне», и о процессах, происходящих «преимущественно в рамках системы», а также показывает, что влияние из-за рубежа присутствует практически во всех случаях [9, с. 658].

Действительно, зарубежное влияние на распад советской политической системы в настоящее время никто не отрицает. Но о помощи из-за рубежа в эскалации армяно-азербайджанского конфликта, в борьбе Прибалтийских республик за независимость пишут мало. И в этом плане мы должны анализировать, какие республики получили помощь из-за рубежа, а какие остались в изоляции или под влиянием России. Так, в конце 80-х гг. XX в. Армения, Азербайджан, Прибалтийские республики получили материальную и моральную поддержку из-за рубежа. Особенно в этом плане выделяется армянская диаспора во Франции. Такие национальные республики, как Казахстан и Кыргызстан, не располагали за рубежом экономически сильной диаспорой, поэтому национал-патриотические силы имели ограниченное влияние.

Четвертая особенность становления политических систем — это политические режимы, которые были установлены благодаря усилиям «ядра» новых систем. Здесь тоже есть своеобразная закономерность, что на языке системных исследований называется «зависимость структуры от среды». С.П. Капица и С.П. Курдюмов пишут, что «множество причудливых конфигураций вначале порождало у исследователей иллюзию того, что в этой вселенной можно построить структуры любой сложности. И одним из ключевых результатов анализа стало доказательство того, что в данной среде могут быть построены только эти структуры и никакие другие. Есть правила запрета. Попытки что-либо «навязать» этой системе или действовать методом проб и ошибок обречены на провал» [7, с. 38]. Таким образом, социальная и политическая среда определила структуру политической системы.

Актуальным остается сравнение смен режимов в постсоветских республиках. В начале 1990-х гг. произошли мирные демократические ротации на Украине и в Белорусии. Мятеж полковника из Гянджи Сурета Гусейнова позволил повторному

приходу к власти бывшего партийного лидера Азербайджана Гейдара Алиева. При поддержке криминальных баронов Эдуард Шеварднадзе стал руководителем Грузии [10, с. 224].

Пятая особенность постсоветских политических систем — это расклад политических сил, принимающих непосредственное участие в выработке и утверждении политических решений. Одним из главных показателей расклада политических сил в постсоветских обществах является представительство политических сил в парламенте, правительстве и в местных органах власти. От этого расклада зависит конфигурация политических систем.

Шестая особенность — это идеология политических сил. В ходе перестройки в советских республиках зарождались новые идеологии политических сил. Плюрализм мнений привел к формированию нового мировоззрения у многих социальных и политических сил. Это проявилось в стремлении главенствующих политических сил в формировании новой идеологии для мобилизации населения. Например, в Прибалтийских республиках в борьбе за независимость была провозглашена идея восстановления государственности западного типа с рыночной экономикой. В Узбекистане и Таджикистане исламские движения провозгласили идею о создании мусульманского государства. Ферганская долина стала религиозным центром Центральной Азии. Благодаря помощи зарубежных центров, количество мечетей возросло в несколько раз. Согласно данным киргизского исследователя *Урана Ботобекова*, «исламское духовенство в Узбекистане, несмотря на известную ангажированность, стало специфической социальной группой-кастой, насчитывающей 15—30 тыс. человек... Импульсом для активизации духовенства, безусловно, стал прошедший в 1989 г. съезд мусульман Средней Азии. В принятом им постановлении содержались положения, свидетельствующие о политизации исламского движения» [11, с. 46].

Седьмая особенность постсоветских политических систем — это практика использования активными политическими силами различных политических институтов, таких, как выборы, СМИ, парламент, местные представительные органы и т.д. Во многих республиках новые политические силы не имели политического опыта управления и борьбы за власть. В конечном итоге часть из них проиграла битву за власть. Но другая часть, благодаря социальной поддержке определенных слоев общества, стала активным элементом системы, где осуществляется прямое (а не косвенное) участие в процессах принятия решений.

Таким образом, анализ особенностей становления политических систем в постсоветских обществах позволяет разработать модель политической системы среднего уровня, элементами которой являются активные политические силы, осуществляющие прямое участие в процессах принятия решений. Это позволит нам глубже раскрыть содержание переходных процессов в постсоветских обществах и поможет прогнозировать дальнейшее развитие новых политических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. — М.: Юрист, 2002. — 511 с.
2. Росс Эшби У. Введение в кибернетику. — М.: Изд-во иностранной литературы. — 432 с.

3. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. — М.: Мир, 1978. — 311 с.
4. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор: Учебное пособие / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 537 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
6. Хакен Г. Синергетика. — М.: Мир, 1980. — 406 с.
7. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3-е. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.
8. Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986—1989). — М.: Европа, 2006. — 344 с.
9. Растои Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. — М.: Гардарики, 2000. — 843 с.
10. Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. — 307 с.
11. Ботобеков У. Ситуация в Ферганской долине: религиозный экстремизм и оборот наркотиков // Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2000. — 97 с.

Межэтническая толерантность как фактор гражданской интеграции Казахстана в условиях глобализации

БАЙДАРОВ Е.У.

Сегодня, в условиях глобализации, этнического плюрализма и конфессионального многообразия, политической нестабильности, социального и духовного кризиса, нужна идея с ориентиром на объединение всех граждан в единый многонациональный Казахстан. И такой идеей может быть только идея *гражданской интеграции* обществ, тем более что есть опыт стран новоевропейской цивилизации с разной степенью осуществления этой идеи.

Как свидетельствует мировой опыт, проблема межнациональных отношений по-прежнему остается актуальным вопросом для любого полиэтничного общества. В социальных науках этнически и конфессионально неоднородное общество принято называть многосоставным. А. Лейбхарт, определяя многосоставное общество, пишет, что «...таковые существуют там, где политические противоречия в целом совпадают с мнениями социального раздела общества, в особенности — с наиболее важными из существующих внутри общества границ...» [1].

Сторонники преодоления элементов неоднородности общества видят это в *интеграции наций*. Интеграция, как считает Л. Биндер, требует создания культурно-идеологического консенсуса такого уровня, какого еще не удавалось достичь в развивающихся странах. Согласно С. Хантингтону, такая интеграция подразумевает замену большого количества традиционных, религиозных, семейных и этнических политических авторитетов единым светским общенациональным авторитетом. В приведенных примерах культурная неоднородность и, как ее следствие, политическая нестабильность однозначно ассоциируются с западными обществами. «В силу того, что в полиэтничном государстве достаточно трудно легитимными способами реализовать строительство нации-государства, то курс на построение государства нации, основанного на понимании нации как *согражданства*, остается наиболее демократичной моделью, обладающей эффективным и долговременным стабилизирующим потенциалом» [2].

Программа государственной самоидентификации и национальной идентичности, провозглашенная Президентом РК Н.А. Назарбаевым, соответствует современным демократическим принципам национальной политики многосоставного государства. Эти принципы являются основополагающими в модернистской кон-

цепции национального стратегического развития и прямо противоположны другому пониманию нации нацистроительства — примордиализму, подчеркивающему важность этнического принципа. Модернистская точка зрения отражает объективные процессы усиления демократических элементов во взаимоотношениях между этническими образованиями сегодня. Особенно это касается многосоставных и сегментированных обществ. Обычным явлением современности бывает ситуация, когда житель полиэтничного государства одновременно имеет двойную самоидентификацию: с одной стороны, носитель определенной этнической культуры, а с другой — гражданин государства-нации. Эта тенденция наиболее прогрессивна и должна развиваться дальше, особенно в полиэтничных обществах, к которым относится и Казахстан. Поэтому в современных условиях Казахстан должен первоначально осознанно пройти *гражданскую самоидентификацию*, а затем национальную идентичность [3].

Согласно мнению российской исследовательницы Д.К. Сабировой, гражданство в нации-государстве является главным фактором интеграции народа в единую нацию. При этом понятие «гражданин» становится феноменом, производным от основанных на законе и праве взаимоотношений людей [4], а «...единство гражданской нации не противоречит культурной дифференциации» [5].

В условиях глобализации такая идея необходима Казахстану, чтобы сплотить (консолидировать) всех граждан страны независимо от их этнической, религиозной или иной принадлежности, создать условия для более тесной интеграции, объединения в общность, именуемую «народ». Такая интеграция в условиях Казахстана, конечно же, не означает постепенную ассимиляцию и слияние этносов. Под ней следует понимать «появление определенной культурной общности, при сохранении основных этнических черт у народов, существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам в результате их взаимодействия» [6]. В свою очередь, межэтническая и межкультурная интеграция позволяет, с одной стороны, сохранить этносам свою индивидуальность, а с другой — консолидироваться в *общественно-политическое объединение*.

В аспекте гражданской интеграции и гражданской самоидентификации Республики Казахстан одним из актуальных вопросов является проблема *межэтнической толерантности* (от лат. «tolerantia» — терпение, терпимость) общества.

Проблема межэтнической толерантности как терпимости к различиям или «чуждости» (обусловленных зачастую несовместимыми различиями образа жизни, ценностей и норм культуры, традиций, мировоззрений, религиозных убеждений и политических взглядов и т.д.) закономерно входит в число наиболее актуальных и активно обсуждаемых вопросов в современном глобализирующемся мире. Не случайно столь широкий резонанс получили рассуждения американского политолога С. Хантингтона о наступлении новой эры, типологически характеризующейся столкновением цивилизаций, глубочайшими цивилизационно-культурными разломами, взрывающими хрупкое единство глобального миропорядка [7].

Казахстанское общество сегодня находится на рубеже новых экономических и политических отношений, что обуславливает стремление людей приспособиться к новым реалиям, занять свою нишу в обществе. Однако отличительной особенностью любого глобального перехода на новый уровень отношений является его неравновесность, что приводит к невозможности достаточно полного контроля процесса перехода. Неравновесность может проявляться в любой сфере деятель-

ности, в том числе и в культуре. В процессе такого неравновесного перехода в Казахстане ни государство, ни социум не в состоянии отслеживать и удовлетворять постоянно меняющиеся под действием перемен нужды и потребности личности. В результате внутренние противоречия личности могут стать явными и проявиться в самых разнообразных формах. Способ их проявления будет зависеть от культурно-цивилизационного уровня общества, его целостности и согласованности.

Поэтому, рассуждая о межэтнической толерантности как о факторе гражданской интеграции Казахстана, нам необходимо определить само понятие «*межэтническая толерантность*».

Понятие «*межэтническая толерантность*» — это выражение одного из аспектов (этнического подхода) теории толерантности и толерантности социального явления. Этнический аспект толерантности актуален практически для всего общества в силу того, что социальные отношения не существуют вне этнокультурных особенностей людей, и к тому же в современном мире практически каждое государство, как социальный институт, образовано на межэтнической основе.

По вопросу о том, что такое межэтническая толерантность в научном сообществе, до сих пор идут дискуссии. Одним из распространенных является понимание толерантности как индифферентности к этническим различиям. Такое понимание близко людям с высокой деловой или общекультурной ориентацией в жизненных установках. Но для людей из среды недоминирующих этнических групп оно отождествляется со стремлением забыть о потребностях народов или даже с ассимиляторскими тенденциями.

Иная трактовка этнической толерантности представлена как позиция принятия других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними. Такое понимание мы находим в следующих определениях: [*Меж*] этническая толерантность — это: 1) «явление социальной перцепции... отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее — наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно “принятие” или позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствию в этом плане преимущества одной культуры перед другой» [8]; 2) «феноменологическая репрезентация позитивной этнической идентичности в сфере жизнедеятельности человека в полиэтничном пространстве» [9]; 3) этноэкзистенциализм, то есть ориентация на мирное сосуществование этносов на базе их взаимовыгодного сотрудничества и стремления избегать межэтнических конфликтов в процессах преодоления тех или иных возникающих противоречий [10]; 4) специфическая черта национального характера, духа народов, являющаяся неотъемлемым элементом структуры менталитета, ориентирующаяся на терпимость. Отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межнациональных отношениях [11]; 5) «особое умонастроение, жизненно-психологическая установка, которая позволяет ценить другое национальное “они” равнозначно собственному “мы”. Это внутреннее преодоление нетерпимости и невосприятия “чужого” на уровне собственного

менталитета, признание существования “чужой национальной правды”, иного подхода к национальным проблемам...» [12].

Межэтническая толерантность невозможна без межэтнического согласия. Межэтническое согласие — это «ценностное онтологическое основание существования полиэтничного социума, мировоззренческий принцип общения между людьми, народами, государствами. Такой подход очень продуктивен и конструктивен, поскольку, во-первых, способствует тому, чтобы система средств и способов нормативно-ценностной регуляции (традиции, обычаи, политика, право, мораль, мировоззрение, философия и др.), ее функционирование и развитие были ориентированы на становление человеческой личности во всей ее целостности и полноте; во-вторых, позволяет выйти за пределы опасной односторонности в понимании самой сущности преобразовательных процессов в обществе, занимающейся иногда в необоснованной гипертрофированности экономического рыночного фактора в ущерб культурно-духовным, нравственным и вообще гуманитарным ценностям; в-третьих, дает возможность обосновать механизм включения жизнедеятельности индивида в движение социального целого, раскрыть его отношение к миру, к другим людям, этносам и т.д., определить его ценностные ориентации, которыми он руководствуется и что в конечном счете определяет как характер и содержание его активности, так и выбор направленности и интенсивности его деятельности» [13].

Межэтническое согласие должно стать элементом модернизированного национального сознания всех этносов Казахстана, который определяет и содержание ценностных отношений, призванных обеспечить «ценностную солидарность» этнических субъектов в стране. За этим стоит внутренняя потребность казахстанского социума сохранить свою целостность и внутреннее единство. «Межэтническое согласие — это не вопрос... голого политического прагматизма. Мы должны усвоить и передать следующему поколению две простые истины: Казахстан всегда будет полиэтничным государством и никаких национальных чисток никто и никогда проводить не будет; наша полиэтничность — огромный культурный, экономический и политический ресурс. Задача стоит простая — мы все должны почувствовать гражданскую общность. Но за этой простотой скрываются огромные сложности: и ностальгия о прошлом, и всевозможные комплексы старшего и младшего брата. Чем быстрее мы осознаем новую политическую реальность — независимый Казахстан — и чем быстрее каждый ощутит свою причастность к его судьбе, тем прочнее будет межнациональное согласие» [14].

О развитии межэтнического согласия в Казахстане свидетельствует тот факт, что в местах компактного проживания этнических групп функционируют национальные школы, при национально-культурных центрах (НЦК) работают воскресные школы по изучению родного языка, традиций и обрядов своего этноса. Так, Президент РК Н.А. Назарбаев в своем выступлении на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана подчеркнул: «Газеты и журналы выпускаются у нас на 11-ти языках, радиопередачи выходят на 8-ми, а телепередачи на 7-ми языках. Общий тираж СМИ, выходящих на национальных языках, превышает 80 тысяч экземпляров. Это без учета казахских и русских СМИ. В Казахстане действуют 88 школ, обучение в которых полностью ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках. В 108-ми школах языки 22-х этносов Казахстана преподаются в качестве самостоятельного предмета. Кроме того, открыто

195 специализированных лингвистических центров, где не только дети, но и взрослые могут изучать языки 30-ти этносов. Сейчас в них учатся более 7-ми тысяч человек. Кроме казахских и русских театров, в Казахстане работают еще четыре национальных театра — узбекский, уйгурский, корейский и немецкий. Причем три из них — единственные на территории СНГ» [15].

Таким образом, межэтническая толерантность является неперенным атрибутом межнационального согласия, важнейшим качеством коммуникативной способности этнических субъектов, заключающейся в освобождении сознания людей от страха быть поработанными, потерять свое собственное этническое «Я», оказаться объектом насилия со стороны более сильного и могущественного этноса.

Для создания равновесия между межэтнической толерантностью и интолерантностью казахстанского общества необходимо разработать стратегию формирования межэтнотолерантного отношения в обществе. Первый этап выработки принципов межэтнической толерантности у личности может носить образовательный характер, например, включить в систему образования специальные курсы, предметы, игры и тренинги, учитывая признаки оппозиций (межэтническая толерантность и интолерантность). Второй этап может заключаться в определении границ этнотолерантности и выработке стандартов этнотолерантности, которые позволят получать количественную информацию. Важным моментом в этой стратегии является также разработка и принятие законов, способствующих развитию и поддержанию этнической толерантности на правовом уровне.

Чтобы достичь равновесного состояния этих оппозиций, необходимо решить ряд конкретных задач. Одной из них является разработка четкого и общепринятого определения межэтнической толерантности. В свете представленных выше теоретических данных, на наш взгляд, можно дать следующее определение: *межэтническая толерантность* — это принцип, который регулирует взаимоотношения разных этнических групп в направлении снижения социального напряжения и конфликтности между ними, способствует их гармонизации и является механизмом осуществления гражданского согласия.

Как верно заметил М.С. Горбачев в своем вступительном слове к английскому изданию международного междисциплинарного энциклопедического словаря «Глобалистика», «...перед современным человечеством стоит насущная задача — воспитывать у входящих в жизнь поколений *толерантность*» [16]. Формирование чувства толерантности у *казахстанцев* обуславливается, прежде всего, демократическим характером строящегося у нас общества, уверенным вхождением нашей страны в мировое сообщество, мировой цивилизационный процесс, все большей гармонизацией общечеловеческих и национальных духовных ценностей, а также самим характером многонационального общества. Тем более что на протяжении тысячелетий древняя земля Казахстана была центром встречи, сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Межэтническая терпимость и открытость стали естественными нормами, необходимыми для выживания и развития.

12 июня 2006 г. на открытии совещания ОБСЕ «*Межкультурное, межрелигиозное и межнациональное понимание*» Президент РК Н.А. Назарбаев, в частности, отметил: «В современном мире возросло значение толерантности как одного из главенствующих факторов стабильности, особенно в условиях

глобализации, появления новых вызовов и угроз. Поэтому обеспечение... мирного сосуществования этнических групп является доминантой долгосрочной безопасности» [17].

По результатам выполненного отделом теоретической и прикладной политологии Института философии и политологии МОН РК прикладного научно-исследовательского проекта «*Национальная интеграция как фактор консолидации казахстанского общества*» (рук. проекта проф. Р.К. Кадыржанов) в 2007 г., следует отметить, что, несмотря на известную толерантность этносов Казахстана, их взаимоотношения не дают однозначной благоприятной картины для утверждения о беспрепятственной интеграции этносов в единую казахстанскую (гражданскую) нацию. Как показывают результаты социологического опроса, культурные, психологические, социально-экономические и политические установки казахстанцев по вопросу взаимоотношения основных этносов Казахстана отличаются неоднозначностью и противоречивостью. Это не может не сказаться на характере национальной интеграции и общественной консолидации в Казахстане [18].

Тем не менее анализ результатов социологического опроса показал, что доминирующей в Казахстане является гражданская трактовка нации. Больше половины всех респондентов, 55,51%, считают, что все национальности вместе взятые, без выделения особого положения отдельных из них, составляют *единую* казахстанскую нацию. Здесь понимание нации определяется как сообщество, объединенное общей политической культурой, образом жизни, независимо от этнической принадлежности граждан. Тем самым доминирование гражданского понимания нации в сознании казахстанцев создает благоприятные идейные предпосылки для национальной интеграции в Казахстане [19].

В стратегической перспективе в Казахстане наилучшим видится путь создания дружественной среды межэтнического общения без изменения полиэтничности социума. Достижение этой цели способствовало бы как удовлетворению этнокультурных и этноязыковых интересов всех граждан государства, так и сохранению его единства и целостности [20].

Таким образом, межэтническая толерантность — это средство борьбы с предрассудками и стереотипами, средство предотвращения конфликтов, формирования коалиции между различными этнокультурными общинами. Противостоят не этносы сами по себе, а представители этих этносов. К тому же в наш век глобализации, когда границы между государствами просто стали условными, мы начали осознать, как тесен и как мал наш общий дом — этот мир. Поэтому диалог представителей различных этносов Казахстана просто необходим, а толерантность казахстанского общества в пространстве гражданского бытия — это, прежде всего, залог стабильности и успеха проводимых в обществе реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейбхарт А. Многоэтническое общество и демократические режимы // Полис. — 1992. — №1-2. — С. 218.
2. Касымбеков М. Институт президентства как инструмент политической модернизации. — Астана, 2002. — С. 144.
3. Утельбаев К. Религиозная и гражданская идентификация // Мысль. — 2008. — №3. — С. 51.

4. Сабирова Д.К. Нация и национальное государство // Тезисы. докл. на науч.-практ. конф. — Казань: КГУ, 1994. — С. 6—13.
5. Монаков А.М. Национализм и право на самоопределение // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докл. и выступл. IV Российского философского конгресса (Москва, 24—28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 3. — М.: Современные тетради, 2005. — 672 с. (С. 97).
6. Хорсковиц М. Этнический процесс в современном мире. — М., 1987. — С. 18.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. — 1994. — №1. — С. 33—48.
8. Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге // Межкультурный диалог: лекции. — М., 2003. — 209 с. (С. 204).
9. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. — Екатеринбург, 2002. — 121 с. (С. 6).
10. Ешич М.Б. Этничность и этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. — М., 2002. — С. 28.
11. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. — 1997. — №11. — С. 46.
12. Тавадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. — М.: Социально-политический журнал, 1998. — 686 с. (С. 516—517).
13. Нысанбаев А., Малинин Г. Нурсултан Назарбаев: Казахстан — территория мира и согласия. — Алматы, 2005. — 261 с. (С. 134).
14. Назарбаев Н.А. Независимость Казахстана: уроки истории и современность // Казахстанская правда. — 1996, 17 декабря.
15. Назарбаев Н.А. Выступление Президента Республики Казахстан на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана // <http://www.akorda.kz>.
16. Global Studies: International Encyclopedic Dictionary. — N.Y.: Prometheus Books, 2006. — 650 p. // <http://www.globalistika.ru>.
17. Толерантность как фактор мира // Казахстанская правда. — 2006, 13 июля.
18. Кадыржанов Р.К., Меирманов А.М. Отношения этносов как фактор межэтнической интеграции казахстанского общества // Проблемы национальной интеграции казахстанского общества. — Алматы: СаГа, 2008. — 60 с. (С. 19).
19. Ешпанова Д.Д., Нурғалиева М.М. Перспективы национальной интеграции казахстанского общества в контексте взаимоотношений гражданской и этнической идентичности // Проблемы национальной интеграции казахстанского общества. — Алматы: СаГа, 2008. — 60 с. (С. 27).
20. Жусипов Б.С., Байдаров Е.У. Роль ведущего этноса в национальной интеграции Казахстана // Проблемы национальной интеграции казахстанского общества. — Алматы: СаГа, 2008. — 60 с. (С. 40).

Особенности формирования социальной политики государства

МАСАЛИМОВ А.Р.

В условиях мирового экономического кризиса существенно возрастает роль социальной политики государства в обеспечении благосостояния своих граждан. Не случайно в Послании народу Казахстана «Через кризис к обновлению и развитию» Президент страны подчеркивает: «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев остаются важнейшей триединой задачей для нашего государства» [1].

Особенности формирования социальной политики государства определяются сущностным содержанием самой категории. Так, отечественные ученые [2] сводят сущность понятия «социальная политика» к следующему:

- Социальная политика является важным адаптационным механизмом политической системы, поэтому ее надо рассматривать во взаимодействии «политического» и «социального». При этом «социальное» часто рассматривается как синоним «общественного», поэтому одной из задач социальной политики считается достижение определенного уровня равновесия в общественной жизни с использованием механизмов воздействия и контроля.

- Для достижения определенного уровня равновесия в общественной жизни основные направления социальной политики группируются по блокам: (1) борьба с нищетой; (2) сохранение человеческого капитала; (3) адаптация человеческого капитала к требованиям рынка.

- Социальная политика должна быть направлена на эффективное взаимодействие экономических и социальных процессов, при котором достигается наибольшая степень реализации экономических и социальных целей при приоритете последних.

- Социальная политика во взаимодействии с экономической политикой государства должна быть направлена на достижение конечной цели — всемерного повышения благосостояния и качества жизни населения.

- Одной из основных задач социальной политики является разрешение социальных противоречий, сохранение или восстановление баланса стратегических и тактических общественных интересов.

- Социальная политика выполняет следующие основные функции: регулируемую, адаптационную, компенсаторную и защитную. Реализация этих функций должна быть направлена на достижение конечной цели — всемерного повышения благосостояния и качества жизни населения.

В рыночной экономике доходы всех владельцев формируются на основе закона спроса и предложения, а также предельной производительности факторов.

Поэтому рыночный механизм никоим образом не дает гарантированного уровня благосостояния. Существуют различные подходы к распределению общественных благ, от полностью равномерного до долевого, в соответствии с трудовым вкладом. При этом не вызывает сомнений тот факт, что для повышения общего уровня жизни необходимо постоянное увеличение производительности труда и развитие системы распределения и перераспределения благ в обществе.

Эффективность социальной политики в рыночных условиях зависит от системы институтов, которые, по мнению исследователей, призваны снижать, нейтрализовать или предотвращать социальные риски населения в сфере производства, распределения, обмена и потребления:

- Институты формального рынка труда, призванные уменьшить риски индивида, связанные с особенностями спецификации (или условиями реализации) права пользования рабочей силой наемного работника, а также снижения уровня потребления в случае смены или потери работы.

- Системы социального страхования, позволяющие человеку уменьшить риск снижения уровня потребления путем накопления в трудоспособном возрасте определенных средств и распределения их на рискованные ситуации жизни.

- Системы социальной помощи (денежные и натуральные пособия), представляющие собой механизмы нейтрализации риска, позволяющие государству уменьшить последствия устойчиво низкого дохода для бедных и нетрудоспособных граждан [3].

В настоящее время на государство возлагается задача обеспечения права человека на определенный стандарт благосостояния на основе государственного регулирования различных потоков доходов путем их перераспределения. Государство также выполняет функцию социальной защиты для той части населения, которая не способна самостоятельно удовлетворять свои потребности. Уровень социальной защиты колеблется в зависимости от выбранной модели социальной политики, качества государственного управления, ценностных установок в обществе.

Существует несколько моделей социальной защиты: социально-демократическая модель скандинавских стран, где государство берет на себя значительную долю ответственности по социальной защите; нелиберальная модель (США), где проблемы социальной защиты преимущественно решаются между предпринимателями и наемными работниками в лице их профсоюзов; неоконсервативная модель (Германия), основанная на смешанном государственно-частном решении социальных проблем (ответственность отдельного предпринимателя заменена системой их обязательной коллективной ответственности под контролем государства) [4]. В Казахстане основным принципом осуществления политики социальной защиты является государственное регулирование.

В целом социальная политика государства представляет одно из направлений его деятельности по регулированию социально-экономических условий жизни общества. По сути, социальная политика заключается в поддержании отношений как между социальными группами, слоями общества, так и внутри них, обеспечении условий для повышения благосостояния, уровня жизни членов общества. Она направлена на создание социальных гарантий в формировании экономических стимулов для участия граждан в общественном производстве.

В более широком плане социальная политика государства может быть представлена как форма сознательного воздействия на социальную сферу жизнедея-

тельности людей с целью ее изменения. Другими словами, это государственное управление социальной сферой жизни людей. Последняя, в свою очередь, складывается из соотношения объективных условий жизни индивидов и их субъективных потребностей. При этом социальная политика воздействует на условия жизни с тем, чтобы установить такое соотношение, когда не возникает чувства нужды. Следовательно, социальная политика как элемент вмешательства государства возникает, когда развитие потребностей индивидов по мере углубления разделения труда не сопровождается адекватным расширением доступа к продуктам труда. Следует отметить, что чем больше в социальной структуре общества представителей наемного труда, чем выше разделение труда, тем больше доля отчислений, производимых государством на социальные нужды населения страны.

Социальная политика государства позволяет регулировать уровень экономических препятствий в процессе осуществления социальной защиты граждан. Данная охранительная функция возникает в любом объединении. Государство и профессиональные союзы в этом случае являются наиболее значительными объединениями и могут осуществлять социальную политику. Так как государство обладает более значительными ресурсами и выполняемые им функции носят всеобщий характер, социальная политика является больше его прерогативой и эффективность государственного управления определяется зачастую исходя из оценки качества реализации социальной защиты населения, уровня охвата государством социальной сферы.

Государство на основе социальной защиты, переданной в его компетенцию, создает систему социального обеспечения, состоящую из совокупности административных норм и учреждений, реализующих эти нормы в административном порядке. Содержательной стороной системы социального обеспечения, которая поддерживается государством, является принцип обязательного государственного страхования. Следует отметить, что обязательность страхования не всегда предполагает обязательность взносов со стороны застрахованного. Страховой фонд по некоторым видам государственного страхования может пополняться за счет государства или за счет работодателя.

Социальная политика государства не существует в отрыве от политики государства вообще, а также от конкретных политик: экономической, налоговой, бюджетной, внешней и т.д. Так как социальная политика не ставит целью обеспечить высокий уровень социальной защиты абсолютно всем гражданам, она направлена на формирование условий развития человеческого капитала, достижения заданного уровня благосостояния, а также выполнение социальных гарантий для отдельных групп населения и индивидов по получению ими необходимой доли общественных благ. Сама социальная политика распадается на различные политики. От того, насколько развита социально-политическая деятельность государства, зависит внутреннее содержание его социальной политики. Социальная политика может вбирать в себя одни политики в одних странах и не вбирать их в себя в других странах, что и определяет степень охвата социальной сферы государством.

По мере повышения уровня экономического развития все большая часть доходов может быть направлена на социальную защиту, так как по мере роста производительности труда возрастает конкуренция на рынке, по мере цикличес-

кого развития экономики также периодически увеличивается или уменьшается требуемый уровень социальных гарантий, колеблется число людей, неспособных в данный момент обеспечить удовлетворение своих потребностей и вынужденных обращаться к социальной защите со стороны государства или профессиональных союзов. В этом отношении немаловажно, чтобы все участники социально-экономического процесса представляли себе цели и ограничения социальной политики, критерии осуществления социальных гарантий, меру своего участия в формировании источников осуществления социальной защиты.

Сотрудничество государства и граждан выражается посредством формирования и распределения источников доходов и каналов их поступления. Так, население имеет возможность получать трудовые доходы и прибыль от предпринимательства, доходы от собственности и выплаты от государства. Объективно существующая дифференциация доходов обуславливает несоответствие в реальном жизненном уровне отдельных групп населения, что создает основу внешнего вмешательства со стороны государства с целью более справедливого перераспределения.

Основная функция государства по перераспределению национального дохода состоит в том, чтобы уменьшить различия в доходах населения и обеспечить более благоприятные для всех членов общества условия материальной жизни. В то же время чрезмерное вмешательство государства в перераспределительные процессы по выравниванию доходов может привести к снижению деловой активности в обществе и падению эффективности хозяйственной деятельности. Расширенные специальные программы могут способствовать росту слоя социальных иждивенцев. Поэтому социальная политика государства должна быть очень гибким и тонким инструментом, она призвана способствовать социальной стабилизации и смягчению социальной напряженности и в то же время не подрывать стимулов предпринимательства и высокоэффективного труда по найму.

Среди основных направлений социальной политики государства можно выделить: разрешение проблемы бедности, которое связано с поддержанием на уровне хотя бы прожиточного минимума тех, кто не в состоянии обеспечить себе лучшую жизнь; удовлетворение потребности в воспитании и образовании подрастающего поколения; содержание престарелых и нетрудоспособных; охрану здоровья населения. Степень удовлетворения этих потребностей зависит от состояния государственных финансов и ценностных установок, сложившихся в обществе.

Темпы экономического роста невозможно объяснить только с помощью причин чисто экономического характера. Экономическое развитие определяется и социальными факторами, сдвигами в мышлении людей, их поведении, волею к развитию. В этом плане большая роль отводится самому государству. Оно имеет широкие возможности для того, чтобы устранять с пути экономического роста всевозможные препятствия путем установления законности и правопорядка, эффективной борьбы с коррупцией и взяточничеством, поощрения предпринимательства и т.д.

В период перехода к новой модели экономического развития социальная политика Казахстана претерпевает серьезные изменения, по мере экономического развития приоритеты социальной защиты смещаются в направлении адресного обеспечения социальных гарантий, дифференциации форм социального обеспечения. При этом основные принципы социальной политики сохраняются, в

том числе: защита уровня жизни путем введения разных форм компенсации при повышении цен; обеспечение помощи малообеспеченным и уязвимым слоям населения; выдача помощи на случай безработицы; обеспечение политики социального страхования, установление минимальной заработной платы для работающих; развитие образования, охрана здоровья, окружающей среды в основном за счет государства; проведение активной политики, направленной на обеспечение квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Через кризис к обновлению и развитию. Послание Президента народу Казахстана // <http://www.akorda.kz>.
2. Иватова Л.М., Абишева М.А. Социальная безопасность. Учебное пособие. — Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2007. — С. 96—97.
3. Притворова Т. Формирование модели социально ориентированной экономики в Казахстане // *Саясат*. — 2002. — №6. — С. 61—62.
4. Социальные реформы в странах с переходной экономикой. Проблемы и опыт / Под ред. С.В. Кадомцевой. — М.: ИКЦ «ДИС». — 1997. — С. 5.

Анализ платежного баланса Казахстана: состояние и прогноз

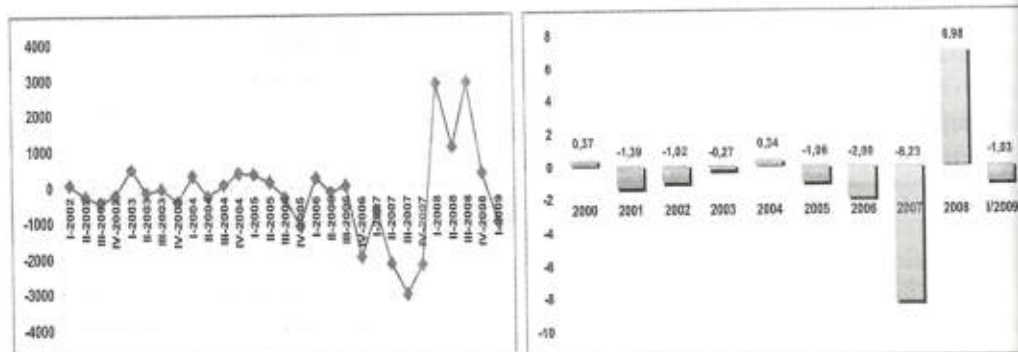
КАЛАБАЕВА А.Н.

На сегодняшний день высокую актуальность приобретает вопрос о влиянии мирового финансового кризиса на экономическое развитие Казахстана и, в частности, на состояние платежного баланса страны. В условиях открытости национальной экономики важнейшим фактором устойчивого развития государства в долгосрочном плане является стабильная национальная валюта, которая, в свою очередь, зависит от устойчивого платежного баланса. Величина сальдо платежного баланса входит в исчисление валового внутреннего продукта и национального дохода, влияет на выбор средств внешней и внутренней экономической политики государства.

1. Счет текущих операций

Ценовая конъюнктура мирового рынка энергоносителей и политика девальвации национальной валюты оказали основное влияние на состояние текущего счета платежного баланса в период с 2000 по I квартал 2009 г.

Как видно из диаграммы (рис. 1), волатильность счета текущих операций начала проявляться в 2007 г. вместе с первыми признаками мирового экономического кризиса. Как известно, сильные колебания сальдо текущего счета вызывают неблагоприятные для страны последствия.

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).

Рис. 1. Динамика счета текущих операций, млрд долл. США

В период с 2005 по 2007 г. благоприятные внешние факторы (высокие цены на энергоносители и «мягкие» условия фондирования на международных рынках капитала) стимулировали нарастание дефицита счета текущих операций, в результате которого усилились диспропорции в экономическом развитии страны и уязвимость экономики к внешним шокам. В 2008 г. наблюдался высокий профицит счета текущих операций, который составил 6,98 млрд долл. США (табл. 1). Уже в IV квартале 2008 г. из-за резкого снижения мировых цен на энергоносители значение текущего счета сократилось более чем в 9 раз относительно III квартала и составило лишь 0,31 млрд долл. США. В целях снижения потенциального дефицита текущего счета в будущем, Нацбанком РК была проведена девальвация национальной валюты. Несмотря на это, в I квартале 2009 г. отрицательное сальдо текущего счета составило -1,03 млрд долл. США, что явилось результатом дальнейшего падения экспортных цен на углеводороды и соответственного сокращения в 4,3 раза уровня чистого экспорта товаров.

Табл. 1. Динамика счета текущих операций по кварталам, млрд долл. США

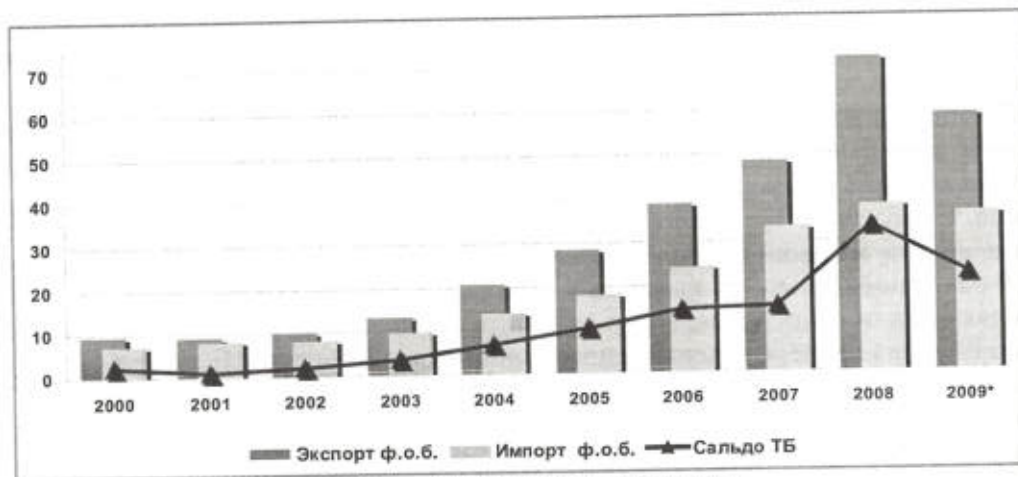
	2008					2009	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Г.	I кв.	Г.*
Экспорт ф.о.б.	15,93	19,48	21,29	15,26	71,97	8,15	59,27
Импорт ф.о.б.	-7,28	-10,16	-11,11	-9,90	-38,45	-6,14	-36,68
Торговый баланс	8,65	9,32	10,18	5,37	33,52	2,01	22,59
Экспорт услуг	0,94	1,11	1,23	1,11	4,38	0,97	4,33
Импорт услуг	-2,32	-2,95	-3,15	-2,58	-11,00	-2,05	-11,76
Баланс услуг	-1,39	-1,83	-1,92	-1,47	-6,62	-1,08	-7,43
Баланс оплаты труда	-0,34	-0,35	-0,41	-0,35	-1,45	-0,31	-1,54
Баланс инвестиционных доходов	-3,91	-5,98	-4,66	-2,94	-17,49	-1,53	-13,87
Баланс доходов	-4,25	-6,33	-5,07	-3,29	-18,94	-1,84	-15,41
Баланс текущих трансфертов	-0,22	-0,15	-0,33	-0,29	-0,98	-0,13	-1,47
Текущий счет	2,79	1,01	2,86	0,32	6,98	-1,03	-1,72

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

В этих условиях важной задачей правительства в 2009—2010 гг. становится принятие мер по обеспечению и поддержанию в долгосрочной перспективе профицита счета текущих операций.

Торговый баланс Казахстана с 2000 по 2008 г. имел традиционно положительное сальдо (рис. 2).

Значительный удельный вес сырьевых товаров (почти 89%) и доминанта ценового фактора в экспорте страны определяют сильную зависимость состояния торгового баланса и текущего счета от ценовой конъюнктуры мирового рынка, в особенности мирового рынка нефти. Это, в свою очередь, затрудняет прогнозирование в долгосрочном плане устойчивого притока валюты и не создает предпосылок для создания устойчивого курса национальной валюты. При этом, если рост экспорта был обусловлен в основном ценовым фактором, то увеличение импорта было связано с ростом его физических объемов.

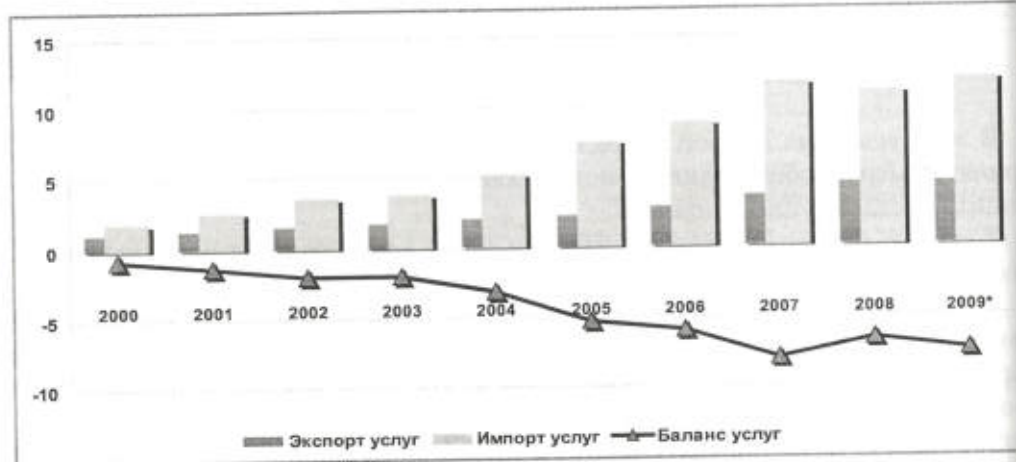

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Рис. 2. Динамика торгового баланса, млрд долл. США

Очевидно, что цены на экспортируемую Казахстаном продукцию, достигнув своего максимума в 2008 г., исчерпали возможности роста, поэтому в 2009 г. можно ожидать дальнейшего сокращения как экспорта товаров в натуральном выражении, так и незначительного сокращения уровня импорта. Таким образом, в 2009 г. снизится положительное сальдо торгового баланса. Ключевым фактором, который может начать или остановить этот процесс, является гибкость структуры экономики и активность властей в проведении структурных реформ.

Баланс международных услуг Казахстана в последние годы имеет традиционно отрицательное сальдо, причем до 2007 г. наблюдалась устойчивая тенденция роста дефицита (рис. 3). Это свидетельствует о наличии перекоса в развитии экспорта услуг: национальная составляющая в сфере всех видов услуг, за исключением транспортных, имеет тенденцию к снижению.

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Рис. 3. Динамика баланса международных услуг, млрд долл. США

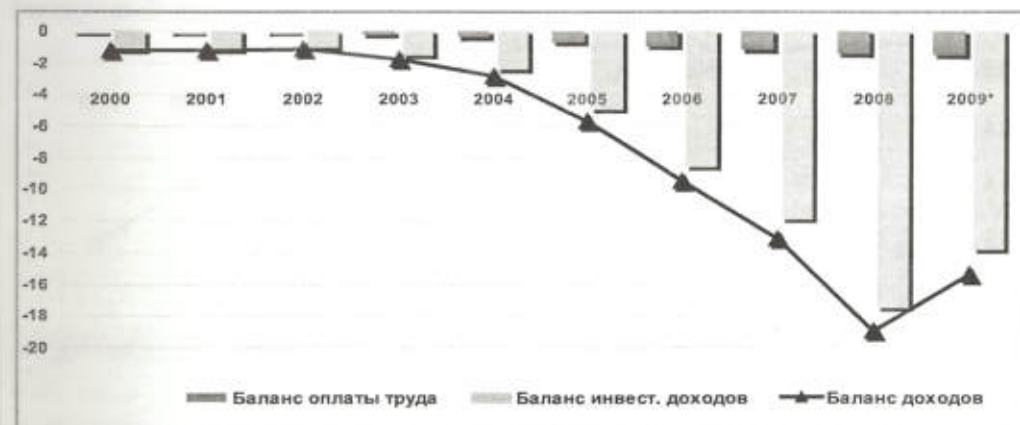
Основными потребителями международных услуг остаются совместные и иностранные предприятия, экспортирующие сырьевые товары. Это приводит к тому, что рост объемов финансирования в виде прямых иностранных инвестиций увеличивает объемы импортируемых деловых и строительных услуг.

Дефицит баланса международных услуг в I квартале 2009 г. составил -1,08 млрд долл. США, сократившись на 22% по сравнению с I кварталом 2008 г. (табл. 1). Экспорт услуг в этот период увеличился на 3,5% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и составил 0,97 млрд долл. США. Основное влияние на его увеличение оказал рост на 4,8% транспортных услуг, традиционно занимающих доминирующее положение в структуре казахстанского экспорта услуг (55%), а также рост на 25,9% государственных услуг. В частности, стоимостной объем грузовых перевозок, составляющих 80% экспорта транспортных услуг, в сравнении с I кварталом прошлого года увеличился на 6,1% за счет роста поступлений за трубопроводный и железнодорожный транзит грузов через территорию страны. Следует отметить, что если доля экспорта транспортных услуг в анализируемый период имела тенденцию к росту, то доли экспорта других услуг (страховых, финансовых, компьютерных и информационных и государственных) снижаются.

Импорт международных услуг в I квартале 2009 г. превысил их экспорт более чем в 2 раза и составил 2,05 млрд долл. США, сократившись на 11,8% по сравнению с I кварталом 2008 г. При этом преобладающие в структуре импорта «Прочие деловые услуги» увеличились на 7,6%, а платежи по операционному лизингу — на 2,5%.

В целом в 2009 г. значительных изменений в балансе международных услуг Казахстана не предвидится. Важной задачей Правительства на ближайшие годы является разработка мероприятий по стимулированию диверсификации структуры экспорта международных услуг из Казахстана в целях сокращения уровня дефицита баланса услуг в дальнейшем.

Экономический рост республики в значительной степени финансируется за счет внешних ресурсов, что и обуславливает рост дефицита баланса доходов Казахстана в анализируемый период (рис. 4).

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Рис. 4. Динамика баланса доходов, млрд долл. США

В 2008 г. дефицит баланса доходов достиг максимального уровня в сумме –18,9 млрд долл. США. При этом на 2,4% увеличились доходы, полученные от оказания услуг нерезидентам, а выплаченные нерезидентам доходы выросли на 36%. В I квартале 2009 г. отрицательное сальдо баланса доходов составило –1,84 млрд долл. США, сократившись в 2,3 раза по отношению к уровню I квартала 2008 г. (табл. 1).

Сальдо баланса оплаты труда с 2000 г. является традиционно отрицательным. В I квартале 2009 г. отрицательное сальдо баланса оплаты труда оказалось на уровне –0,31 млрд долл. США, что на 11% ниже уровня I квартала 2008 г.

Негативной тенденцией для Казахстана является резкий рост объема заработной платы работающих в Казахстане иностранных граждан: с примерно 47,2 млн долл. США в 2000 г. до около 1,5 млрд долл. США в 2008 г. Большая часть данного объема — дивиденды иностранным инвесторам — репатрируется из Казахстана.

В анализируемый период баланс доходов от инвестиций имеет традиционно отрицательное сальдо. Основное влияние на расширение дефицита в период с 2003 по 2008 г. оказало увеличение доходов прямых иностранных инвесторов на фоне благоприятной ценовой конъюнктуры рынка нефти. В I квартале 2009 г. дефицит баланса инвестиционных доходов составил –1,53 млрд долл. США, что в 2,6 раза ниже уровня I квартала прошлого года (табл. 1).

Следствием роста доходов от экспорта является увеличение объемов доходов, выплачиваемых прямым иностранным инвесторам. В I квартале 2009 г. вслед за снижением мировых цен на сырье объем выплат доходов прямым иностранным инвесторам сократился в 2,5 раза по отношению к I кварталу 2008 г. и составил 1,39 млрд долл. США.

В период с 2003 по 2008 г. сальдо по текущим трансфертам было отрицательным, при этом в 2008 г. его уровень сократился более чем в 2 раза (рис. 5). В I квартале 2009 г. отрицательное сальдо по текущим трансфертам составило –0,13 млрд долл. США, что в 1,7 раза ниже уровня I квартала 2008 г. (табл. 1). Трансфертные поступления в этот период сократились на 16,1%, а трансфертные выплаты уменьшились на 27%.

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Рис. 5. Динамика текущих трансфертов, млрд долл. США

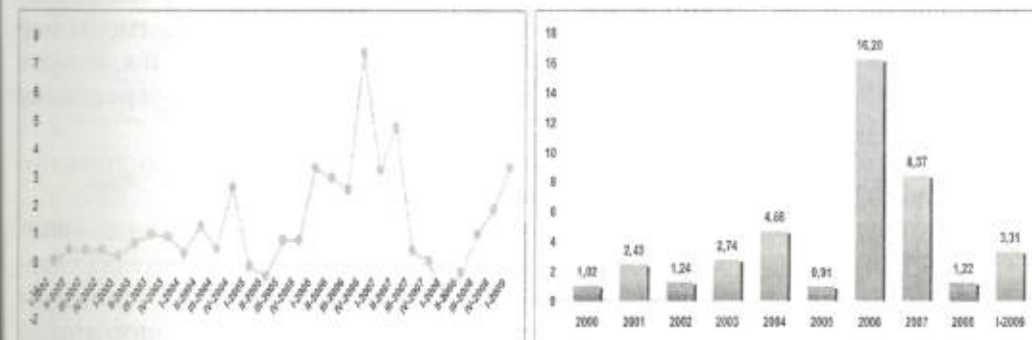
Особый интерес представляет баланс текущих трансфертов прочих секторов, в структуре которого преобладают денежные переводы физических лиц. Так, если в 2000 г. денежные переводы физических лиц из Казахстана в 1,2 раза превышали уровень денежных переводов физических лиц в Казахстан, то в 2007 г. разрыв составил уже 27,4 раза. В I квартале 2009 г. уровень превышения составил 29,2 раза, хотя в этот период наблюдалось сокращение личных переводов в обоих направлениях: денежные переводы физических лиц в Казахстан сократились на 66%, а переводы физических лиц из Казахстана уменьшились на 25,5%.

В целом в 2009 г. возможно сокращение негативного дисбаланса доходов в основном за счет сокращения сальдо баланса инвестиционных доходов, в то же время следует ожидать роста отрицательного сальдо баланса текущих трансфертов. Наличие отрицательного сальдо по балансам доходов и текущих трансфертов в последние годы свидетельствует о необходимости принятия правительством соответствующих мер, направленных на снижение или устранение величины отрицательного сальдо баланса доходов и текущих трансфертов в будущем. Целесообразна разработка комплекса мер для осуществления контроля и регулирования въезда нелегальных трудовых мигрантов с целью сокращения размеров переводов заработной платы теневого характера из Казахстана.

2. Счет операций с капиталом и финансами

В Казахстане за период с 2000 по 2008 г. сохранялось положительное сальдо счета операций с капиталом и финансами (рис. 6). Резкий рост данного показателя наблюдался в 2006 г. (в 17 раз), что было обусловлено ростом объемов внешнего заимствования коммерческими банками и увеличением финансирования казахстанских предприятий с прямыми инвестициями.

После этого сальдо счета операций с капиталом и финансами стало сокращаться: в 2007 г. в 2 раза и в 2008 г. в 7 раз по отношению к предыдущему году. Ухудшение значений данного показателя, прежде всего, обусловлено оттоком капитала из страны (отрицательное сальдо по портфельным инвестициям и прочему краткосрочному капиталу), а также нарастанием кредитного кризиса на мировых финансовых рынках и ухудшением условий фондирования для казахстанских бан-

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).

Рис. 6. Динамика счета операций с капиталом и финансами, млрд долл. США

ков. В I квартале 2009 г. сальдо по операциям с капиталом и финансами составило 3,31 млрд долл. США, тогда как в I квартале 2008 г. наблюдалось отрицательное сальдо в сумме -1,23 млрд долл. США (табл. 2).

Опыт ряда стран показывает, что устойчивое улучшение макроэкономических показателей в стране, укрепление организационно-правовой базы (в т.ч. защита прав собственности и главенство закона), повышение качества структурных реформ, а также контроль инфляции и состояния бюджетного баланса позволяют снизить отток капитала.

Табл. 2. Динамика счета операций с капиталом и финансами, млрд долл. США

	2008					2009	
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Г.	I кв.	Г.*
Счет операций с капиталом	0,0019	-0,0048	-0,0144	-0,0242	-0,0415	0,0031	0,0079
Финансовый счет	-1,23	-0,38	0,99	1,88	1,26	3,31	10,39
Прямые инвестиции	1,82	3,22	2,76	2,93	10,73	2,10	10,32
- за рубежом	-0,87	-0,25	-1,54	-1,14	-3,81	-0,29	-2,52
- в Казахстане	2,69	3,48	4,30	4,08	14,54	2,39	12,84
Портфельные инвестиции	-1,50	-3,28	-1,39	-3,31	-9,48	3,37	-1,15
Производные финансовые инструменты	-0,21	0,12	0,25	0,00	0,16	0,16	0,17
Другие инвестиции	-1,33	-0,44	-0,62	2,25	-0,15	-2,32	1,05
Счет операций с капиталом и финансами	-1,23	-0,38	0,99	1,88	1,26	3,31	10,39

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Меры же регулирования капитала приносят лишь краткосрочную выгоду, смятая изменчивость потоков капитала, и являются неэффективными с точки зрения среднесрочных задач по предотвращению оттока капитала. Поэтому важной задачей правительства становится проведение политики постепенной отмены мер контроля капитала, в том числе упрощение структуры его регулирования, а также совершенствование управления и макроэкономических показателей, укрепление банковской системы.

В период с 2000 по 2004 г. отрицательное сальдо счета операций с капиталом сократилось в 14 раз (рис. 7).

В I квартале 2009 г. наблюдалось незначительное положительное сальдо капитального счета на уровне 3,1 млн долл. США, что в 1,6 раза выше показателя I квартала 2008 г. (табл. 2). Значительное влияние на сальдо счета операций с капиталом оказывают связанные с миграцией трансферты. В I квартале 2009 г. трансфертные поступления, связанные с иммиграцией, сократились на 20,8%, а вывоз эмигрантами активов увеличился на 33,8% по сравнению с I кварталом 2008 г. В результате сложилось отрицательное сальдо по трансфертам, связанным с миграцией в размере -5,5 млн долл. США. Нетто-отток ресурсов по трансфертам, связанным с мигра-

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).

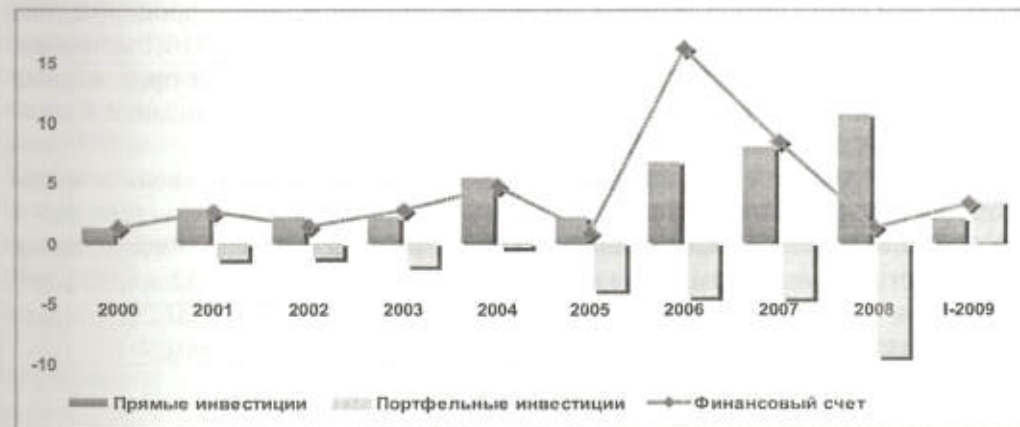
Рис. 7. Динамика счета операций с капиталом, млн долл. США

цией, был скомпенсирован снижением обязательств перед нерезидентами в связи с частичным аннулированием долга казахстанских предприятий иностранными кредиторами, составившего 6,4 млн долл. США. В целом в 2009 г. можно ожидать, что баланс по счету операций с капиталом будет иметь положительное сальдо.

Сальдо *финансового счета* в анализируемый период являлось положительным (рис. 8).

Изменение направления потоков капитала по операциям финансового счета после августа 2007 г. получило дальнейшее развитие в 2008 г., когда сальдо финансового счета сократилось в 7 раз и составило 1,26 млрд долл. США. Это связано в основном с ограниченным доступом на мировые финансовые рынки в настоящий период. В I квартале 2009 г. по операциям финансового счета наблюдался чистый приток ресурсов в сумме 3,31 млрд долл. США, тогда как в I квартале 2008 г. сложился чистый отток в 1,26 млрд долл. США.

Важнейшей компонентой финансового счета является показатель *прямых инвестиций*, приток которых в Казахстан обеспечивается за счет осуществле-

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).

Рис. 8. Динамика финансового счета, млрд долл. США

ния проектов с участием иностранных инвесторов в добывающей отрасли. В период с 2005 по 2008 г. в стране наблюдается рост уровня прямых инвестиций (рис. 8), что говорит о сохранении привлекательности страны для вложений прямых иностранных инвестиций, несмотря на глобальный финансовый кризис. В I квартале 2009 г. нетто-приток прямых инвестиций составил 2,1 млрд долл. США, увеличившись на 15,5% в сопоставлении с I кварталом 2008 г. (табл. 2).

В последние два года в экономике наблюдался нетто-отток ресурсов по *прямым инвестициям за рубеж*. Эта тенденция, вероятно, продолжится и в 2009 г. Уровень зарубежных прямых инвестиций в I квартале 2009 г. составил -0,29 млрд долл. США, что почти в 3 раза ниже уровня I квартала 2008 г. Нетто-приток иностранных *прямых инвестиций в Казахстан* с 2005 г. имеет тенденцию к росту. В I квартале 2009 г. их уровень снизился в сравнении с I кварталом 2008 г. на 11,2% и составил 2,39 млрд долл. США.

В структуре валового притока иностранных прямых инвестиций (ИПИ) по видам экономической деятельности высокую долю по-прежнему занимают инвестиции в минерально-сырьевой сектор, в частности, в проведение геологической разведки и изысканий (50,5%) и добычу сырой нефти и природного газа (24,9%). При этом в I квартале 2009 г. продолжилась тенденция сокращения объемов ИПИ в отрасль добычи сырой нефти и природного газа, начавшаяся в 2008 г. Это связано в основном с изъятием инвесторами реинвестированной прибыли прошлых лет в виде дивидендов и зачислением этих средств на счета своих казахстанских филиалов. В I квартале 2009 г. сложилось отрицательное значение объемов ИПИ в черную и цветную металлургию, что явилось результатом убытков, а также превышения объемов продаж нерезидентами своей доли участия над новыми объемами поступлений в данные отрасли.

В 2009 г. значительных изменений как в структуре, так в уровне прямых инвестиций не предвидится. В то же время остается актуальным создание благоприятных условий для диверсификации структуры притока иностранных инвестиций в Казахстан, в том числе в обрабатывающую промышленность.

В I квартале 2009 г. наблюдался нетто-приток по *операциям портфельного инвестирования* в сумме 3,4 млрд долл. США (табл. 2). Нетто-приток ресурсов по *операциям с производными финансовыми инструментами* в I квартале 2009 г. составил 160,3 млн долл. США, тогда как в аналогичный период прошлого года по данным операциям наблюдался нетто-отток ресурсов в сумме 210,1 млн долл. США. В целом можно отметить, что портфельные инвестиции и производные финансовые инструменты не имеют большого значения для экономики Казахстана, занимая лишь около 5% иностранных вложений.

Изменение условий на финансовых рынках оказывает существенное влияние на потоки капитала, классифицируемого как *Другие инвестиции* (средне- и долгосрочные займы и кредиты; прочий краткосрочный капитал). Чистый отток капитала по данным операциям составил в I квартале 2009 г. -2,32 млрд долл. США, что в 1,7 раза выше показателя I квартала 2008 г. (табл. 2). В 2009 г. возможно достижение положительного сальдо по другим инвестициям.

3. Общий баланс

В целом, согласно итогам 2008 г., положительное сальдо по операциям платежного баланса составило 2,17 млрд долл. США, в то время как в 2007 г.

отрицательное сальдо платежного баланса сократило резервы НБ РК на сумму 3,03 млрд долл. США (рис. 9).

Примечание: Составлено согласно данным НБ РК (<http://www.nationalbank.kz>).
* Прогнозные данные автора.

Рис. 9. Сальдо платежного баланса Казахстана за 2000—2009 гг.

Одним из основных последствий мирового кризиса стало резкое сокращение нового долгового финансирования и объемов внутреннего кредитования экономики, что в определенной мере отразилось на результатах 2008 г. и, вероятно, проявится в 2009 г. В I квартале 2009 г. отрицательное сальдо платежного баланса составило -0,55 млрд долл. США. Можно предположить, что в 2009 г. будет достигнуто незначительное положительное сальдо платежного баланса страны.

В целом анализ платежного баланса Казахстана за 2000—2009 гг. позволяет выявить ряд следующих тенденций:

1. Преобладание минеральных продуктов и металлов в структуре экспортных поставок страны говорит о сильной зависимости состояния торгового баланса и текущего счета от ценовой конъюнктуры мирового рынка (в особенности мирового рынка нефти). В 2009 г. можно ожидать снижения положительного сальдо торгового баланса за счет сокращения уровней экспорта и импорта товаров. В этой связи необходимо проведение тщательного анализа хода реализации Стратегии индустриально-инновационного развития и, в частности, мероприятий по диверсификации и преодолению сырьевой направленности экономики страны. Учитывая нестабильность ситуации на мировых рынках сырья, целесообразно возобновить проведение анализа эффектов от политики импортозамещения и поддержки отечественного товаропроизводителя (прежде всего, производителей оборудования для нефте-, газо- и иных добывающих отраслей). На первый план выступает проблема модернизации отраслей промышленности.

2. Устойчивая тенденция роста дефицита баланса международных услуг обусловлена в большей степени интенсивным освоением нефтегазовых месторождений, а также других проектов, стимулирующих рост потребления услуг нерезидентов. В этой связи необходимо проведение комплексного анализа деятельности иностранных компаний, а также возможной корректировки контрактов с иностранными компаниями для обеспечения прозрачности уплаты

ими налогов, таможенных пошлин и других обязательных платежей в бюджет государства. Актуальными остаются мероприятия по увеличению в них отечественной составляющей и стимулированию диверсификации структуры экспорта международных услуг.

3. Постоянно растущее отрицательное сальдо баланса доходов в значительной мере обусловлено ростом дефицита доходов от инвестиций. Здесь необходимы меры по учету в контрактах с иностранными инвесторами изменений мировых цен на экспортируемую продукцию, а также по стимулированию спроса иностранных компаний на товары отечественного производства, в том числе оборудование. В 2009 г. возможно сокращение негативного дисбаланса доходов в основном за счет сокращения сальдо баланса инвестиционных доходов.

4. Для предотвращения дальнейшего роста расходов на текущие трансферты необходимы мероприятия по повышению эффективности контроля и регулирования въезда нелегальных трудовых мигрантов с целью сокращения размеров переводов заработной платы иностранных рабочих сил теневого характера из Казахстана.

5. Ухудшение значений сальдо финансового счета, прежде всего, обусловлено оттоком капитала из страны, а также нарастанием кредитного кризиса на мировых финансовых рынках и ухудшением условий фондирования для казахстанских банков. Важной задачей правительства становится проведение политики постепенной отмены мер контроля капитала, в том числе упрощение структуры его регулирования, а также совершенствование управления и макроэкономических показателей, укрепление банковской системы.

6. Приток прямых инвестиций в Казахстан по-прежнему обеспечивается за счет проектов с иностранным участием в добывающей отрасли. Здесь следует помнить, что рост прямых иностранных инвестиций увеличивает объемы импортируемых услуг; следствием роста доходов от экспорта является увеличение объемов доходов, выплачиваемых прямым иностранным инвесторам. В 2009 г. значительных изменений как в структуре, так и в уровне прямых инвестиций не предвидится. Актуальным остается создание благоприятных условий для диверсификации структуры притока иностранных инвестиций в Казахстан, в том числе и в обрабатывающую промышленность.

7. Одним из основных последствий мирового кризиса стало резкое сокращение нового долгового финансирования и объемов внутреннего кредитования экономики, что в определенной мере отразилось на результатах 2008 г. и, вероятно, проявится в 2009 г. Можно предположить, что в 2009 г. будет достигнуто незначительное положительное сальдо платежного баланса страны.

Оценка экономической эффективности движения капитала

ЕРТАЕВ К.Е.

В движении капитала важную роль играет совокупный доход, который выступает как результат деятельности предприятия. В совокупном доходе сконцентрированы интересы различных субъектов, обеспечивающих формирование, функционирование и развитие предприятия. В целях обеспечения непрерывного и динамичного развития производства, необходимо постоянно поддерживать прогрессивную сбалансированность интересов субъектов в плане интенсивного формирования и рационального распределения совокупного дохода.

Процесс формирования возрастающего совокупного дохода характеризуется интенсивностью и рациональностью движения, направленного на воспроизводство капитала. Так, интенсивность этого движения отражается в капиталотдаче, а рациональность — в рентабельности продаж (оборота). При этом интенсивность движения капитала в формировании совокупного дохода можно установить всегда, однако не всегда можно определить рациональность движения капитала, так как предприятие может функционировать в условиях убыточности производства.

В динамике рентабельности совокупного капитала можно наблюдать корреляционную связь между изменением капиталотдачи и рентабельности продаж, что отражается в экономическом регулировании интенсивности и рациональности движения капитала. Изучение этой связи позволяет нам установить соответствие изменения капиталотдачи изменению рентабельности продаж, сформулировать проблемы, влияющие на повышение интенсивности и рациональности движения капитала, наметить пути их решения.

Внешней оценкой реализации потребителям результатов труда работающих выступает совокупный доход. Он состоит из суммы валового дохода и дохода от неосновной деятельности предприятия, выступая как единое целое. Доход от основной деятельности показывает объем реализованной продукции, соответствующей основному профилю деятельности предприятия. Доход от неосновной деятельности показывает объем реализованной продукции, не присущей основному профилю деятельности предприятия.

Указанные доходы могут изменяться разнонаправленно. Так, например, рост дохода от основной деятельности может происходить при снижении дохода от неосновной деятельности, что свидетельствует о наращивании объема реализованной продукции по основному профилю производства. И, наоборот, рост дохода от неосновной деятельности происходит при снижении дохода от основной де-

тельности, то есть сигнализирует о спаде производства по основному профилю. В настоящее время это положение характерно для многих предприятий.

Следует заметить, что преобладание той или иной тенденции в плане изменения частей совокупного дохода определяет виды и формы коммерческого и производственного предпринимательства в хозяйствующих субъектах. Подчеркнем, что изменение структуры совокупного дохода должно быть прогрессивным и соответствовать возрастающим общественным потребностям.

В изменении совокупного дохода наблюдаются противоречивые тенденции, присущие развитию производства. Так, например, тенденция к сокращению совокупного дохода проявляется при обновлении и расширении ассортимента выпускаемой продукции. Иначе говоря, на начальном этапе освоения нового вида продукции предприятие часто снижает объемы реализуемой продукции. Однако при сокращении выпуска продукции оно может увеличить прибыль. Именно такое снижение характеризует развитие производства.

Существует и тенденция к увеличению совокупного дохода, наблюдающаяся при наращивании предприятием выпуска нового вида продукции. Эта тенденция ведет к увеличению прибыли и присуща развитию производства. Отсюда следует, что однозначно ответить на вопрос о степени развития производства, принимая во внимание только изменение совокупного дохода, нельзя.

Регулирование интенсивности движения капитала имеет свою систему показателей, включающую: рентабельность совокупного капитала; рентабельность продаж; капиталоотдачу. Если рассматривать эти показатели с позиции воспроизводства, то они характеризуют следующее: рентабельность совокупного капитала показывает способность капитала к самовозрастанию; рентабельность продаж — рациональность движения капитала; капиталоотдача — интенсивность движения капитала. Эти показатели необходимы для характеристики экономической эффективности производства.

Таким образом, взаимосвязь рентабельности совокупного капитала с рентабельностью продаж и капиталоотдачей можно использовать с позиции их повышения.

$$P_{\text{сов.}} = K_o * Y; \quad (1)$$

$$Y = P_{\text{сов.}} : K_o; \quad (2)$$

$$K_o = P_{\text{сов.}} : Y, \quad (3)$$

где $P_{\text{сов.}}$ — рентабельность совокупного капитала, %;

K_o — капиталоотдача;

Y — рентабельность продаж, %.

Теперь охарактеризуем регулирование интенсивности движения капитала. Капиталоотдача и удельный вес прибыли (чистого дохода) в совокупном доходе взаимосвязаны между собой, образуя единое целое и формируя интегрирующий качественный показатель — рентабельность совокупного капитала. Так, при неизменном уровне рентабельности совокупного капитала повышение капиталоотдачи ведет к снижению удельного веса прибыли в совокупном доходе, что характеризует рост совокупного дохода. И, наоборот, при неизменном уровне рентабельности совокупного дохода рост удельного веса прибыли (чистого дохода)

совокупном доходе снижает капиталоотдачу, что свидетельствует о сокращении совокупного дохода. В этих изменениях системы показателей видны результаты регулирования интенсивности движения капитала.

Расширив факторную модель рентабельности собственного капитала за счет разложения на составные части рентабельности совокупного капитала, Г.В. Савицкая справедливо отмечает: «Рентабельность продаж ($R_{p.p}$) (удельный вес прибыли (чистого дохода) в совокупном доходе — $E.K.$) характеризует эффективность управления затратами и ценовой политики предприятия.

Коэффициент оборачиваемости капитала (капиталоотдача — $E.K.$) отражает интенсивность его использования и деловую активность».

Следует заметить, что на практике рентабельность продаж часто используют для формирования цены на выпускаемую продукцию. Однако в настоящее время многие предприятия работают в режиме убыточности продаж, обуславливающей снижение величин собственного капитала, поэтому перед ними стоит важная задача по переводу производства из убыточного состояния в прибыльное.

Повышение коэффициента оборачиваемости капитала оправданно, если предприятие работает в режиме рентабельности продаж. При этом оно показывает наращивание объема сбыта выпускаемой продукции и является одним из важных факторов, способствующих увеличению чистого дохода (прибыли).

Рентабельность совокупного капитала выступает в качестве важнейшего показателя, использование которого позволяет влиять на принятие решения по вопросу о целесообразности вложения капитала в тот или иной хозяйствующий субъект. Она же характеризует способность данного субъекта зарабатывать чистый доход (прибыль) при дальнейшем развитии.

Следует заметить, что по уровню и характеру изменения рентабельности совокупного капитала кредиторы и инвесторы решают проблему предоставления хозяйствующему субъекту кредитов и займов.

Отметим, что при убыточности рост капиталоотдачи сопровождается увеличением убытков, что может привести к банкротству. Повышение капиталоотдачи при неизменном удельном весе прибыли (чистого дохода) в совокупном доходе ведет к увеличению массы прибыли.

Следует заметить, что повышение рентабельности продаж создает благоприятные условия для накопления капитала. И, наоборот, при прочих равных условиях снижение рентабельности продаж способствует сокращению имеющегося у хозяйствующего субъекта капитала. Чтобы приостановить этот процесс, капитал необходимо постоянно совершенствовать, то есть внедрять в хозяйствующий субъект современные достижения науки и техники. Иначе говоря, необходимо укреплять материально-техническую базу.

Деловая активность хозяйствующего субъекта отражается через изменение скорости оборота его хозяйственных средств. Скорость этого оборота непосредственно влияет на платежеспособность. Ускорение оборачиваемости хозяйственных средств уменьшает потребность в них, открывает новые возможности для дальнейшего развития и укрепления стабильности хозяйствующего субъекта.

Для характеристики оборота хозяйственных средств применяются различные показатели, использование которых позволяет оценить, насколько рационально и интенсивно эти хозяйственные средства используются. Факторы развития по-разному влияют на изменение скорости оборота хозяйственных средств: одни из

них способствуют увеличению этой скорости, другие — снижению. Главным интегрирующим показателем здесь выступает капиталотдача, увеличение которой означает ускорение движения воспроизводства капитала, что свидетельствует об улучшении использования хозяйственных средств.

Капиталотдача характеризует экономическую эффективность использования хозяйственных средств. Величина этого показателя зависит от особенности отрасли и ее капиталоемкости. Увеличение капиталотдачи может быть достигнуто как за счет повышения квалификации работников, а также технического уровня основных средств, так и за счет интенсивного их использования.

В росте капиталотдачи особое место занимает укрепление взаимосвязи хозяйствующего субъекта с внешней средой. Так, отсутствие налаженных связей с поставщиками и потребителями требует значительного накопления товарно-материальных ценностей, которое, при прочих равных условиях, снижает уровень капиталотдачи. Таким образом, чтобы повысить уровень капиталотдачи, необходимо совершенствовать технику и технологию, повышать квалификацию работников, улучшать и укреплять экономические связи хозяйствующего субъекта с поставщиками и потребителями и др.

Капиталотдача является интегрирующим показателем, характеризующим интенсивность движения в воспроизводстве капитала. Она отражает взаимосвязь двух объемных показателей (совокупного дохода и совокупного капитала) между собой. Определяется капиталотдача как отношение совокупного дохода к совокупному капиталу и записывается в виде следующей формулы:

$$K_o = C_d / K_{сов}, \quad (4)$$

где K_o — капиталотдача;

C_d — совокупный доход, тыс. тг;

$K_{сов}$ — совокупный капитал (хозяйственные средства), тыс. тг.

В повышении капиталотдачи важную роль играют темпы изменения совокупного дохода и совокупного капитала, лежащие в основе разработки стратегий и тактики повышения интенсификации движения в воспроизводстве капитала. Следует заметить, что совокупный доход и совокупный капитал изменяются по-разному, однако на динамике капиталотдачи эти изменения отражаются.

Повышение капиталотдачи отражает интенсивный путь развития, сигнализируя о возрастании степени непропорционального изменения совокупного капитала и совокупного дохода в пользу последнего. На практике существует и экстенсивный путь развития, который проявляется в виде пропорционального роста совокупного дохода и совокупного капитала. При этом уровень капиталотдачи остается неизменным.

Способность совокупного дохода к самовозрастанию тесно связана с изменением совокупного капитала. Так, она учитывает изменение как качественного, так и количественного параметра капиталотдачи. Способность совокупного дохода к самовозрастанию отражает взаимосвязь структуры изучаемого явления с его объемом. Эту способность можно выразить в виде следующей формулы:

$$C_{са} = \frac{C_d}{K_{сов}} (C_d + K_{сов}) = C_d \left(\frac{C_d}{K_{сов}} + 1 \right), \quad (5)$$

где $C_{са}$ — способность совокупного дохода к самовозрастанию, тыс. тг;

C_d — совокупный доход, тыс. тг;

$K_{сов}$ — совокупный капитал, тыс. тг;

$\frac{C_d}{K_{сов}}$ — коэффициент капиталотдачи (структура изучаемого явления);

$(C_d + K_{сов})$ — сумма совокупного дохода и совокупного капитала (объем явления), тыс. тг.

Из формулы (5) видно, что способность совокупного дохода к самовозрастанию зависит от коэффициента капиталотдачи, коррелируя с ним.

В формуле (5) отражаются качественная и количественная стороны капиталотдачи. Сумма совокупного капитала и совокупного дохода отражает объем изучаемого явления, а коэффициент капиталотдачи — его структуру. Результат произведения двух показателей возрастает, если одновременно изменяется соотношение совокупного капитала и совокупного дохода в пользу последнего и растет их сумма.

Преобразованная формула отражает способность совокупного дохода к самовозрастанию за счет расширения, обновления и рационального использования совокупного капитала. Следует отметить, что с повышением коэффициента капиталотдачи более высоко оценивается и потенциальная способность совокупного дохода к самовозрастанию.

Сумма совокупного капитала и совокупного дохода отражает количественную сторону капиталотдачи, а коэффициент капиталотдачи — качественную. Между собой данные параметры взаимосвязаны, а оценки их изменения взаимовлияют и взаимодополняют друг друга. На практике всегда имеется проблема обеспечения взаимосоответствия изменения качественной стороны капиталотдачи изменению ее количественной стороны, решение которой связано с интенсификацией движения капитала.

Стороны капиталотдачи изменяются непрерывно. Они отражают интенсивный и экстенсивный пути развития производства. Так, рост коэффициента капиталотдачи характеризует интенсивный путь развития производства, а увеличение суммы совокупного дохода и совокупного капитала — экстенсивный. Комплексная оценка изменения капиталотдачи состоит из результата произведения индекса ее качественной стороны на индекс ее количественной стороны.

Так, индекс качественной стороны капиталотдачи определяется по следующей формуле:

$$J_k^k = \frac{C_d^1}{K_{сов}^1} : \frac{C_d^o}{K_{сов}^o}, \quad (6)$$

где J_k^k — индекс качественной стороны капиталотдачи;

C_d^1, C_d^o — совокупный доход в отчетном и базисном периодах, тыс. тг;

$K_{сов}^1, K_{сов}^o$ — совокупный капитал в отчетном и базисном периодах, тыс. тг.

Индекс количественной стороны капиталотдачи рассчитывается по следующей формуле:

$$J_o^k = \frac{C_d^1 + K_{сов.}^1}{C_d^0 + K_{сов.}^0}, \quad (7)$$

Интегральный индекс состоит из произведения индекса качественной стороны капиталотдачи на индекс ее количественной стороны. Полученный результат комплексно оценивает изменение капиталотдачи. Так, интегральный индекс капиталотдачи определяется по следующей формуле:

$$J_n^k = \sqrt{J_k^k * J_o^k}, \quad (8)$$

В предыдущих соотношениях изменения совокупного дохода и совокупного капитала были исследованы стратегия строения и тактика повышения капиталотдачи — интенсивности движения капитала. В последующих соотношениях будет изучена комплексная оценка изменения капиталотдачи, в которой учитываются интенсивный и экстенсивный пути развития производства, что позволяет однозначно определить динамику развития производства с позиции капиталотдачи.

Интегрирующим показателем, характеризующим рациональность движения в воспроизводстве капитала, является удельный вес прибыли (чистого дохода) в совокупном доходе. Он характеризует взаимосвязь прибыли с совокупным доходом, определяется как отношение прибыли к совокупному доходу и записывается в виде следующей формулы:

$$Y = \Pi : C_d, \quad (9)$$

где Y — удельный вес прибыли в совокупном доходе (рентабельность продаж);

Π — прибыль (чистый доход), тыс. тг;

C_d — совокупный доход, тыс. тг.

Рентабельность продаж характеризует рациональность движения в воспроизводстве капитала.

Важную роль в повышении рентабельности продаж играют темпы изменения прибыли и совокупного дохода, так как они лежат в основе разработки стратегии и тактики повышения рациональности движения в воспроизводстве капитала. Следует отметить, что прибыль и совокупный доход изменяются по-разному. Однако эти изменения сопровождаются улучшением структуры совокупного дохода в пользу элемента прибыли.

Повышение рентабельности продаж характеризуется интенсивным путем развития, если происходит в результате увеличения непропорционального изменения совокупного дохода и прибыли в пользу последней. Имеется и экстенсивный путь развития, который проявляется в виде пропорционального роста совокупного дохода и прибыли. При этом уровень рентабельности остается неизменным.

Интенсивный путь развития не может идти без экстенсивного. Они взаимосвязаны между собой и взаимодополняют друг друга. При этом они всегда находятся в определенном сочетании, прогрессивность изменения которого проявляется в виде роста интегрального изменения качественной и количественной стороны рентабельности продаж.

Способность прибыли к самовозрастанию тесно связана с формированием совокупного дохода. Так, она учитывает изменение как качественной стороны рентабельности продаж, так и количественной. Способность прибыли к самовозрастанию отражает взаимосвязь структуры изучаемого явления с его объемом. Таким образом, эту способность можно представить в виде следующей модели:

$$C_n = \frac{\Pi}{C_d} (\Pi + C_d) = \Pi \left(\frac{\Pi}{C_d} + 1 \right), \quad (10)$$

где C_n — способность прибыли к самовозрастанию, тыс. тг;

C_d — совокупный доход, тыс. тг;

Π — прибыль (чистый доход) тыс. тг;

$\frac{\Pi}{C_d}$ — коэффициент рентабельности продаж;

$(\Pi + C_d)$ — сумма прибыли и совокупного дохода (объем изучаемого явления), тыс. тг.

Из формулы (10) видно, что способность прибыли к самовозрастанию зависит от коэффициента рентабельности продаж, возрастая при его увеличении.

В формуле (10) учитываются качественная и количественная стороны рентабельности продаж. Сумма прибыли и совокупного дохода отражает объем изучаемого явления, а коэффициент рентабельности продаж — его структуру. Результат этого произведения увеличивается, если соотношение совокупного дохода и прибыли изменяется в пользу последней и их сумма растет.

Следует отметить, что, чем выше коэффициент рентабельности продаж, тем более высоко оценивается потенциальная способность прибыли к самовозрастанию — за счет обновления, расширения реализации произведенной продукции (работ, услуг).

Сумма прибыли и совокупного дохода характеризует количественную сторону рентабельности продаж, а коэффициент рентабельности продаж — качественную. Эти параметры взаимосвязаны между собой, взаимовлияя и взаимодополняя друг друга.

Однако всегда существует проблема обеспечения взаимосоответствия изменения качественной стороны рентабельности продаж изменению ее количественной стороны, решение которой связано с развитием предпринимательства.

Стороны рентабельности продаж изменяются непрерывно. Эти изменения отражают интенсивный и экстенсивный пути развития. Так, рост коэффициента рентабельности продаж отражает интенсивный путь развития, а увеличение суммы совокупного дохода и прибыли — экстенсивный.

Комплексная оценка изменения рентабельности продаж состоит из результата произведения индекса ее качественной стороны на индекс ее количественной стороны. Так, индекс качественной стороны рентабельности продаж определяется по следующей формуле:

$$J_p^k = \frac{\Pi^1}{C_d^1} : \frac{\Pi^0}{C_d^0}, \quad (11)$$

где J_p^k — индекс качественной стороны рентабельности продаж;

C_d^1, C_d^0 — совокупный доход в отчетном и базисном периодах, тыс. тг;

Π^1, Π^0 — прибыль (чистый доход) в отчетном и базисном периодах, тыс. тг.

Индекс количественной стороны (объема) рентабельности продаж рассчитывается по следующей формуле:

$$J_p^o = \frac{C_d^1 + \Pi^1}{C_d^0 + \Pi^0}, \quad (12)$$

Интегральный индекс состоит из произведения индекса качественной стороны рентабельности продаж на индекс ее количественной стороны. Полученный результат комплексно оценивает изменение рентабельности продаж. Так, интегральный индекс рентабельности продаж рассчитывается по следующей формуле:

$$J_p^i = \sqrt{J_p^k * J_p^o}, \quad (13)$$

Для оценки экономической эффективности, достигнутой в процессе регулирования интенсивности движения капитала, предлагаем использовать следующую формулу:

$$J = \sqrt[4]{J_k^k * J_o^k * J_k^n * J_o^n}, \quad (14)$$

где J_k^k, J_o^k — соответственно, индексы изменения уровня и объема капиталотдачи;

J_k^n, J_o^n — соответственно, индексы изменения уровня и объема рентабельности продаж.

Согласно данным табл. 1 (см. на стр. 59), видно, что экономическая эффективность регулирования интенсивности движения капитала оценивается положительно в промышленности и сельском хозяйстве по ряду средних и крупных предприятий за период с 2004 по 2006 г. в Жуалынском, Кордайском, Меркенском, им. Т. Рыскулова районах, а также в Таласском районе за период с 2004 по 2007 г. Таким образом, следует отметить, что для повышения экономической эффективности процесса регулирования интенсивности движения капитала существуют значительные резервы.

Табл. 1. Оценка экономической эффективности регулирования интенсивности движения капитала в хозяйствующих субъектах Жамбылской области

Наименование субъекта	2002— 2003 гг.	2003— 2004 гг.	2004— 2005 гг.	2005— 2006 гг.	2006— 2007 гг.
Жамбылская область	0,617	0,959	2,341	0,371	0,891
<i>Промышленность</i>	0,640	1,046	1,930	0,550	1,058
<i>Сельское хозяйство</i>	0,546	1,329	1,178	1,440	0,587
Жамбылский р-н	1,958	1,528	0,875	1,718	1,194
Жуалынский р-н	0,644	0,592	2,753	1,080	0,520
Кордайский р-н	0,973	0,545	2,823	1,043	0,591
Р-н им. Т. Рыскулова	1,583	0,712	1,443	1,423	0,622
Меркенский р-н	0,600	1,124	3,088	1,045	1,323
Мойынкумский р-н	0,754	5,365	1,451	0,521	1,429
Сарысуский р-н	0,241	3,439	3,159	0,101	1,356
Байзакский р-н	0,989	0,849	0,572	1,939	0,751
Таласский р-н	0,319	0,813	1,231	1,021	1,037
Шуйский р-н	2,944	0,789	0,471	6,569	1,337
г. Тараз	0,524	0,734	2,518	0,377	2,233

Понятие «национальная безопасность» в американской политической традиции и политической науке: теоретико-методологические аспекты

СКАКОВСКИЙ Л.Р.

«Национальная безопасность» (national security) — одна из самых сложных в теоретическом плане, и в то же время одна из самых важных для практической сферы категорий политической науки. Попытки прояснить ее политическое происхождение (а не просто этимологию слова) уводят нас ко времени основания США как независимого государства. Так, есть все основания полагать, что прообраз понятия «национальная безопасность» фактически присутствует уже в Билле о правах Вирджинии (1776), где было прямо сказано, что правительство создается или должно создаваться для общего блага, защиты и безопасности всего народа, всей нации и всего общества.

Аналогичным образом понятие «национальная безопасность» не было употреблено, но его содержание уже присутствовало в «Прощальном послании» Дж. Вашингтона, в котором основатель американского государства предостерегает сограждан от любого ввязывания в европейские дела: «К чему делать нашу судьбу зависимой от судьбы любой части Европы и связывать наш мир и процветание с проявлениями честолюбия, соперничества, *интересов*, настроений или капризов Европы?» [1]. Согласно доктрине Монро (1823), Европе не следовало вмешиваться в дела Западного полушария: «американские континенты, добившиеся свободы и независимости и *берегающие их*, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав» [2].

Сходным образом, но уже в совершенно иную эпоху, У. Липпман подчеркивал, что нация находится в состоянии безопасности, «когда ей не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда она в состоянии защитить при необходимости эти интересы путем войны» [3]. Таким образом, понятие «национальная безопасность» неразрывно связано с понятием «национальный интерес», причем последнее в единственном числе может считаться родовым понятием, обобщением «национальных интересов» во множественном числе [4].

К разработке данной категории были причастны многие видные ученые, в том числе американский протестантский теолог Р. Нибур, историк Ч. Бирд, а также видные политологи Дж. Кеннан, У. Липпман, К. Уолтц, Э. Фернисс, Дж. Розенау

и другие исследователи. В частности, Р. Нибур отмечал, что национальный интерес вытекает как из сущности политической ситуации, так и из сущности человека. Дж. Розенау акцентировал внимание на том, что определение национального интереса не может быть ничем иным, кроме как системой умозаключений, исходящих из аналитической и ценностной базы политики. Ч. Бирд посвятил данной проблеме книгу «Идея национальных интересов» [5].

Однако наиболее полно соотношение понятий «национальная безопасность» и «национальный интерес» раскрыто представителями школы политического реализма. В частности, Г. Моргентау отметил, что national interest — это ключевая категория политической науки, которая характеризует действия государства в сфере внешней политики. Именно national interest обуславливает самостоятельность политики и ее отличие от других областей, в том числе и от экономики. Согласно мнению Г. Моргентау, «внешняя политика, направляемая универсальными моральными принципами и отбрасывающая национальный интерес на задний план, является в условиях современной политики и военного дела политикой национального самоубийства — действительного или потенциального» [6]. Национальные интересы, согласно мнению Г. Моргентау, могут быть также подразделены на временные и постоянные, специальные и общие, дополняющие друг друга и противоречащие друг другу.

При этом представители школы политического реализма отмечали, что главной составляющей национального интереса является императив самосохранения государства. В частности, как подчеркивал Р. Осгуд: «...пока люди выражают свою высшую лояльность по отношению к национальным государствам, последние должны действовать в соответствии с идеальными целями только до предела их совместимости с наиболее фундаментальными целями национального интереса» [7].

В годы противостояния США и СССР свой вклад в разработку проблем национальной безопасности внесли неоконсервативные политики и политологи, занимавшие важные позиции в соответствующих «мозговых центрах» — Фонде «Наследие» (Heritage Foundation), Американском предпринимательском институте (American Enterprise Institute), Центре политики в области безопасности (Center for Security Policy) и др. Это, в частности, И. Кристол, Н. Подгорец, Н. Глейзер, П. Нитце, Ю. Ростю и др.

Основные идеи неоконсерваторов в годы «холодной войны» сводились к следующим положениям:

- главная угроза безопасности исходит от СССР и коммунистической идеологии;
- основным инструментом решения проблем национальной безопасности является военная сила;
- американское общество должно вернуться к традиционным ценностям и институтам, включая религию;
- хаос и неупорядоченность внешнего мира могут быть преодолены только на основе американского лидерства;
- действия многосторонних международных институтов не должны противоречить национальным интересам США [8].

Исходя из этих принципов, неоконсерваторы, доминировавшие в правом крыле Республиканской партии, обозначали и главные приоритеты в сфере национальной

безопасности — оборонный бюджет, оборонная стратегия, ядерные силы, обычные вооруженные силы, подбор военнослужащих, резервисты, готовность ВПК, НИОКР, управление и организации, разведывательное сообщество и т.д. [9].

В то же время уже в программе Республиканской партии (1980) впервые было отражено появление так называемых нетрадиционных угроз национальной безопасности США, в числе которых были названы международный терроризм, народные волнения и беспорядки, а также возможность ограничения доступа к природным ресурсам в странах «третьего мира» с просоветскими режимами.

Новые тенденции в понимании проблемы национальной безопасности получили развитие в работе Р. Ульмана (Принстонский университет) «Заново определяя понятие безопасности» (1983), в которой утверждалось, что чрезмерно узкое определение безопасности, когда акцент делается только на военные угрозы, уводит внимание от невоенных угроз, которые способны серьезно подорвать национальную и международную стабильность. Кроме того, традиционная интерпретация национальной безопасности не учитывала реальную возможность того, что некоторые из наиболее опасных угроз национальной безопасности могут исходить изнутри самого государства. В связи с этим Р. Ульман предложил свое определение: угроза национальной безопасности есть действие или последовательность событий, которые чреваты резким снижением качества жизни населения определенного государства за относительно короткий промежуток времени либо угрожают значительно сузить круг политических альтернатив, находящихся в распоряжении правительства страны или частных неправительственных организаций (групп, лиц и корпораций) внутри государства [10].

Однако, несмотря на значительные геополитические перемены конца XX в. (распад СССР, крушение социалистической системы, Варшавского договора, СЭВ, распад Югославии, объединение Германии и др.), в политической и военной мысли США 1990-х гг. по-прежнему имел место акцент на военно-силовую составляющую национальной безопасности. При этом национальная безопасность напрямую увязывалась американскими военными с установлением военного-дипломатического превосходства США над любой страной мира [11].

В то же время следует подчеркнуть, что пришедшая к власти демократическая администрация во главе с У. Клинтон продемонстрировала более широкое видение проблем национальной безопасности, впервые признав неделимость понятия «национальная безопасность» и «международная безопасность» [12]. Исходя из этого, У. Клинтон выделил три группы угроз национальной безопасности США: 1) угрозы регионального и государственного происхождения (нестабильность в нации, внутривнутриполитические конфликты, несостоятельные государства и др.); 2) транснациональные (терроризм, нелегальная торговля наркотиками, скрытые потоки оружия, международная и организованная преступность, проблемы беженцев, экологические проблемы); 3) оружие массового поражения (государственные и негосударственные институты или террористические организации потенциально способные использовать ядерное, химическое или бактериологическое оружие).

До событий 11 сентября 2001 г. американские политики и эксперты не делили национальную безопасность на две составляющие — внутреннюю и внешнюю.

Национальная безопасность рассматривалась как интегрированное понятие, включающее в себя все возможные аспекты защиты безопасности США. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне заставили задуматься о более детальной дифференциации данного понятия. Для практической политики это довольно сложная проблема, поскольку изменения в толковании категории «национальная безопасность» неизбежно сопряжены с реформой существующей системы национальной безопасности.

Впервые в американской истории появился и, наряду с термином «национальная безопасность» (national security), стал официально использоваться термин «внутренняя безопасность» (homeland security), обозначающий согласованные национальные усилия по предотвращению террористических действий на территории США, по снижению уязвимости Америки от терроризма, по минимизации ущерба и ликвидации последствий возможных терактов. Аналогичным образом впервые в своей истории американское законодательство стало различать понятия «международный терроризм» и «внутренний терроризм». Как отмечают эксперты в области национальной безопасности, сам термин «внутренняя безопасность» (homeland security) далеко не бесспорен. Однако другие варианты были не намного лучше и дискредитировали себя в прежние годы. Так, термин «internal security», введенный в оборот законом «О внутренней безопасности» (1950 г.) и также переводимый на русский язык как «внутренняя безопасность», использовался для защиты США от коммунистической идеологии [13]. Другой аналогичный термин — «domestic security», также переводимый на русский язык как «внутренняя безопасность», использовался в годы «холодной войны» для обозначения деятельности, направленной на борьбу с нелояльными политическими движениями, не связанными с коммунистической идеологией [14].

Вместе с тем некоторые эксперты считают ошибочным проведение резкой грани между внутренней и национальной безопасностью. В этой связи научный сотрудник Центра исследований проблем национальной безопасности при Совете по международным отношениям С. Флинн пишет: «При своем благосостоянии Америка, несомненно, способна защитить свои важнейшие ресурсы и одновременно привести в боевую готовность армию, которой нет равных. Но Соединенные Штаты не смогут правильно оценить все «за» и «против» в этом вопросе, если по-прежнему будут рассматривать внутреннюю безопасность в отрыве от национальной безопасности» [15].

Еще одним новым элементом в американском понимании сущности категории «национальная безопасность» стал особый акцент на асимметричных угрозах национальной безопасности. Оценка асимметричных угроз стала одним из важнейших элементов планирования в сфере внешней политики и национальной безопасности [16]. С учетом этих соображений американские военные аналитики начали дискуссии о необходимости отказа от планирования на основе «модели угроз» и перехода к планированию на основе «модели возможностей», которая должна определять уровень возможностей, необходимый для сдерживания и нанесения поражения противнику, уровень, основанный на внезапности, введении в заблуждение и асимметричные по характеру военные действия для достижения цели. Согласно их мнению, США должны не только сохранить свое военное превосходство в ключевых сферах, но и препятствовать возникновению асимметричных преимуществ у возможных противников.

Существенное значение для американских политиков и экспертов имел факт наличия обоснованной и продуманной стратегии национальной безопасности. Как отмечается в изданном Министерством обороны США словаре военных терминов, стратегия национальной безопасности — это «искусство и наука развития, использования и координирования инструментов национальной мощи (дипломатической, экономической, военной и информационной) для достижения целей, способствующих укреплению национальной безопасности» [17]. Более академичное толкование стратегии национальной безопасности дают Ф. Трагер и Ф. Саймон, определяющие ее как «часть деятельности правительства, имеющей целью создание внутренних и внешних условий, способствующих защите и распространению жизненно важных национальных ценностей в условиях реально существующих и потенциальных угроз» [18].

Следует отметить, что в американской политической науке и политической традиции понятия «стратегия», «доктрина» и «концепция» применительно к сфере внешней политики и национальной безопасности, как правило, используются весьма вольно и нередко заменяют друг друга [19]. По прошествии определенного времени провозглашенная тем или иным американским президентом и обладающая внутренне целостностью и определенностью стратегия начинает именоваться «доктриной» («доктрина Монро», «доктрина Трумэна», «доктрина Буша» и т.д.). Тем не менее чаще всего в американской политической практике используются понятия «национальная стратегия» и «стратегия национальной безопасности», считающиеся синонимами [20].

Согласно закону о реорганизации обороны 1986 г. (закон Голдуотера-Николса), администрация США обязана ежегодно предоставлять конгрессу документ с изложением как текущего состояния национальной безопасности, так и своего концептуального видения проблемы — «Стратегии национальной безопасности». Вместе с тем следует подчеркнуть, что сущность стратегии национальной безопасности США не сводится к одноименному документу. Она детализируется в других важных стратегиях, доктринах и обзорах, а также в официальных выступлениях, указах, директивах президента США, советника по вопросам национальной безопасности, министра обороны США, государственного секретаря США и т.д. При этом ситуация в сфере национальной безопасности далеко не всегда отражает истинное содержание и дух соответствующих основополагающих документов. Более того, как это ни парадоксально, в некоторых случаях реализация провозглашенной государством Стратегии национальной безопасности приводила на практике к ослаблению национальной безопасности, к усилению международного терроризма и повсеместному распространению антиамериканских настроений (как это имело место в 2001—2008 гг.).

В чем причины вышеобозначенного парадокса? Почему реализация конкретной стратегии в сфере национальной безопасности не только не способствует достижению заявленных целей и задач, но даже ухудшает ситуацию? Конечно, всегда есть искушение объяснить происходящее ненадлежащим исполнением Стратегии национальной безопасности (недобросовестность конкретных чиновников, ошибки и злоупотребления спецслужб, преступления военнослужащих и т.д.). Однако эти факторы не в состоянии полностью объяснить всеобщий неуспех или даже провал конкретной стратегии. В этой связи важно задуматься о том, соответствуют ли содержание и дух той или иной Стратегии национальной безопасности

требованиям текущего момента, не оторваны ли они от действительности, не базируются ли они на неправильном (или даже ложном) восприятии существующих угроз и т.д. Ставя эти вопросы, мы тем самым вторгаемся в сферу принятия политических решений. Почему принят именно такой, а не иной документ? Чем обусловлены его содержание и характер? Таким образом, мы подходим к выводу о том, что некоторые изъяны и ошибки в сфере национальной безопасности могут быть обусловлены стратегической культурой правящей политической элиты.

Стратегическая культура — это, говоря словами американского исследователя Д. Снайдера, «совокупность идей, условных эмоциональных реакций и привычных моделей поведения, общих для всех членов стратегического сообщества страны, которые они усвоили в процессе обучения или подражания» [21]. В этой связи российские исследователи отмечают особую роль процесса социализации и подготовки сотрудников государственного аппарата США в формировании соответствующей стратегической культуры. Так, имеется определенный перечень элитарных и престижных университетов, пребывание в которых является важным условием карьерного роста. В этих учебных заведениях существуют клубы и организации, членство в которых становится обязательным элементом студенческой жизни будущих политиков. В военной сфере — это Военная академия в Вест-Пойнте и Национальный университет обороны [22]. Как отмечают К.М. Кэмпбелл и М. О'Хэнлон, при Дж. Буше-младшем активно шла своеобразная «республиканизация» военных, и, напротив, высшие военные круги значительно влияли на стратегию президента в сфере национальной безопасности [23].

Таким образом, понятие «национальная безопасность» (national security) является органичным порождением американской политической науки и политической традиции, отражающим устойчивую ориентацию на защиту и отстаивание всеми возможными способами национальных интересов (national interest) США.

В современных условиях национальная безопасность США приобретает глобальное измерение. Она трактуется не просто как состояние защищенности территории и народа, но и как обеспечение американских национальных интересов везде, где присутствуют американские граждане, американские военные объекты, американский бизнес или американские союзники. Такое расширительное понимание национальной безопасности отражает глобальный характер американской мощи и американского присутствия в современном мире.

Для современной американской практики характерно различие понятий «национальная безопасность» (national security) и «внутренняя безопасность» (homeland security). Это искусственное, даже противоестественное различие носит ситуативный характер и вытекает из трагического опыта 11 сентября 2001 г. На наш взгляд, это деление в ближайшей перспективе будет преодолено под давлением практиков.

От интерпретации понятия «национальная безопасность» во многом зависит конфигурация, содержание и характер свойственной для государства (в данном случае США) системы национальной безопасности, включающей в себя не только соответствующие структуры и нормативно-правовую базу, но и адекватную им стратегическую культуру и стратегию национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вашингтон Дж. Прощальное послание // История США. Хрестоматия: пособие для вузов. Сост. Э.А. Иванян. — М.: Дрофа, 2005. — С. 74.
2. Доктрина Монро // История США. Хрестоматия: пособие для вузов / Сост. Э.А. Иванян. — М.: Дрофа, 2005. — С. 76.
3. Lippmann, Walter. U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic, Boston, Little, Brown and Company, 1943. — P. 5.
4. Ногаев И.В. Категории «национальный интерес» и «национальная безопасность» // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2008. — №2. — С. 79.
5. Beard, C.A. The Idea Of National Interest / C.A. Beard. — Chicago: Quadrangle books, 1966.
6. Morgentau, H. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1949. — P. 440.
7. Osgood, R. Interest in America's Foreign Relations. — Chicago, 1953. — P. 21.
8. Steinfels, P. The Neoconservatives. The Men Who Are Changing America's Politics / P. Steinfels. — N.Y.: Simon & Schuster, 1979. — P. 32—67.
9. Рыхтик М.И. Влияние консервативных идей на концепцию национальной безопасности США в период республиканских администраций Р. Рейгана и Дж. Буша // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. — 2004. — №1. — С. 16—18.
10. Ullman, R. Redefining Security // Inter. Security. — 1983. — Vol. 8. — №1, Summer. — P. 133.
11. Жинкина И.Ю. Военное превосходство США и национальная безопасность // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2003. — №1. — С. 89.
12. Жинкина И.Ю. Оценка угроз в американской стратегии национальной безопасности // США — Канада: экономика, политика, культура. — 1998. — №10. — С. 66.
13. Internal Security Act. 23.09.1950 // <http://tucnak.fsv.cuni.cz>.
14. Дундуков М.Ю. Современная система национальной безопасности США: основные тенденции развития // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2003. — №11. — С. 118.
15. Флинн С. Забытый внутренний фронт // Россия в глобальной политике. — 2004. — Т. 2. — №5. С. 50—51.
16. Кузнецова О.И. Создание структур внутренней безопасности после 11 сентября // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2002. — №5. — С. 85.
17. The US DoD Dictionary of Military and Associated Terms, as amended through 12 April 2007. — P. 362.
18. Frank N. Trager and Phillip S. Kronenberg, editors. National Security and American Society: Theory, Process and Policy / Ed. By F. Trager, P. Kronenberg. Lawrence: University of Kansas Press, 1973. — P. 36.
19. Кокорев А.А. Силовая «дипломатия» Вашингтона. — М.: Мысль, 1985. — С. 32.
20. Жинкина И.Ю. Оценка угроз в американской стратегии национальной безопасности. С. 54.
21. Snyder, J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // RAND Report, [R-2154-AF], Santa Monica (Calif.); RAND Sep. 1977.
22. Рыхтик М.И. Концептуальное осмысление национальной безопасности США: республиканский подход и его воздействие на процесс государственной внешнеполитической стратегии (исторические аспекты проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. Социология. Международные отношения. — 2003. — №1. — С. 78.
23. Campbell, Kurt M. and O'Hanlon, Michael E. Hard Power: The New Politics of National Security. — N.Y.: Basic Books, 2006.

Советский период и его место в казахстанской национальной историографии

КОЗЫРЕВ Т.А.

Общезвестным фактом является то, что одним из стратегических направлений любого нацистроительного проекта является конструирование *национальной истории* — целостного исторического нарратива, ставящего целью органично связать воедино прошлое и настоящее данного общества, а также определить основной вектор его самопроецирования в будущее.

Следует особо подчеркнуть, что национальная история — это далеко не синоним понятия «история нации». Если история нации есть последовательность объективно имевших место исторических событий, то *национальная история* есть более менее общепринятая в данном обществе *версия* его истории — иначе говоря, это «история для школьных учебников»*. Следует также заметить, что именно история является наиболее субъективной среди всех гуманитарных наук, вследствие чего при создании национальных историй нередко возникает возможность весьма по-разному сказать об одном и том же.

Таким образом, при конструировании национальной истории во внимание принимается не только объективная реальность (которую далеко не всегда возможно полностью восстановить применительно к историческому прошлому), но и соображения сугубо прагматического плана. Следует признать, что мифологизация истории и манипуляция историческими фактами в угоду конъюнктуре сегодняшнего дня в той или иной мере имеет место практически в *любой* государственной историографии.

Прежде всего, следует заметить, что одно из основных отличий *написания национальной истории* от научного *исследования истории нации* заключается в том, что в первом случае в той или иной мере неизбежным оказывается явление так называемой «обратной телеологии» — иначе говоря, субъективное (задним числом) вкладывание в события *прошлого* тех или иных смыслов, актуальных для данного общества в *настоящее* время. Соответствующие исторические события неизбежно подвергаются — прямо или косвенно — оценке с точки зрения их «пользы»/«вреда» в контексте современных фундаментальных ценностей данного социума.

Для Казахстана наиболее трудной задачей в этом плане является написание такой версии истории для школьных учебников, которая могла бы быть принята

* Хотя, безусловно, четкой грани между этими двумя понятиями не существует: даже самый объективный и непредвзятый историк не может избавиться от своего собственного присутствия, от своих методологических и иных установок — более того, это превратило бы исследователя в обыкновенного статиста, тем самым обесмысливая само существование истории как науки.

как *своя история всеми* казахстанцами, независимо от их этнических корней и конфессиональной принадлежности. По целому ряду объективных причин задача эта — весьма и весьма непростая в силу избирательности исторической памяти и ее разделения по «этническим квартирам» [1]. Фактически приходится признать, что «общее прошлое» для казахстанцев еще только предстоит «сконструировать».

Советский период и вопрос об отношении к нему представляют особый интерес для казахской и казахстанской национальной историографии по следующим причинам:

■ *во-первых*, именно этот отрезок истории воспринимается всеми гражданами Казахстана как реальное *общее прошлое* — независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности*;

■ *во-вторых*, современная Республика Казахстан является во всех возможных смыслах преемником и продолжением Казахской ССР в составе СССР, не автономии «Алаш» и, тем более, не Казахского ханства — при всей огромной значимости названных периодов для нашей истории и историографии;

■ *в-третьих*, образно выражаясь, «формативный возраст» казахской *политической нации*** в основном пришелся именно на советский период ее истории, что закономерно оставило свой отпечаток на ее ментальности и политической культуре.

На фоне ряда других постсоветских стран можно сказать, что в Казахстане подача истории — в том числе советского периода — в годы после обретения государственной независимости носила более взвешенный, многосторонний характер, избегающий резких оценок. Не будет большим преувеличением сказать, что одним из главных императивов было «никого не обидеть» — будь то казахстанские граждане определенной национальности, возрастной группы или идеологической ориентации, или даже граждане стран ближнего зарубежья. Эта установка была объективно обусловлена следующими факторами:

с одной стороны, сложностью и противоречивостью реального исторического процесса — в особенности, когда речь идет о советском периоде отечественной истории;

с другой стороны, сложностью переходного периода первых лет независимости Казахстана, когда стратегическим приоритетом было элементарное *выживание* молодого государства и недопущение разрушительных для общества конфликтов.

Иначе говоря, именно такой подход к написанию истории Казахстана был наиболее адекватен особенностям раннего периода нашей новейшей истории. Тем не менее следует заметить, что основным требованием, предъявляемым

* На данный момент как *общая история* всех граждан Казахстана воспринимается только период после 1917 г. Кроме того, названный исторический период воспринимается как *общая история* не столько даже именно казахстанцев, сколько всего постсоветского пространства — фактически это история не Казахстана, а СССР, представители почти всех народов которого проживают сегодня в РК. Инерция советского сознания по сей день стабилизирующим образом влияет на межэтнические отношения в стране. Согласно данным социологических исследований, наиболее конфликтный компонент представляет собой молодежь, не имеющая советского опыта межэтнического общения. Тем не менее указанное позитивное влияние остатков общесоветского самосознания является именно *инерционным* явлением по своей сути, потому не может рассматриваться как долгосрочный стратегический ресурс.

** Здесь мы сознательно хотим обойти вопрос о наименовании формирующейся политической нации в Казахстане («казахская»/«казахстанская») и в целом о соотношении этнического и гражданского начал в идентичности казахстанцев. В любом случае фактом остается то, что в течение XX в. этническая идентичность казахов развивалась и воспитывалась именно как *национальная*. Политика национализации (институционализации) этнических идентичностей СССР была детально описана Терри Мартином [2].

национальному историческому нарративу в долгосрочной перспективе, должно быть не отсутствие «острых углов» как таковое, а его (нарратива) *внутренняя непротиворечивость и связность*. Сейчас, когда государственность Казахстана уже в целом состоялась, мы можем позволить себе переход именно к такому методологическому подходу в процессе конструирования национальной истории страны. Далее мы постараемся определить наиболее значимые, узловые, моменты советской истории и рассмотреть их именно в этом ракурсе.

Не будет большой ошибкой сказать, что для любой *национальной историографии* ключевым является понятие «Отечество». С точки зрения казахстанской историографии Отечеством может быть, очевидно, только *Казахстан* — существование которого в качестве *суверенного, независимого, международно признанного государства* в современных границах по определению должно восприниматься любым лояльным гражданином как *безусловное благо*. Непризнание этого базового постулата автоматически и изначально обесмысливает любые попытки создания какого бы то ни было связного нарратива отечественной истории.

При всей простоте и очевидности данной *аксиомы*, как будет показано ниже, именно из нее вытекает ряд весьма непростых вопросов, на которые казахстанским историкам — и в особенности авторам школьных и вузовских учебников отечественной истории — неизбежно придется найти четкие, ясные ответы, требующие порой болезненного переосмысления ряда установок, привычных и психологически комфортных для поколений, помнящих советское прошлое*.

На наш взгляд, ключевыми событиями советской истории с точки зрения казахстанской историографии являются:

- распад СССР в 1991 г.;
- Великая Отечественная и, шире, Вторая мировая война,
- Октябрьская революция 1917 г. в России и образование СССР.

Именно в таком — обратном — порядке мы далее рассмотрим названные события и их роль с точки зрения казахстанской *национальной истории*. Ввиду сложности обсуждаемой здесь темы, равно как и психологической болезненности ряда вопросов для значительной части нашего общества, ниже мы будем рассуждать в формате приглашения к дискуссии — формулировать скорее *вопросы для дальнейшей разработки и осмысления*, нежели однозначные рекомендации к действию.

Распад Советского Союза в 1991 г.

Конец истории СССР диалектически явился одновременно началом истории всех современных постсоветских государств, включая Республику Казахстан.

Выше мы не случайно посвятили целый абзац очевидному и на первый взгляд простому утверждению, что *Отечеством для казахстанцев* может быть только

* К слову сказать, говоря о написании национальной истории Казахстана, следует постоянно помнить, что это новое историческое повествование адресуется в первую очередь поколениям, рожденным уже после распада СССР, для которых советский период уже является историей, которой сами они уже не помнят и, как следствие, воспринимают ее принципиально иначе, чем, например, сам автор данной статьи (1972 г.р.).

Казахстан, существование которого в качестве *независимого государства* должно расцениваться как *безусловное благо**.

Поскольку появление на политической карте мира суверенной Республики Казахстан объективно имело непосредственной причиной распад СССР в 1991 г., очевидно, что и само это событие — при *любых* возможных оговорках — должно расцениваться казахстанской национальной историографией *в целом положительно*. Последний тезис может быть оспорен, однако далее мы хотим развить именно эту линию рассуждения, так как в любом случае она должна быть проработана при создании нарратива для данного участка истории Казахстана.

Итак, из позитивной *в целом* оценки факта распада СССР вытекает психологически болезненный для многих шаг: необходимость принципиального отказа от восприятия Советского Союза как *Отечества*** — в противном случае неизбежно получится, что 16 декабря каждый год мы празднуем не что иное, как «гибель своей Родины». Это, в свою очередь, очевидным образом противоречит уже принятому ранее постулату о *независимости Казахстана как безусловной ценности* — каковой она неизбежно перестает быть в случае негативной оценки распада СССР.

Советская ностальгия — достаточно распространенное явление не только в России, но и во всех новых независимых государствах СНГ, причем опять же не только среди русскоязычного населения, но и среди определенной части коренного — в первую очередь это касается среднего и старшего поколений. Причины этого явления многообразны: от реальных социальных достижений советской системы, утраченных в 1990-е гг., до ностальгии по молодости, пришедшей на советское время; от разбившейся мечты юности о коммунистическом светлом будущем до любимых советских фильмов и песен, вызывающих невольную ностальгию. Однако, понимая всю закономерность данного явления, следует также осознавать полную *бесперспективность* такого рода настроений и, более того, их *деструктивный* в долгосрочной перспективе потенциал.

Прежде всего, необходимо четкое понимание того факта, что гибель СССР была не просто распадом единого государства на 15 новых; это было в первую очередь банкротство и поражение одного из *глобальных идеологических проектов* (подробнее об этом ниже). Таким образом, для того чтобы вернуть Советский Союз, недостаточно воссоздать единое государство в границах СССР — для этого было бы необходимо само *время* повернуть вспять и «открутить» его как минимум на 20 лет назад. Иначе говоря, восстановление единого государства в границах бывшего СССР теоретически можно себе представить, но даже воссозданное единое государство при любых обстоятельствах *не будет тем Советским Союзом*, который продолжает в душе оплакивать часть среднего и старшего поколения.

Именно в этом заключается абсолютная необратимость происшедших перемен. И, таким образом, ввиду отсутствия пути назад, принятие парадигмы *«независимый Казахстан как Отечество»* со всеми вытекающими отсюда *моральными*

* Ни в коем случае нельзя приуменьшать значимость данного тезиса — в том числе эмоциональный заряд, который должен в себе нести. Учитывая ту тяжелую социальную цену, которую казахстанцам пришлось заплатить за независимость в переходные 1990-е гг., приходится констатировать, что этот тезис даже сам по себе как таковой для многих людей сегодня нуждается в доказательстве.

** Фактически таковой отказ сам по себе уже произошел; речь здесь идет о необходимости целенаправленного заглаживания этого отказа в общественном сознании граждан РК путем создания новых консолидирующих брендов и иных доступными способами — собственно, этой проблематике и посвящена данная статья.

и *политическими императивами* является единственным реалистичным и конструктивным подходом к новой реальности — в том числе к такому ее аспекту, как конструирование национальной истории Казахстана.

Великая Отечественная война

Перед тем как коснуться этой гиперделикатной в моральном отношении темы, в первую очередь следует четко оговорить, что мы расцениваем и предлагаем впредь расценивать *однозначно позитивно* нижеследующие исторические факты:

- победу народов Советского Союза над нацистской Германией в Великой Отечественной войне;

- всемирно-историческую роль этого события;

- вклад казахстанцев в одержанную Победу.

Попытки принципиальной ревизии отношения к войне 1941—1945 гг. были бы ошибочны с научной точки зрения и еще более неверны с моральной.

Тем не менее проблема нахождения нового ракурса в освещении исторических событий 1941—1945 гг. неизбежно становится на повестку дня в связи с соображениями, высказанными в предыдущем разделе. И это ставит нас перед необходимостью, образно выражаясь, залезть скальпелем в самое больное место — с тем, чтобы добрая память о победивших нацизм, и впредь навсегда оставаясь неотъемлемой частью нашего общественного бытия, не превращалась при этом в «якорь», приковывающий наше сознание к советскому прошлому — *возврата в которое в любом случае нет*.

Именно тематический блок, связанный с Великой Отечественной и в целом Второй мировой войной, имеет для нас особое значение, так как именно это историческое событие сыграло для *реального формирования общесоветского самосознания* роль, пожалуй, не меньшую, чем вся работа советской пропагандистской машины вместе взятая: именно совместно пережитые тяготы войны и радость Победы заставили граждан СССР почувствовать себя «социумом общей исторической судьбы», по выражению французского историка Николая Верта [3]*.

Как известно, в ряде постсоветских стран — в первую очередь в странах Балтии и (не столь радикально) в Украине — имеют место попытки ревизии прежнего отношения к ВОВ и роли СССР во Второй мировой войне в целом. Такого рода попытки предпринимаются и в Казахстане отдельными публицистами национал-патриотического направления, что воспринимается в обществе весьма неоднозначно.

С другой стороны, в последние годы в самой России победа СССР в ВОВ все чаще расценивается публицистами как «победа России» или даже как «победа русского народа». Если первую из названных формулировок еще можно с определенными оговорками принять, поскольку именно Россия является официальным правопреемником СССР на международной арене, то вторая — однозначно оскорбительна не только для других народов СНГ, но даже и для россиян (!) нерусского происхождения. Таким образом, мы видим, что инициатива «раздела

* Кроме того, судя по субъективным воспоминаниям многих казахов старшего поколения, именно война стала тем рубежом, после которого наступил психологический перелом в межэтнических отношениях на бытовом уровне, когда основная масса казахов и русских в республике начали реально воспринимать друг друга как *сограждан*.

военного наследия» исходит не только от радикально настроенных русофобов в ряде новых независимых государств, но отчасти и от самой России. Иначе говоря, данная проблематика закономерным образом вытекает из самого факта прекращения существования СССР как геополитической реальности и как *идеологической парадигмы* — что неизбежно требует определенного переосмысления общего прошлого.

С точки зрения новой казахстанской историографии ключевым является вопрос: *что защищали*, за что воевали *казахи*^{*} в ту войну?

Прежде всего, следует отметить, что результаты Победы нам хорошо известны — в том числе и тот факт, что 46 лет спустя на карте появилось независимое государство Республика Казахстан. Напротив, в случае победы нацистской Германии дальнейшая возможная историческая судьба народов Центральной Азии — *в самом лучшем случае (!)* неизвестна. Однако, учитывая всем известные особенности нацистской теории и практики, оснований для оптимистических гипотез остается крайне мало. Данное положение должно быть совершенно очевидным даже с точки зрения радикального национал-патриотизма.

Наконец, исходя из указанной выше потребности в восприятии Казахстана как самостоятельного субъекта истории, наиболее приемлемым является принятие парадигмы, ставящей на первое место и всячески подчеркивающей *всемирно-историческую значимость* победы над германским нацизмом (выходящую далеко за рамки истории СССР как такового). Также должен подчеркиваться и всесторонне освещаться *вклад казахстанцев* в это всемирно значимое событие. Отсюда естественным образом вытекает, безусловно, позитивная оценка Победы в ВОВ, оставляющая места для нездоровых ревизионистских спекуляций на эту тему и в то же время позволяющая казахстанцам постепенно перестать чувствовать себя советскими людьми даже в день 9 мая — который при этом, бесспорно, должен навсегда остаться праздничным в нашей стране.

Кроме того, согласно нашему мнению, желательно уделять большее внимание личностям казахстанцев — героев ВОВ не только в учебниках истории, но также, например, снимать свои, казахстанские, исторические художественные фильмы по военной тематике, не удовлетворяясь российской продукцией. Такого рода средствами следует постепенно закреплять в сознании казахстанцев новое восприятие своей истории, порожденное происшедшими в конце XX в. эпохальными переменами в стране и в мире.

Октябрьская революция 1917 г. и образование СССР

Последняя тема по сравнению с предыдущей представляет собой проблему значительно менее сложную.

* Здесь мы сознательно говорим именно о казахах, а не о казахстанцах, так как, во-первых, сам термин «казахстанец» применительно к населению Казахстана 1930—1940-х гг. звучит несколько искусственно (более того, представляя собой целый ряд этносов на момент начала ВОВ еще не проживали в Казахстане), а, во-вторых, успех строительства новой *гражданской идентичности казахстанцев* напрямую и в первую очередь зависит от преодоления того *глубокого кризиса*, который до сих пор переживает казахская этнонациональная идентичность. Если *казахстанская идентичность* является для нас целью, проектом, то *казахская идентичность* (как и другие этнонациональные идентичности в Казахстане) — это реальность, с которой мы объективно имеем дело на данный момент. Не найдя ответов на вопросы «для казахов», принципиально невозможно двинуться дальше, на поиск приемлемых ответов-формулировок «для казахов», кроме того, вовсе не очевидно, что казахстанская идентичность должна непременно «поглощать» казахов или «растворять» ее в себе.

В качестве отправного пункта уместным будет сравнение роли вопроса об отношении к Октябрьской революции в казахстанской историографии и в российской. Сравнение именно с Россией имеет смысл постольку, поскольку именно Российская Федерация является правопреемником СССР, определенное «отмежевание» от которого с неизбежностью сопровождает становление новых политических идентичностей на всем постсоветском пространстве. Для россиян указанный вопрос является на порядок более сложным и мучительным, так как предпосылки социального катаклизма, разразившегося в России в 1917 г., вызревали веками в недрах именно российского общества [4].

Как известно, после распада СССР и крушения коммунистической идеологии в России предпринимались и по сей день предпринимаются активные попытки реанимировать *православную традицию как основу идентичности*, по крайней мере, для государствообразующего русского этноса, составляющего около 80% населения РФ. Последнее само по себе вполне закономерно, однако именно здесь неожиданно возникает глубинный ценностный конфликт:

■ *с одной стороны*, российское общественное сознание по-прежнему *сопротивляется отказу от «имперской идеи»*, все более и более подвергая ревизии либеральные ценности, принятые им в 1990-е гг., и постепенно возвращаясь к *позитивной оценке советского периода* как «вершины русской истории» (А.А. Зиновьев);

■ *с другой стороны*, фундаментальные принципы и ценности возрождающегося *православия* находятся в непримиримом *конфликте с советским проектом*, реабилитация которого происходит сегодня в России^{**}.

Положение Казахстана — как и остальных новых независимых постсоветских государств (кроме России) — в этом смысле выгодно отличается: в отличие от россиян мы имеем возможность ограничиться просто *количественным подсчетом* объективно имевших место достижений и потерь^{***}.

От последнего мы хотим здесь нарочито уклониться ввиду масштаба темы, не позволяющего охватить ее в рамках небольшой статьи^{****}. Очевидно лишь, что как реально осуществленная в советский период *модернизация* Казахстана, так и *масштаб цены*, которую за это пришлось заплатить — и то, и другое является реальностью. Для адекватного сравнения и оценки соизмеримости первого со вторым необходима для начала выработка четких *критериев* таковой оценки.

* Ярким проявлением этой тенденции является, в частности, резкий рост популярности фигуры И.В. Сталина в России в последние годы. Тот факт, что, несмотря на схожие социально-экономические проблемы, например, в Казахстане такой тенденции нет, говорит о том, что возрождающийся культ Сталина в России является следствием не социально-экономических проблем, а именно кризиса национального самосознания.

** Так, например, сторонники реабилитации советского проекта в России указывают на целый ряд неоспоримых достижений советской власти, сделавших СССР великой мировой державой. Однако в контексте именно *русской* (но не казахстанской!) историографии на этот аргумент существует мощный контраргумент: для России реально существовала *альтернатива* модернизации по-советски — наиболее ярким примером может служить проект сталинской реформы — не осуществленный, к слову сказать, именно в результате деятельности революционных крайне левых политических сил. Фактически для отдельно взятой России речь шла лишь о *скорости* модернизации, и сталинская реформа означала лишь меньшую скорость при несравнимо меньших жертвах. Однако для казахов, как и для ряда других народов бывшей Российской империи, учитывая реальную расстановку сил в XX в., модернизация по-советски — при всех ее страшных издержках — с большой вероятностью была фактически единственной реальной альтернативой той *национальной катастрофе*, которую несла с собой российская модернизация по капиталистическому пути. (Очевидно, возможность самостоятельной модернизации Казахстана *вне* российского политического и экономического пространства в указанный период истории была ничтожно мала). Таким образом, можно сказать, что, благодаря советскому проекту, Россия как таковая лишь *ускорила темп* своей модернизации, заплатив за это непомерно высокую цену.

*** Еще одной обширной и важной темой, от которой мы сознательно уходим в рамках данной статьи, является национально-территориальное размежевание Центральной Азии в 1920-е гг., его объективная историческая роль и оценка в различных ракурсах.

Последнее, в свою очередь, зависит от выбора/формирования системы базовых ценностей, на которых будет основываться казахстанская идентичность в будущем. Очевидно, что данный процесс пока еще далек от завершения.

Неизбежный и необходимый разрыв «советской пуповины» в постсоветских странах теоретически может осуществляться следующими основными способами:

- отрицание достижений советского периода и преувеличение потерь;
- смена исторических «плюсов на минусы», ревизия ключевых событий советской истории — в первую очередь ВОВ;

- развенчание самой идеологии, на которой был основан советский проект.

Достаточно очевидно, что именно третий способ решения проблемы является наиболее безболезненным и безопасным для казахстанского социума:

во-первых, он не приводит к противопоставлению друг другу различных групп внутри общества и может найти поддержку у представителей любого этноса и конфессии;

во-вторых, он не требует предварительной оценки достижений и потерь (см. выше)*, то есть может быть использован немедленно;

в-третьих, именно для такого подхода к проблеме есть реальные основания из области советской же идеологической практики.

На последнем утверждении следует остановиться подробнее. Так, например, советской периодике вплоть до конца 1980-х гг. можно было встретить идеологическое клише «социализм как Отечество**». Кроме того, в советском дискурсе принципиально не употреблялось такое выражение, как «интересы СССР»: Советский Союз воспринимался — если не на практике, то в теории — как обычное, «нормальное» государство, могущее иметь свои *интересы*, такие же, как у других государств. Напротив, смыслом его существования провозглашалось глобальное торжество *идеи* — которая в значительной мере и подменяла собой понятие *Отечества*.

Таким образом, упомянутая в начале данной статьи проблема отрыва от парадигмы «СССР как Отечество» может на первом этапе успешно решаться именно путем акцентирования происшедшего *коллапса коммунистической идеологии как таковой****. По нашему мнению, именно в этом направлении должны быть сделаны первые шаги по постепенному демонтажу советского комплекса представлений и установок в сознании казахстанцев.

Заключение

Итак, выше мы рассмотрели три ключевых события советского периода казахстанской истории, стараясь последовательно подходить к их оценке с точки

зрения парадигмы «независимый Казахстан как Отечество», которая с неизбежностью является/должна быть центральной установкой новой национальной историографии в Казахстане.

Переосмысление именно этого отрезка казахстанской истории, в силу ряда указанных выше причин, является особо важным для конструирования внутреннего, непротиворечивого нарратива отечественной истории в будущем.

Анализ, сделанный в настоящей статье, никоим образом не претендует на полноту и представляет собой в первую очередь попытку нащупать основные направления для вышеупомянутого переосмысления советского периода истории Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исмагамбетов Т. Признаки нации в отечественной специфике // <http://www.dialog.kz>. — 2009, 10 августа.
2. Martin, Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939 [Империя благоприятствующего действия: нации и национализм в Советском Союзе, 1923—1939]. — Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
3. Верт Н. История Советского государства. — М.: Весь мир, 2006.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990 (Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, Париж, 1955; впервые опубликовано в 1937 г. на английском языке).
5. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (из этюдов о религии человекобожества). — СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1907.

* Как свидетельствует постсоветский опыт, преимущественная концентрация внимания на гуманитарных потерях советского периода может иногда использоваться в политике для разжигания нездоровых страстей, в первую очередь антироссийских настроений. Сказанное, разумеется, не отменяет необходимости дальнейшего исследования этой темы с адекватной оценкой масштаба жертв и почтения к их памяти.

** В контекстах вроде «не православие, а социализм как Отечество» — например, в нашумевших в свое время статьях Е. Лосото, направленных против националистического движения «Память».

*** Даже не погружаясь в глубины политэкономики и философии, можно утверждать, что советский проект — в мировоззренческом его аспекте — был ничем иным, как попыткой человека прервать естественный ход истории, вырвать из плена ее объективных закономерностей и взять управление историческим процессом в свои собственные руки. Иначе говоря, не только познать законы природы и общества, но и управлять ими. Не случайно российский философ С. Булгаков [5] в свое время оценил марксизм как разрушительную в своей первооснове философию богоборчества: бунта с претензией человека на узурпацию роли Творца («раз и навсегда комфортно устроиться без Бога») — такая оценка в целом адекватна, причем понимать и принимать ее может в равной степени как верующий человек, так и неверующий.

Глобализация и политические процессы современности

ГАИПОВ З.С.

Глобализация является сложным и неоднозначным процессом объединения множества национальных государств в системную целостность современного мира. Этимология термина «глобализация» свидетельствует о предельно широком охвате ею — в рамках всей планеты — бытия человека и общества.

В анализе феномена глобализации мы выделяем методологическое значение категории «процесс» как опорного понятия, способствующего раскрытию ее сущности и содержания как динамической характеристики современного мира. В качестве процесса глобализация представляет собой «усиливающуюся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенную интеграцию в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения» [1].

Формами существования процесса глобализации являются глобальные изменения и глобальное развитие. Глобальное изменение — процесс появления новых характерных черт (новой характерной черты) в способе и характере взаимодействия между субъектами мирового сообщества, между глобальной социальной системой и внешней средой. Таким глобальным изменением является «открытость» мира, способствующая выявлению и признанию страновых и континентальных различий. «Открытость» мира в современной реальности разворачивается и усиливается синхронно процессу становления мирового общества сетевых структур, представляющих собой комплексы взаимосвязанных узлов. Сетевая структура, по сути дела, аналогична ризоме, представляющей собой корневую систему растения, разрастающуюся во все стороны. Сети являются открытыми структурами и могут расширяться путем включения новых узлов. «Согласно закону сетевых структур, — пишет М. Кастельс, — расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние вовсе равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети)» [2].

Общество, имеющее сетевую структуру, является динамичным, открытым для инноваций и при этом не теряет своей сбалансированности. Благодаря объеди-

нению компаний, фирм, других организаций и институтов в сети, деятельность людей обретает все более сетевидный фрагментированный характер и только на конечном этапе выхода продукции завершается реинтеграцией.

Динамика процесса глобализации проявляется в следующем:

- кооперация, интеграция государств в наднациональные органы управления; появление международных организаций на уровне правительств и гражданских сообществ;

- возрастающая интенсивность связей, формирующих единую мировую культуру в потоках мирового туризма, в сетях «Всемирной паутины», в технологических сетевых структурах, обладающих тремя принципиальными социальными чертами: укорененностью, связанностью, взаимозависимостью;

- глубинная трансформация экономики как области социальной жизни, формирование в ней новых норм, ценностей, моделей поведения индивидов и групп;

- тенденция к многополюсности социокультурного и политического мира: возникновение новых центров влияния в противовес США и Западной Европе.

Глобальное развитие — процесс качественных изменений в глобальной системе человеческого сообщества и в ее составных частях. Основными движущими факторами глобального развития являются научно-технологический прогресс, экономическая либерализация (развитие рыночной системы) и изменения в политической системе в национальном и международном масштабах [3].

Всеобъемлющий поток информации, несущей знание о плюрализме моделей мышления и поведения, возможности свободного выбора образа жизни в условиях глобализации породили кризисность сознания современного человека. «Главная примета нового времени, его содержательная сторона состоит, как представляется, в том, что современный человек создал слишком сложный для себя как отдельно взятой личности, для своих индивидуальных интеллектуальных возможностей мир. В результате он утратил способность сознавать базовые закономерности этого мира и их изменения, предвидеть последствия своих усилий и направление своего собственного развития», — отмечает М.Г. Делягин [4].

Мы рассматриваем глобализацию как синергетический процесс, в котором из хаоса развивается новый глобальный порядок. Синергетика утверждает, что развитие открытых и сильно неравновесных систем протекает путем нарастающей сложности и упорядоченности. В цикле развития такой системы наблюдаются две фазы:

- 1) период плавного эволюционного развития, с хорошо предсказуемыми линейными изменениями, подводящими в итоге систему к некоторому неустойчивому критическому состоянию;

- 2) выход из критического состояния одномоментно, скачком и переход в новое устойчивое состояние с большей степенью сложности и упорядоченности.

Важная особенность второй фазы заключается в том, что переход системы в новое устойчивое состояние неоднозначен. Достигшая критических параметров (точки бифуркации) система из состояния сильной неустойчивости как бы «сваливается» в одно из многих возможных, новых для нее устойчивых состояний. В этой точке эволюционный путь системы, можно сказать, разветвляется, и какая именно ветвь развития будет выбрана — решает случай. А отсюда следует, что развитие таких систем имеет принципиально непредсказуемый характер. Применение синергетического подхода способствует выявлению противоположных

характеристик глобализации, таких, как глобальный порядок и глобальный беспорядок, определенность и неопределенность.

Процесс глобализации с философской точки зрения представляет собой субъект-объектное отношение. Субъектом, или конкретным носителем процессов глобализации, является сам человек, объединяющийся в сообщества различного характера и направления деятельности. Так, с нашей точки зрения, категории «человек экономический», «человек политический», «человек религиозный» выражают в обобщенной форме конкретного носителя идей и процессов экономической, политической, культурной глобализации.

Объектом глобализации является совокупность общественных отношений в национальных государствах. Поскольку конкретным носителем общественных отношений является человек, постольку в конечном счете объектом воздействия глобализации является человек как живое, чувствующее, мыслящее, деятельное социальное существо. Благодаря современным коммуникационным и информационным технологиям, глобализация со всеми ее аспектами получает свое отражение и осмысление в индивидуальном и общественном сознании, в результате чего формируется определенное отношение к ней, интерпретация, оценка и поведение.

Социальные взаимодействия интенсифицируются до такой степени, что эстетические предпочтения, стандарты поведения, моральные нормы, которые прежде характеризовали ограниченные сообщества людей, становятся глобальными. Так, понятия «общечеловеческие ценности» и «права человека» стали известны во всем мире. Современная картина глобализирующегося мира выражается такими понятиями, как «глобальный порядок», «глобальная экономика», «глобальная культура», «глобальное правление», «глобальное сознание», «глобальная демократизация». Кроме того, глобализация выразилась в развитии логической структуры и грамматики современного языка и речи посредством влияния языка Интернета.

Особенностью современного мира является выдвижение глобальных субъектов на мировой арене. Глобальными субъектами в политической сфере являются международные организации, такие, как ООН, и ведущие «игроки» в мировой политике, наиболее могущественные ядерные державы, обладающие экономической, политической, информационной мощью, такие, как США, а также появившиеся на глобальной сцене новые центры влияния, такие, как Китай и Индия. В экономической сфере к глобальным субъектам относятся транснациональные корпорации, межгосударственные экономические и финансовые объединения, наиболее глобализированные государства. Индекс наиболее глобализированных стран мира, разработанный на основе сравнительного подхода крупнейшей компанией А.Т. Kearney, работающей в области стратегического консалтинга, определяет степень глобализированности отдельно взятой страны посредством разложения этого процесса на отдельные составляющие, измеряющие уровень различных контактов, распространенность Интернета, степень экономической интеграции, через внешнюю торговлю, инвестиции, финансовые потоки и другие факторы. К двадцати наиболее глобализированным странам мира относятся Сингапур, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Финляндия, Ирландия, Австрия, Великобритания, Норвегия, Канада, Дания, США, Италия, Германия, Португалия, Франция, Венгрия, Испания, Израиль и Малайзия [5].

Наблюдается тенденция глобализации власти, проявляющаяся в американизации и вестернизации мира, в очевидном глобальном неравенстве между так называемым «золотым миллиардом» человечества, куда входят наиболее развитые страны, и остальной его частью, составляющей страны «второго» и «третьего» миров. В связи с этим получают развитие такие концепции, как ограниченный национальный суверенитет, создание единого мирового правового поля, мировых органов экономического и политического управления.

Активно разрабатывая идею И. Канта о «всемирном гражданском состоянии», Х. Булл ввел термин «глобальное гражданское общество». Согласно его мнению, общество является глобальным не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через «глобальное, внетерриториальное пространство», но и потому, что среди участников глобального гражданского движения набирает силу глобальное мышление. Формируется феномен глобального сознания как отражения процесса глобализации. Носителями глобального сознания являются активисты не только экологического и правозащитного движения, но и массовых религиозных движений, а транслятором — средства массовой информации: сеть Интернет, телевидение и радио.

Появился термин «глобальные личности» как символическое обозначение носителей новых универсальных политических ценностей в процессе глобальных межцивилизационных связей. К глобальным личностям, по верному мнению В.С. Малахова, могут быть причислены:

- ученые: Жан-Поль Сартр, Бертран Рассел, Андрей Сахаров, Наум Хомский;
- писатели-лауреаты Нобелевских премий или известные благодаря произведенным ими политическим скандалам: Александр Солженицын, Генрих Белль, Салман Рушди;
- звезды шоу-бизнеса: Ричард Гир, Тина Тернер, Стивен Сигал, Боно, Питер Габриэль (двое последних неоднократно участвовали в работе Давосского экономического форума);
- политики: Че Гевара, Михаил Горбачев, субкоманданте Маркос;
- религиозные деятели и морально авторитетные фигуры: Далай-лама XIV, папа Павел Иоанн II, Альбер Швейцер, Мартин Лютер Кинг, Нельсон Мандела;
- крупные капиталисты, занимающиеся благотворительностью: Джордж Сорос, Билл Гейтс [6].

Влияние глобальных личностей связано с тем, что они символизируют определенные ценности и образ действий для подражания. Как заметил М. Кастельс, в условиях, когда традиционные институты и политические формы привлекают к себе все меньше доверия, наступает время пророков. Их роль в информационную эру будет возрастать, ибо социальные структуры сегодня организованы вокруг информационных потоков и символических манипуляций. Глобальные личности служат планетарному распространению не только благих дел и идей, но и негативных (Сёко Асахара, бен Ладен).

Динамической характеристикой современной глобализирующейся политики, перехода от старого мирового порядка к новому глобальному порядку являются политические процессы. В контексте категорий «общего» и «отдельного» политические процессы современности являются subprocessами в течение глобализации. Понятие «политический процесс» является одной из базовых категорий

политического анализа, обозначающей развертывание политики во времени и в пространстве. Политический процесс можно определить как упорядоченную последовательность действий и взаимодействий политических акторов, связанных с реализацией властных интересов и целедостижением и, как правило, создающих и воссоздающих политические институты [7]. Формами существования политических процессов являются политические изменения и политическое развитие, способом существования — политические режимы, институциональным субстратом — политические системы.

В результате применения сравнительного подхода выявляются такие особенности течения политических процессов в условиях глобализации, как плюрализм и либерализация. В этом отношении представляет интерес точка зрения А.И. Демидова и А.А. Федосеева о том, что идея политического плюрализма может претендовать на роль парадигмы, в рамках которой развивается политический процесс [8]. Под плюрализмом понимается наличие в современном обществе множества разнородных институтов и организаций, имеющих разнообразные религиозные, экономические, этнические и культурные интересы. Согласно мнению К.С. Гаджиева, в политической сфере плюрализм проявляется в наличии множества партий и институтов, в существовании разных идейно-политических ориентаций, установок, идеологических течений и направлений и т.д. [9]. Если анализировать глобализирующийся мир, то можно выявить, что плюрализм политических режимов в XXI в. проявляется в наличии как основных типов политических режимов — тоталитарного, авторитарного, демократического, так и смешанных, переходных, гибридных режимов в большинстве стран современного мира. Появился термин «плюралистическая демократия», который включает все основные компоненты либеральной теории демократии: принцип разделения властей, политические права и свободы, парламентаризм, свободную конкуренцию партийно-политических сил и т.д. При этом главной чертой плюралистической демократии считается открытый характер принятия решений через представительные органы власти. В этом случае в процессе принятия решений на любом уровне принимают участие избранные представители народа, а сам народ находится в курсе обсуждаемых проблем и имеет возможность влиять на процесс принятия важнейших решений.

В узком, собственно политологическом, смысле под плюрализмом понимаются равноправные, гарантированные конституцией позиции и возможности влияния на политическую жизнь различных социальных групп внутри государственной общности в условиях парламентской демократии. В условиях современной глобализации реализация принципа политического плюрализма является важной характеристикой демократического общества. Политический плюрализм характеризуется не только как возможность высказывать свои мнения и позицию, но и непосредственно принимать участие в политике различным политическим силам.

Либерализация проявляется в том, что, во-первых, происходит демократизация политической системы в большинстве государств, основанная на свободе прав человека, стабильности, внешней открытости и либеральной форме конкуренции. Под воздействием глобализации публичной сферы авторитарным режимам стало труднее угнетать собственное население. Во-вторых, развивается процесс политического диалога, политической интеграции, в том числе и на региональном

уровне, в связи с изменением геополитической ситуации в мире, окончанием «холодной войны» и крушением глобального идеолого-политического и военного противостояния.

Влияние глобализации на политические процессы современности проявляется в трансформациях политической системы в международном и национальном масштабах. Трансформация международной системы, начиная с 1990-х гг., связана с глубокими смещениями в отношениях господства и подчинения между государствами на глобальной арене. Это получило осмысление в концепции «гегемониальной стабильности» и в полемике вокруг «американского лидерства»: в теориях «заката» и «обновленчества». Выделяются два основных варианта концепции гегемониальной стабильности — либеральный и марксистский. Согласно концепции «либеральной гегемонии», необходимым условием устойчивого мирового порядка, как торгово-экономического, так и военно-политического, является наличие державы-гегемона. В течение XIX в. эту роль играла Великобритания, после 1945 г. установилась гегемония США. Либеральная гегемония рассматривается ее сторонниками как рациональный порядок господства, который не просто признается остальными сторонами как неизбежный, но и воспринимается ими как благо. В качестве довода ими приводится такой факт, что американская гегемония принесла экономическое процветание и политическую стабильность странам, проигравшим войну, — Германии и Японии. Признаки ослабления американской гегемонии, фиксируемые с конца 1960 — начала 1970-х гг., ставят вопрос о будущем мирового порядка. Либеральные теоретики «гегемониальной стабильности» полагают, что приемлемой альтернативы американской гегемонии не существует. Они согласны друг с другом в том, что единственно разумная стратегия — трансформировать этот гегемониальный порядок, что означает более активное подключение к Америке ее союзников, разделяющих либеральные ценности. Расхождения касаются лишь видения данной трансформации. Одни, вслед за Р. Гилпином, говорят о необходимости укреплять связи США с Японией, другие, вслед за Р. Кохейном, ведут речь о более тесном сотрудничестве с Евросоюзом. В рамках неомарксизма данная концепция не нашла поддержки. По убеждению Р. Кокса и других ученых, анализирующих мировую политику с марксистских позиций, фокус исследовательского внимания следует сместить с системы ценностных ориентаций на систему производства. Эта — капиталистическая — система носит глобальный характер и существует в двух основных формах: в качестве международной политической экономии и в качестве соответствующей ей международной политической системы. Гегемониальный класс и гегемониальное государство, стремясь удержать свое положение, действуют на всех уровнях общественной жизни: экономическом, политическом и культурно-идеологическом. Другое отличие марксистской интерпретации гегемонии от либеральной состоит в том, что если либералы описывают период между двумя мировыми войнами в терминах дестабилизации, вызванной отсутствием гегемониальной державы (Британия не могла, а США не хотели), то марксисты характеризуют этот период в терминах борьбы за гегемонию. Согласно образному выражению Валлерстайна, в 1914 г. началась «тридцатилетняя война» за господство между Германией (в союзе с Японией) и США. Она завершилась в 1945 г. победой США. Следующие четыре с половиной десятилетия можно охарактеризовать как борьбу за укрепление

обретенных гегемониальных позиций в условиях вызова со стороны Восточного блока (СССР и его сателлитов).

Период на рубеже XX — начала XXI в. марксисты понимают как смену режима гегемонии. Вопрос для них заключается не в том, удержат ли США господствующие позиции в обозримом будущем, а в том, произойдет ли смена режима гегемонии мирным путем.

Сторонники «теорий заката» опираются на труд Пола Кеннеди «Восхождение и упадок великих держав». Признаки заката американского господства П. Кеннеди и его единомышленники усмотрели во «вьетнамском синдроме», коллапсе Бреттон-Вудской системы, в выходе Японии на авансцену мировой экономики и в слабом экономическом росте США.

Теория «обновленчества» поддерживается как либералами (Дж. Най), так и консерваторами (С. Хантингтон). Термину «гегемония» они предпочитают термин «лидерство». Основные установки изложены в книге Дж. Най «Обреченные на лидерство». Согласно мысли «обновленцев», США сегодня переживают новый подъем былого величия, находятся у истоков «нового начала». Первое и самое важное свидетельство этому то обстоятельство, что они выиграли «холодную войну» и возглавили международную коалицию, которая выступила единым фронтом в войне в Персидском заливе.

После 1991 г. формируется новый мировой порядок, который исследователи иногда называют новым мировым беспорядком, акцентируя внимание на непредсказуемости международно-политической ситуации. Однополярная конструкция мировой политической системы сталкивается с двумя тесно связанными друг с другом серьезными проблемами: проблемой устойчивости и проблемой легитимности. В течение 1990-х гг. неуклонно происходит маргинализация ООН. Отсюда проистекает нестабильность сложившегося мирового порядка, являющаяся прямым следствием ощущения нелегитимности существующих структур господства — ощущения, распространенного в большинстве государств и обществ, оказавшихся за пределами «золотого миллиарда».

О факторах неопределенности в мировой политической системе свидетельствует целый ряд обстоятельств:

- во-первых, выход на международную сцену новых акторов — Китая и Индии, проявляющих тенденцию к тому, чтобы стать глобальными;
- во-вторых, появление противоречий между Евросоюзом и Северной Америкой;
- в-третьих, обострение проблемы так называемых «несостоявшихся государств» в результате процессов экономической глобализации;
- в-четвертых, в глобальную политическую игру вступил участник, не признающий никаких до сих пор существовавших правил, — международный терроризм.

К современному терроризму относят:

- этнически и конфессионально мотивированный сепаратизм — баскский, чеченский, сикхский, ирландский, корсиканский, тамильский, курдский; всего на сегодняшний день существует более 80-ти движений, оценка которых как террористических или как национально-освободительных зависит от идеологических предпочтений говорящего;
- «смертников»-шахидов, в массовом порядке рекрутируемых в Палестине в ситуации тупика мирных переговоров после 2000 г. и в Ираке после оккупации 2003 г.;

- спонсируемые Пакистаном и Индией боевые группы, используемые в территориальном споре за Кашмир;

- леворадикальных повстанцев, а также праворадикальные военизированные формирования в Перу, Колумбии и других странах Латинской Америки;

- леворадикальные политические организации — «Фракция Красной армии», «Красные бригады», Карлос Шакал и т.п., действовавшие в 1970—1980-е гг. в Западной Европе;

- организованные криминальные группировки, прежде всего в наркоторговле, прибегающие к террористическим действиям в своих целях;

- сумасшедших одиночек вроде Тимоти Макфейна, взорвавшего административное здание в Оклахома-Сити в 1995 г.;

- фанатиков из религиозных сект (например, членов организации «Аум Синрикё», атаковавших Токийское метро в том же году);

- «людей X», совершающих теракты по причинам, остающимся неизвестными (например, совершивших взрыв в московском метро в 1980-е гг. или в подземном переходе на Пушкинской площади в 2000 г., или в перегоне между станциями Автозаводская и Павелецкая в 2004 г.) [10].

Либеральные демократии Севера переживают в настоящее время глубокий кризис, вызванный, во-первых, отходом от идеалов «государства всеобщего благосостояния». Во-вторых, промышленно развитые страны оказываются не в силах противостоять давлению со стороны периферии, которое в начале XXI в. выразилось в форме террористических действий. Эта проблема формулируется в публичных дебатах западных стран как проблема «государства безопасности». Обеспечение безопасности граждан становится предлогом для нарушения государством базовых прав своих граждан.

На основе сложившихся в русле политической философии идеологических течений влияние глобализации на политическое развитие современного мира интерпретируется и оценивается следующим образом. В идеологии неоллиберализма, подчеркивающей значимость экономической либерализации, обосновывается, что глобальная экономика, а вслед за ней глобальная политика и глобальная культура несут с собой благо для всех. Неоконсерватизм, абсолютизирующий консервативные моральные ценности, подвергает критике глобализацию за то, что она несет с собой космополитизм и моральный релятивизм. Марксизм не принимает термина «глобализация» и заменяет его термином «мировой капитализм». Марксизм отрицательно относится к глобализации, утверждая, что она выгодна только промышленно развитым странам и губительна для неразвитых, так как условием развития первых является безнадежное отставание вторых. Социал-демократам также свойственно резко критичное отношение к наметившимся в последние десятилетия тенденциям глобализации. Согласно их мнению, современная экономическая глобализация посредством мобильности капитала, помноженной на свободную торговлю, влечет за собой перенос производства из стран с высокими зарплатами в страны с низкими зарплатами. В конечном итоге это нанесет удар по производственному сектору в промышленно развитых странах, а значит, приведет к «деиндустриализации» в государствах первого мира и к дальнейшему обнищанию масс в регионах третьего мира, поскольку местные авторитарные режимы будут искусственно сдерживать повышение оплаты труда.

В современной политологии сложились три основных исследовательских подхода, в рамках которых осуществляется изучение влияния глобализации на политическое развитие — институциональный, бихевиоральный, структуралистский. С позиции институционального подхода влияние глобализации усматривается в том, как она воздействует на развитие политических институтов, определяющих характер общества. Сторонники данного подхода (С. Хантингтон, Дж. Нельсон и др.) подчеркивают приоритет политических институтов в решении задач политического развития, так как, согласно их мнению, уровень институционализации политической системы определяет стабильность общества в целом. Неинституционализм в лице Хантингтона видит основу и движущую силу современной мировой системы в бюрократических институтах. Главные из этих институтов — национальное государство, транснациональные корпорации и межгосударственные финансовые организации (прежде всего, МВФ и ВБ). Государства заинтересованы в том, чтобы привлечь иностранный капитал, а значит — создать выгодные возможности для его инвестирования. Транснациональные корпорации, так же как и национальные государства, заинтересованы в политической стабильности. Равным образом в ней заинтересованы и международные финансовые институты. Государства стремятся продемонстрировать свою стабильность для того, чтобы привлечь капитал. Капитал, в свою очередь, способствует стабильности государств, давая им кредиты. В результате проводятся необходимые реформы, но не происходит социальных потрясений. Ведущую роль политических институтов в процессе политического развития подчеркивают и другие авторы (Г. О'Доннел, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский, Т. Скокпол, Дж. Мач, Д. Олсен и др.).

Бихевиоральный и постбихевиоральный подход (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай) направлен на исследование того, как влияет глобализация на многообразие имеющихся в обществе и определяющих его облик типов политической культуры и поведения. Сторонники этого подхода в качестве основного фактора называют изменение в системе ценностей и моделях поведения (ранний Д. Аптер, К. Дойч, А. Инкельс, Р. Инглехарт и др.).

Структуралистский подход в исследовании политического развития (Д. Истон, Э. Шилз, С. Липсет и др.) акцентирует внимание на выявлении внеинституциональных ролевых, социальных, групповых оснований политического поведения. Основной причиной политического развития признается развитие экономики (У. Ростоу, С. Липсет) и функциональная дифференциация внутри общественной системы в целом и политической в частности (как правило, в числе этих ученых называют Т. Парсонса). В качестве основных причин и «главных процессов» развития, «которые, взаимодействуя друг с другом, составляют «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням», Т. Парсонс, помимо функциональной дифференциации, выделяет «повышение адаптивной способности, включение и генерализацию ценностей» [11]. Согласно Т. Парсонсу, основное содержание общественного развития состоит в повышении адаптивной способности системы в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. Г. Алмонд и Г. Пауэлл, взяв за основу идеи структурного функционализма о дифференциации и повышении адаптивности как о движущих силах и основных проявлениях общественного развития, предложили свою концепцию политического развития (в их интерпретации — концепцию эволюции политических систем), имеющую неодолинейный характер. Политическое раз-

витие они рассматривают на основании трех основных показателей: возрастание субсистемной автономии, увеличение структурной дифференциации и культурной секуляризации.

Все исследователи признают, что на политическое развитие в условиях глобализации влияют многие факторы, а сам этот процесс является многоаспектным. В частности, С. Липсет, фактически отождествляя понятия «политическое развитие» и «демократизация», выделяет в качестве факторов политического развития, наряду с собственно экономическими, и такие, как степень урбанизации и уровень образования. С. Хантингтон в своей работе «Третья волна» выявляет зависимость существования демократических режимов от уровня экономического развития страны. Л. Пай выделяет три группы характеристик: структурную дифференциацию и специализацию, возрастающую адаптивность системы, тенденцию к «равенству», предполагающую вовлечение населения в политическую жизнь, возникновение универсальных норм и назначение на государственные посты по принципу компетентности [12].

В последнее десятилетие среди политологов все определеннее утверждается мысль о принципиальном многообразии направлений, изучающих политическое развитие в условиях глобализации.

В качестве междисциплинарного подхода определенное методологическое значение в понимании влияния глобализации на политические процессы современности имеет теория рационального выбора, которая акцентирует внимание на индивиду. В ней человек выступает независимым, активным политическим актором, имеющим определенные установки, делающим выбор оптимального поведения и т.п. Для теории рационального выбора характерны следующие методологические посыпки:

- методологический индивидуализм, то есть признание того, что социальные и политические структуры, политика и общество в целом вторичны по отношению к индивиду. Именно индивид производит своей деятельностью институты и отношения. Поэтому интересы индивида определяются им самим, так же как и порядок предпочтений;

- эгоизм индивида, то есть его стремление максимизировать собственную выгоду. Это не означает, что человек обязательно будет вести себя как эгоист, но если даже он будет вести себя как альтруист, то этот способ, скорее всего, является для него более выгодным, чем другие. Это относится не только к поведению отдельного индивида, но и к его поведению в группе, когда он не связан особыми личными привязанностями.

На наш взгляд, с позиции рационального выбора строит свои прогнозы относительно развития глобализации и ее типологии А.С. Панарин. Он называет современное состояние рыночной модели мира «блокированным обществом», в то время как К. Поппер и Дж. Сорос называют его открытым. А.С. Панарин предлагает разработать концепцию «открытого будущего». «Применительно к разным сферам деятельности и подсистемам глобального мира предстоит разработать свои антимонопольные механизмы и процедуры, исключающие возможность присвоения преимуществ глобализации теми, кто сегодня самоутверждается в роли гегемонов» [13]. Сравнивая альтернативные модели мироустройства: кибернетическую и синергетическую, А.С. Панарин осмысливает конструктивные модели грядущего глобального мира, в первом случае — как вертикальной орга-

низации, во втором — как горизонтальной самоорганизации, то есть, с одной стороны, пирамидальной концепции однополярного мира, структурирование и интегрирование сверху; с другой стороны, генерирование горизонтальных связей глобализирует мир снизу. Отсюда два типа глобализации. Один — это «клуб элитных», авторитарный, что чревато сопротивлением как стихийным, так и организованным, другой — демократический — с кооперацией и интеграцией.

Сторонником первого типа глобализации является Дж. Сорос. Главный путь глобализации, согласно Соросу, создание альянса во имя открытого общества, где приоритетную роль играют США. Важным инструментом альянса служат НАТО и ВТО. ООН, в соответствии с мнением сторонников альянса во имя открытого общества, должна быть реформирована. Генеральная Ассамблея могла бы, по предложению Сороса, стать законодательным органом, где квалифицированное большинство составляло бы две трети стран, являющихся членами альянса, на которые приходится две трети их общего населения и две трети ВВП. Неофициальный альянс демократических государств уже проявил себя на Балканах. Сорос считает, что успех США и Запада на Балканах приблизит их еще на один шаг к идеалу глобального открытого общества, и заявляет, что его фонды стремятся обеспечить успех Пакту стабильности для Юго-Восточной Европы [14]. Второй тип глобализации в отличие от первого (вестернизации) — это новое объединение стран, где классическая модернизация поднята с национального на глобальный уровень с идеологией гуманистического универсализма и солидарности. А.С. Панарин рассматривает три ведущие идеи второго типа глобализации: первая — идея Великого Востока, вторая — идея солидарности с Югом, третья — новая индоевропейская идея. Первая идея есть противовес вызову глобальной вестернизации — выступить как единый миросистемный субъект, чтобы восстановить биполушарную (западно-восточную) структуру мира, где постэкономизм связан с поддержкой экологического, социокультурного и социально-политического равновесия). Вторая идея — идея солидарности с Югом. Нравственно-религиозная традиция сострадательности к униженным и оскорбленным, солидарности со всеми угнетенными народами «третьего мира». И, наконец, третья идея второго типа глобализации — это новая индоевропейская идея, поддерживаемая великими традициями России, Индии, Ирана [15]. А.С. Панарин полагает, что есть две опоры для долгосрочной прогностической теории политического развития государств в условиях глобализации — нравственное сознание и новая научная картина мира с ее такими концептами, как нелинейность, неопределенность, бифуркация, стохастичность [16].

В связи с осознанной необходимостью человеческого измерения глобальных экономических и политических процессов, культура осмысливается учеными в качестве решающего аспекта глобализации. Трансформации, происходящие в настоящее время в знаково-символической сфере, связаны со становлением «глобальной культуры».

На наш взгляд, понятие культурной глобализации, детально разработанное Уотерсом, Бергером, Хелдом, Томлисоном, вносит определенные коррективы в понимание взаимодействия культурных и политических процессов современности. Они полагают, что культура — не просто один из параметров глобализации, а ее внутренний аспект, составляющий ее суть. Культурная глобализация вносит изменения как в ход повседневной жизни, так и в способы интерпретации смысла

жизни. П. Бергер выделил четыре процесса в течение культурной глобализации: давосская культура, или международная культура ведущих деловых кругов мира; культура мак-мира, или глобальная массовая культура; международная клубная культура интеллектуалов, или мировая интеллектуальная культура, выражающая глобализацию западной интеллигенции; новые массовые религиозные движения [17].

В последние полтора-два десятилетия укрепились позиции цивилизационного подхода. Под влиянием теорий локальных цивилизаций О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, не придерживаясь строго одного критерия, смешивая географический и конфессиональный критерии, отдельные ученые-футурологи выделяют такие четыре действующих вектора глобализации, как: Евро-Американский, Евразийский, Исламский и Ведический. Евро-Американский, или западный вектор, выстроенный на основе алгоритма библейской культуры, больше известен в идейно-теоретических оболочках мондиализма, атлантизма и евроцентризма.

Глобализация ведической восточной цивилизации охватывает страны Юго-Восточной Азии — КНР, Индию, Японию, Корею и другие государства-носители ведической культуры. Она не имеет под собой глобальной социологической доктрины объединения человечества, что компенсируется «ползучей» технократической и финансовой экспансией в развивающиеся и развитые страны и отчасти «духовным преображением» на базе ведических вероучений и буддизма в странах библейской региональной цивилизации Евро-Американского конгломерата и постсоветского пространства.

Глобализация по-исламски на основе коранической культуры исламских государств, характеризующаяся преимущественно идеологическим наступлением на ведический Восток и библейский Запад, сопряжена с целенаправленным появлением новых модификаций и течений ислама с учетом «местных» специфик и ментальных особенностей регионов мира, демографических и социально-политических отличий. Вторым оружием «исламской» глобализации выступает нефтяной фактор, которым богаты страны исламского мира, что в условиях бурно развивающейся технократии является сильным аргументом. Высок и революционный потенциал Ислама. Основной проводник — правящие круги Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара.

Евразийский вектор глобализации набирает все больший духовно-политический вес, поскольку опирается, прежде всего, на идейные и культурно-исторические основы. Он характеризуется также тем, что предлагает человечеству мягкий, ненасильственный путь объединения, основанный на уважении к самобытности каждой этнической и религиозной общности, без подавления господствующих в том или ином социальном сегменте мировоззренческих установок, ратует за совместимость ценностей традиционного и гражданского общества в качестве моста между цивилизациями Запада и Востока.

Мир глобализируется уже потому, что все общества — независимо от их социального устройства, политического режима и моральных устоев — подвержены одним и тем же рискам. Этот аспект глобализации отражен в концепции глобализации, предложенной У. Бекком. Она получила название «глобального общества риска» [18]. Анализируя феномен глобализации риска, У. Бек выделяет несколько его основных черт: непреднамеренность, неотвратимость, невидимость, нелокализуемость ни по происхождению, ни по последствиям; непредсказуемость.

У. Бек выделяет три группы глобального риска:

1) технико-индустриальные, обусловленные стремлением к обогащению; новые витки роста производства влекут за собой: озоновые дыры, глобальное потепление, негативные последствия от применения генной инженерии;

2) технико-индустриальные, обусловленные бедностью (вырубка тропических лесов, применение устаревших технологий в химической промышленности, в ядерной энергетике, в транспортировке нефти);

3) риски, связанные с угрозой применения оружия массового уничтожения — в том числе террористами.

В концепции У. Бека развиты два противоположных тезиса:

1) риск уравнивает: загрязнение окружающей среды обесценивает и делает нерациональными самые рациональные решения;

2) риск усиливает неравенство: по причине углубляющейся социальной стратификации в глобальном масштабе одни общества будут подвергаться все большей опасности с экологической точки зрения. Местом строительства «грязных» производств, вывоза ядерных отходов, уничтожения списанного химического оружия, хранения вредных отходов оказываются, как правило, бедные страны «третьего мира». Уже сегодня риски распределены неравномерно. Со временем эта асимметрия будет лишь возрастать.

В условиях глобализации развитие постмодерна в культуре и демократии в общественно-политической жизни идет одновременно и взаимосвязанно: разрушается единый стиль культуры, возникает культурный и политический плюрализм. Постмодернистский подход является одним из направлений анализа политического дискурса, то есть правил речевого объяснения политических процессов. При анализе политического дискурса постмодернисты исходят из следующих посылок. Они отрицают возможность существования единого и разделяемого всеми образа реальности, который можно точно изучить и объяснить. Все великое, патриотизм, национальная идея интерпретируются как формы идеологической власти, от которой необходимо освободиться. Окружающий мир, согласно мнению постмодернистов, создается верованиями и поведением людей. По мере распространения идей люди начинают верить в них и действовать в соответствии с ними. Будучи закрепленными в определенных правилах, нормах, институтах и механизмах социального контроля, эти идеи тем самым создают реальность. С этой позиции политическое развитие в условиях глобализации предстает как реальность, созданная речевой практикой людей.

Обобщая изложенное в данной статье, можно сделать следующие выводы. Глобализация есть процесс создания глобального порядка как «единства в многообразии» и глобального открытого общества путем объединения многообразных цивилизаций, множества государств современности посредством системных взаимосвязей в сферах экономики, политики, культуры. Субпроцессами глобализации выступают экономическая, политическая, культурная глобализация, взаимно влияющие и взаимно обуславливающие друг друга.

Влияние глобализации на политическое развитие имеет неоднозначный характер, определяется совокупностью сложившихся предпосылок в политическом бытии как отдельного государства, так и соотношением государств на глобальной арене, феноменом многообразия цивилизаций. Главной особенностью протекания политических процессов в условиях глобализации является плюрализм, прояв-

ляющийся в многообразии политических изменений и политического развития, либерализация и нарастание неопределенности, связанной со становлением нового мирового порядка, характеризующегося появлением новых центров влияния и фактора международного терроризма. Как синергетический процесс глобализация требует применения в ее исследовании всей совокупности наработанных общенаучных методологических подходов и философских принципов всеобщей связи, конкретности, объективности, противоречия. Сложность глобализации как объекта исследования в ее влиянии на политические процессы актуализирует методологические возможности синергетического подхода, теории рационального выбора, постмодернистского подхода как направления анализа политического дискурса, цивилизационного подхода и культурализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Политика. — 2000. — №3. — С. 102—115.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Инноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 495.
3. Ашимбаев М.С., Идрисов А.А. Глобализация: сущность и тенденции // Analytic. — 2001. — №4-5. — С. 8.
4. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. Изд. 2-е перераб. и доп. — М., 2003. — С. 6.
5. Ашимбаев М.С., Идрисов А.А. Указ. соч.
6. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. — М.: КДУ, 2007. — 256 с. (С. 182).
7. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / Под ред. Мелешкиной Е.Ю. — М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2001. — 304 с. (С. 6.)
8. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. — М., 1995. — С. 10.
9. Политология / Курс лекций под ред. М.Н. Марченко. — М., 1999. — С. 398.
10. Малахов В.С. Указ. соч. С. 152—153.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. — М., 1997. — С. 43.
12. Рье, L.W. Aspect of Political Development. — Boston, 1966. — Pp. 45—47.
13. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. — М.: Алгоритм, 2000. — 352 с. (С. 329).
14. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. — М.: Некоммерческий фонд поддержки культуры, образования и новых информационных технологий, 2001. — С. 432.
15. Панарин А.С. Указ. соч. С. 346.
16. Там же. С. 8—9.
17. Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Л. Бергера и С.П. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Салова. — М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 59.
18. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / Пер. А.Д. Ковалева // Thesis. — 1994. — №5. — С. 161—168.

Проблема индивидуальной свободы в глобальном обществе

ГЕЗАЛОВ А.А.

Свобода относится к тем предметам, о которых каждый думает, что он четко представляет себе, о чем здесь идет речь. Создается впечатление, будто мы все знаем, что такое свобода. Между тем ни одна идея не вызвала в истории столько ожесточенных споров и не провоцировала более бурных всплесков насилия. Люди во все времена боролись за свободу, точнее — за свое понимание ее. Конфликты на почве этой ценности сами по себе уже свидетельствуют о том, что идея свободы внутренне противоречива, неоднородна, состоит из несовместимых друг с другом частей. Несмотря на общераспространенную уверенность людей в том, что их точка зрения на вопросы, связанные со свободой, очевидна и единственно верна, факт несогласия всего человечества с одной трактовкой говорит о том, что у слова «свобода» не существует никакого «единого», «самопонятного», «явного», «естественного» смысла. Напротив, можно констатировать множество непохожих образов свободы (однако отсюда не следует, что они равнозначны, и дискуссии о свободе по определению неразрешимы). Их рассмотрению и будет по преимуществу посвящено все дальнейшее изложение.

Прежде всего, мы открыто заявляем, что, согласно нашему мнению, гипотетическую группу разных идей свободы не следует считать совокупностью действительно альтернативных вариантов. В нашем видении эти несколько «образов» являют собой срезы одного и того же феномена, но как бы на разном уровне. Они все истинны в некоторой степени и вполне оправданно принимаются конкретными группами людей как «правильные» определения свободы. Но все же уровень адекватности у них неодинаков. Одни из них могут быть расценены как более, а другие как менее корректные и ясные.

Критерий, по которому идеи свободы можно выстроить в иерархию и ранжировать их по степени приемлемости, достаточно прост — это логическая содержательность, наполненность предметным значением. То есть каждая из них включает в себе понятие свободы, сравнимое с другими по тому, насколько точно оно воспроизводит качества, которые необходимо присущи чему-либо такому, что человеческий разум мыслит или оценивает как «свободное». Это означает, что образы свободы есть более и менее конкретные уточнения того, что (всеми) имеется в виду, когда говорят о свободе. И поэтому среди них можно выделить также, с одной стороны, самое расплывчатое и смутное, а с другой — самое ясное и содержательное понимание, хотя, если подходить к ним с педантичной строгостью, надо признать за обоими достоинство истинности.

Простейшее определение свободы, с которым в принципе соглашаются все, сводится к тому, что ее приравнивают к отсутствию зависимости от некоего ряда предметов и явлений. Свобода — это качество, благодаря которому нечто перестает испытывать влияние всех стимулов, кроме своих собственных, «внутренних». Она здесь выступает фактом эмансипации от «внешнего».

Свобода словно вытаскивает из заданного порядка причинности: нечто свободное более не реагирует как механическое следствие на воздействие извне. Оно свободно от необходимости действовать и существовать определенным образом. Например, тот может именовать себя свободным от сословных предубеждений, на кого они не влияют и не предписывают ему строгой линии поведения, кто вообще отделяет себя от них. Или же свободным полетом можно назвать только такой, что не стеснен земным притяжением и закономерностями передвижения по твердой поверхности, для которого они представляются внешними и несущественными обстоятельствами. По сути, все это есть отмена какого-нибудь закона причинности и замена его свободной причинностью, если пользоваться терминологией Иммануила Канта.

Важно отметить, что такие характеристики предполагают идею индивидуума, который становится носителем нового автономного порядка причинно-следственных связей. Индивидуум — это то, что является свободным, в смысле независимости от чуждых ему отношений. Он ассоциируется с некоей единицей, отличимой от окружающего его равномерного фона. Индивидуум отделяется от внешнего мира, свободен от него, и потому он есть нечто уникальное, неповторимое, единственное в своем роде. Притом ясно, что, даже если даны несколько индивидуумов, каждый из них должен рассматриваться как совершенно самостоятельная единица, независимая от всего своего окружения, в том числе и от себе подобных.

В виде абсолютно свободного существа индивид также выступает и самоцелью, раз он не включен ни в одну внешнюю для него цепочку целей. На этот момент указывал Кант во второй формулировке принципа нравственности: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1].

Идея самоценного индивидуума лежит в основе и большинства либеральных теорий, начиная с эпохи просвещения (Вольтер, Монтескье, Юм, Джефферсон) и до современности. В наши дни Милтон Фридман, авторитетный теоретик в рамках либеральной традиции понимания свободы, делает на ней особый акцент: «Каждый человек есть ценность в себе и сам по себе. Все люди наделены неотъемлемыми правами, на которые никто не вправе посягать. Каждый человек имеет право служить своим собственным целям и не может рассматриваться лишь как инструмент достижения целей других людей» [2].

Все вышеизложенные выводы непосредственно следуют из самой ближайшей и простой идеи свободы как независимости (индивидуума). Но в какой мере она удовлетворительна?

Помимо довольно банальной упрёка к ней насчет ее негативного характера (свобода от...), можно предъявить и гораздо более серьезную претензию. Последняя касается идеи индивидуума и показывает в ней логическую ошибку, несовместимую с самой идеей свободы. Ведь понятию индивидуума, автономной единицы отвечает практически любая вещь, даже обычный камень с обочины дороги. Каждый предмет мира может быть выделен, и действительно выделяется, в обступающей его со-

всех сторон среде. И в известном смысле всякий произвольно взятый предмет есть нечто совершенно уникальное, отличное от всего прочего, ведь даже в промышленной серии карандашей, если хорошенько присмотреться, нельзя отыскать пары совершенно одинаковых. Поэтому, вероятно, мы должны в таком случае придавать атрибут свободы любому объекту, в минимальной степени отделимому от других. Свобода совершенно теряет свое качество, если свободным будет называться каждый индивидуум только на том основании, что он — индивидуум.

Поскольку свобода не присуща всякому индивидууму, саму идею о том, что она есть его качество как такового, нужно пересмотреть. Выяснилось, что, если ты отличаешься от остальных, то это еще не значит, что ты в самом деле свободен, ибо с таким же правом на почетное звание «свободного существа» может претендовать все что угодно. Теперь следует уточнить, какие именно индивидуумы обладают свободой. Быть чем-то самостоятельным — это, конечно, необходимое, но далеко не достаточное условие для того, чтобы быть свободным. Требуется найти еще какое-то качество.

Обратим взгляд на необозримый класс индивидуумов и поищем ту предпосылку, что обуславливает в них проявление свободного существования. Вот неживой предмет, допустим, капля воды; она вообще не является свободной, ведь она полностью включена в систему мироздания с непреложными законами, о которых она не имеет права голоса; хотя мы в качестве стороннего наблюдателя видим ее выпукло на окружающем фоне, постигаем ее в качестве индивидуума — она не свободна сама по себе. Возьмем что-то живое: лист, на котором повисла водяная капля, или целое дерево; пожалуй, мы с большей уверенностью будем выделять это как нечто самостоятельное; но природные детерминанты, под действием которых функционирует растение и которые оно не в силах изменить, все же не дадут нам основания считать рассматриваемые предметы свободными. Аналогичная ситуация с животными, которые, показывая в своем поведении гораздо больше случайности, по видимости не заданной объективными причинами, сами себе вряд ли могут противостоять внутренним движущим силам инстинктов.

Кардинально иначе, как надо предчувствовать, дело обстоит с людьми. Однако даже мысленный эксперимент говорит об обратном. Сколько бы мы ни наблюдали за каким-нибудь человеком, его деятельностью и перемещениями, напрямую мы никогда не зафиксируем у него качества свободы. Весь опыт будет против этого: тело индивидуума ничем принципиально (качественно) не отличается от тела животного. Разница — в количестве «серого вещества», расстоянии отстоящего большого пальца руки от остальных и пр. Человек в полной мере подчинен всем физическим, химическим, биологическим и другим закономерностям; жизненными потребностями накрепко присоединен к окружающей материальной системе и не может быть абстрагирован от нее без ущерба для себя. Короче, напрашивается резонное заключение: будучи самым настоящим индивидуумом, человек не свободен.

Так что же, мы не отыскали никакого свободного существа и его специфического качества? Но тут от уныния спасает догадка, что все-таки было упущено одно-единственное существо, единица, которая не стояла в ряду предметов поиска, поскольку была субъектом, который осуществлял поиск. Мы имеем в виду внутренний план человеческого сознания в тот момент, когда оно направлено на осознание чего-нибудь (в нашем случае совокупности индивидуумов). Надо еще принять в расчет индивидуума так, как он дан сам себе в акте самосознания, как он есть для самого себя.

В новой, более точной, идее свободы она определяется как качество самосознающего индивидуума, как абсолютная независимость сознания от внешних ему процессов. Внутренний духовный аспект каждой личности, взятой как бы наедине с собой, — вот что такое полная и ничем не ограниченная свобода от чего бы то ни было. Из нас самих, из «цитадели» самосознания, нас не может выгнать никто и ничто; отсюда мы имеем возможность свободно насмехаться над необходимостью любой силы (которая имеет власть, быть может, над телом индивидуума, но не над его сознанием). Казалось бы, эта идея рафинированной интеллектуальной свободы тривиальна, но она влечет за собой далеко идущие последствия, которые можно ей зачислить как в достоинства, так и в недостатки.

Особо следует отметить, что свобода сознания замкнута в своих границах, внутри которых нет никаких ограничений, но за которые она, тем не менее, не может распространяться. О том, что некто свободен в своих мыслях, истинно и в полной мере знает только он сам. Самосознания свободного лишь для себя — в этом корень абсолютности такой свободы. Следовательно, для других людей это не может быть несомненным фактом, если одно сознание нельзя транспортировать внутрь другого, сообщить другому о моей свободе. Неизбежно, что весь окружающий мир и общество будут смотреть на меня отнюдь не как на свободное существо, а как на рядовой предмет, подчиненный объективным законам и требованиям. Это все же будет реально ограничивать свободу, загонять ее в рамки только духовной свободы. А здесь мы имеем дело уже ни с чем иным, как с несвободой. Получается, что вышеизложенная идея свободы — это тупик, противоречивый образ якобы свободного существа, которое не свободно в действительности, а только думает, что оно свободно. Необходимы дальнейшие уточнения.

Структура общества подвергает свободу серьезной коррекции, так как она более не может быть безусловно неограниченной (подобно духовной свободе). Гражданские свободы индивидуумов должны быть как-то согласованы, причем так, чтобы все же остаться свободами, не попасть ни в какую зависимость. Это возможно при условии, если каждый сам ограничит свою свободу в той мере, чтобы она не противодействовала свободе других людей. Но в то же время это действие не будет ограничением свободы, поскольку, во-первых, произойдет по воле самого свободного существа, в ходе заключения общественного договора, и, во-вторых, все другие индивидуумы ограничением своих свобод (в отношении данного человека) уравновесят его отказ от части изначальной свободы. Таким образом, за каждым будет признана реальная и гипотетически абсолютная свобода, без вреда для кого бы то ни было.

Общество контракта, по сути, учреждает правовой порядок, в котором свобода ничем не ограничивается, символизирует полную независимость индивидуума, но только в рамках общего закона (заочное согласие на который дал всякий вступивший в общественные отношения). Очень верно сформулировал «всеобщий принцип» этого права Иммануил Кант: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом [свободы]» [3].

Легко заметить центральную позитивную черту и одновременно изъян идеи гражданской свободы. Положительно влияет на утверждение свободы именно конструктивный, гипотетический, конвенциональный ее характер — то, что свобода здесь «установлена» или, если угодно, «выдумана». Но отсюда же истекает и слабость ее.

Несомненно, хорошо то, что открываются неизмеримые горизонты для творчества конкретных проявлений свободы человека, раз все равно никто не знает, действительно ли мы свободны, для чего и почему. Приходится заботиться только о том, чтобы не задеть ненароком интересов окружающих людей — и все; в остальном нам предоставляется позитивная, содержательная, предметная свобода выбора. Мы сами можем решить, как вести себя и чем заниматься — все альтернативы распростерты перед нами. Это и есть столь часто упоминаемая положительная свобода, или «свобода для...».

Однако, с другой стороны, эта конвенционально принятая свобода может вести, и зачастую приводит, к хаосу. Дело в том, что никто в действительности не знает того, где пролегает сакраментальная граница между «твоей» и «моей» свободой; в сердцах каждый трактует ее на свой манер. Условный принцип права, разумеется, ее регламентирует, но не имеет сил полностью гарантировать то, что она не будет нарушаться. Соглашение довольно просто расторгается одним движением мысли свободного существа, а вместе с этим теряет смысл и индивидуальное ограничение свободы. Отсюда — преступления в гражданском обществе становятся обыденным явлением. Тем самым явью становятся и многочисленные нелегальные препоны свободе индивидуумов, производимые преступниками; в рамках закона свобода, хотя и признается, но не обеспечивается и превращается в несвободу.

Идея общечеловеческой свободы — наиболее точная конкретизация свободы вообще. В ней призрак исключительности «моей» свободы исчезает окончательно. «Я» свободен только постольку, поскольку отношусь к человечеству. Но также пропадает и отчужденная от индивидуума свобода, будь она сосредоточена в коллективе или другом индивидууме. Свобода другого человека — это и «моя» свобода, которой стоит искренне радоваться. «Мы», те, кто сможет с необходимой серьезностью отнестись к человечеству, свободны совершенно безгранично, поскольку «чужая» свобода не задевает нас, являясь одновременно общечеловеческой, в том числе и «нашей».

Эта высокая идея положительно выражается в том, что обычно называют «правом гражданина мира». Это свободное поведение в рамках закона, которым могло бы руководствоваться все человечество. То есть действие не столько в качестве индивидуума, сколько так, будто бы в «моем» поступке проявляется всеобщность, будто здесь осуществилась воля всех свободных людей. Кант называл такое самоощущение личности моральным «категорическим императивом»: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [4].

Но только не нужно полагать, что подобный образ поведения в какой-нибудь степени является ущемлением индивидуальной свободы. Как раз наоборот: индивидуум, поступая как человек, как гражданин мира, на самом деле размыкает пути личной ограниченности (прихотей, установок мышления, предрассудков) и местечковости (национального «аутизма», неприятия культур других людей) и ощущает свою свободу в ее предельном расширении.

Деятельность по праву гражданина мира, самоотверженная работа во имя свободы человечества, весьма актуальна сегодня, в эпоху обострившихся противоречий культур, религий, этносов. Взаимно отталкивающиеся свободы отдельных групп людей можно примирить через диалог и пропаганду общечеловеческой свободы. Хотя сейчас это кажется отдаленной и, пожалуй, чересчур наивной

целью, тем не менее в содействии делу мира и всеобщей свободы должно видеть главный приоритет. «Следовательно, вопрос уже не в том, реален ли вечный мир или нереален и не обманываемся ли мы в нашем теоретическом суждении, когда допускаем первое; вопрос в том, что мы должны поступать так, как если бы было реально то, чего, быть может, нет, должны содействовать обоснованию его и принятию такого строя, который представляется нам для этого наиболее пригодным (может быть, республиканизм всех государств вместе или каждого в отдельности), дабы установить вечный мир и положить конец преступной войне, на которую до сих пор как на главную цель были направлены внутренние устроения всех без исключения государств» [5].

До сих пор идея общечеловеческой свободы была лишь красивой абстракцией, мечтой романтически настроенных интеллектуалов. Но в последнее время она все чаще прорывается в реальность и становится практической целью. Ведь есть успехи мирного, толерантного мультикультурализма, сосуществования прежде «антагонистических» классов, того, что Хабермас назвал «вовлечением другого» в единую орбиту. Эти достижения, пока еще не получившие массового распространения, стали возможными на почве осознания общей свободы, присущей не каждому по отдельности, но всем вместе.

Хотя мы не можем по эмпирическим данным судить, каков характер воздействия глобализационных процессов на свободу, мы готовы сделать теоретическое заключение об этом, исходя из четкого понимания ценности свободы. Глобализация в любой интерпретации (экономической, политической, культурной) есть неотвратимое нарастание интеграции людей в единое человечество. Это позволяет говорить и о том, что свобода индивидуумов в современном мире приобретает черты сообразности с идеей человечества, пусть и в виде тенденции. Следовательно, *глобализацию необходимо рассматривать как позитивный фактор, воздействующий на свободу, поскольку она создает условия для того, чтобы люди ассоциировали собственные свободные действия не только с собой самими или со своей нацией, а с равенством всех в составе глобального человечества. Когда действительностью нашей жизни становится планетарный масштаб, наша свобода превращается в право гражданина мира (ius cosmopolitanum), достигает своего пика.* В свете сложившейся ситуации идеалом «становится формирование личности, обладающей определенной внутренней свободой, независимостью в своих мнениях, поступках...» [6].

Это предположение косвенно можно подтвердить и фактами, некоторыми иллюстрациями.

Во-первых, глобализация, как замечает Юхан Норберг, обуславливает упрощение мира среди людей. «За последние десятилетия количество войн в мире снизилось вдвое, и сегодня вооруженные конфликты напрямую затрагивают менее 1% населения планеты. Одна из причин этого состоит в том, что демократические страны не воюют друг с другом, а другая в том, что развитие международных связей и обменов делает войну все менее подходящим способом решения конфликтов» [7].

Во-вторых, идея национальной свободы оказывает все меньшее влияние на сознание рядовых граждан развитых стран и заменяется общечеловеческими идеалами (всплески агонизирующего национализма только подтверждают общее правило). По словам Джагниша Бхагвати, это **последствие** именно глобализации,

так как она ограничивает государственный суверенитет и подталкивает недемократические режимы к демократизации [8].

В-третьих, геополитика сегодня находится в состоянии активного поиска вненационального фундамента, который бы выполнял задачу ее легитимации. Концепции прав человека (не совсем правомерно связываемая с индивидуальным существованием людей), гуманитарных интервенций, развитие филантропии (Джордж Сорос) постепенно нащупывают в политике примат человека, взятого вне национальных, культурных и социальных рамок. Учреждения, не основанные на общечеловеческой свободе (ООН, Всемирный банк, НАТО), вступают в эпоху затяжного кризиса, и на смену им приходят глобальные структуры новой формации (международные добровольные сообщества, клубы по интересам, научно-технологические сообщества, благотворительные организации, фонды и пр.), которые не всегда осознанно, но воплощают, так или иначе, новое понимание свободы.

В-четвертых, уже многими исследователями указывается специфический «человекообразный» характер современной экономики (вопреки обвинениям антиглобалистов). Так, опираясь на обширную литературу, Владислав Иноземцев выдвигает тезис о том, что хозяйственная деятельность последних десятилетий ориентирована не на производство товаров как материальных благ, а на воспроизводство человеческого в человеке (образования, креативности, уважения к другому, чувства собственного достоинства, стремления бескорыстно помогать). Материальные потребности замещаются человеческими потребностями, стремлением культивировать свободу. Труд уступает место творчеству, которое «побуждается стремлением человека к самосовершенствованию, и целью его выступает сам человек» [9].

Подводя итог, мы утверждаем, что *сама идея глобализации есть безусловное благо для человеческой свободы, трактуемой в общечеловеческом смысле. При этом фактический ход процессов интернационализации экономики, культуры и политической жизни не всегда отвечает идеалу. Многочисленными ссылками на опыт можно обосновать как позитивное, так и негативное влияние глобализации на рост свободы.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. — СПб.: Наука, 2005. — С. 90.
2. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. — М.: Некоммерческий фонд поддержки культуры, образования и новых информационных технологий, 2001. — С. 75.
3. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. — СПб.: Наука, 2005. — С. 285.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности... С. 83.
5. Кант И. Метафизика нравов в двух частях... С. 389—390.
6. Костина Т.И., Мамедов Н.М. Основания концепции устойчивого развития // Устойчивое развитие и водные ресурсы / Отв. ред. А.Д. Урсул. — М.: Проспект, 2005. — С. 81.
7. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 37.
8. Бхагвати Д. В защиту глобализации. — М.: Ладомир, 2005. — С. 125.
9. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — М.: Academia-Наука, 1999. — С. 51.

О теории механизмов правового регулирования государственного менеджмента

БАЙГЕЛДИ Г.С.

Исследование и формирование теоретической модели механизма правового регулирования общественных отношений предполагает системное изучение целостного комплекса механизмов, составляющих центральное звено механизма государства, представляющего собой систему государственных органов и учреждений, посредством которых осуществляется выполнение задач и функций государства, защита его интересов. Как полагают авторы работы [1], структуру механизма государства составляют следующие элементы: 1) служащие, профессионально занимающиеся управлением; 2) иерархическая система государственных органов, которые правомочны совершать действия, направленные на урегулирование всех сфер общественной жизни; 3) материальные средства, которые необходимы для функционирования первых двух элементов.

С точки зрения системного подхода любой механизм социальной сферы следует рассматривать как систему. Если же стремиться к обеспечению целостности подобной системы, то указанную выше структуру механизма государства, на наш взгляд, целесообразно дополнить целостным механизмом правового регулирования общественных отношений, который имеет непосредственное отношение и к механизму управления.

К механизму управления в работе [2] отнесены комплексы методов управления с преобладанием административных или экономических средств, а также правовые нормы, с помощью которых общество использует экономические законы с учетом реально складывающейся обстановки.

Ю.Е. Бусыгиным механизм управления определяется как способ (порядок) организации процесса управления, представляющий собой взаимосвязанный комплекс принципов, методов, форм и средств управления, обеспечивающих достижение цели, эффективное решение поставленных задач [3].

Механизм государственного управления как система, согласно мнению Р.Т. Мухаева, представляет собой набор процедурных, институциональных, функциональных и организационных факторов, устойчивое взаимодействие которых ориентировано на созидание и поддержку жизнеобеспечения и поступательного движения общества. Определяющим элементом в механизме управления являются цели управления, которые интегрируют компоненты системы и направляют их действие [4].

В соответствии с мнением В.Д. Сорокина, важной составляющей механизма управления является механизм правового регулирования, который служит до-

стижению необходимого, предусмотренного законом юридического результата, ради которого возникают общественные отношения социально-правовой среды, приобретающие под воздействием права форму правовых отношений — основного средства на пути достижения искомого юридического результата [5].

В работе [6] механизм управления определяется как совокупность, сцепление средств и методов управления, определяющих возможность целенаправленного движения, функционирования и развития системы. С точки зрения авторов указанной работы, механизм управления обеспечивает реализацию таких функций, как прогнозирование и планирование, организацию и координацию, учет и контроль, мотивацию и стимулирование. При этом прогрессивным признается такой механизм управления, который обеспечивает максимальное использование, раскрытие потенциала системы.

О какой системе в данном случае идет речь? Если механизм управления обеспечивает максимальное использование потенциала системы, то можно предположить, что данная система так же, как и указанный механизм, выступает в качестве средства достижения поставленной цели. Какое место в подобной системе занимает механизм управления, если учитывать, что упомянутая система сама «нуждается» в управлении?

Во-первых, все социальные системы являются искусственными. Во-вторых, эти системы конструируются человеком и поэтому являются продуктом творческой деятельности субъекта, который должен обладать определенными системными представлениями, знаниями и умениями системного подхода и системного мышления. Социальные системы, как правило, являются целенаправленными, но в любом случае представляют собой лишь некую модель определенной совокупности объектов окружающей действительности, которые определенным образом используются человеком для достижения конкретной цели (целей). Изменяется цель и должна измениться система, в противном случае не будут получены планируемые результаты, а если и получены, то со значительным увеличением ранее планируемых затрат.

Любая существенная ошибка, допущенная на стадиях проектирования (планирования), разработки (создания) или реализации (воплощения) системы государственного управления и государственного менеджмента, равно как и их механизмов, в конечном итоге скажется на качестве и эффективности полученных результатов. Все это касается и государственной политики и стратегии ее реализации. Кстати говоря, подготовка инженера начинается с изучения (наряду с другими общетехническими и общинженерными дисциплинами) теории механизмов и машин как одной из основы для формирования инженерного мышления. Точно так же для специалистов в сфере государственного управления должна быть разработана и внедрена в учебный процесс теория механизмов управления, без знания которых вряд ли можно отстроить и осуществлять эффективное управление. Что касается механизмов менеджмента, то их оптимальная структура и принцип действия были обусловлены и в определенном смысле «сформированы» рынком, который диктовал свои жесткие условия и правила. Если обратить внимание на содержание теории государственного управления и менеджмента, то в них можно найти много общего. При этом заметно, что в менеджменте значительное внимание уделяется субъекту управления, его профессионализму и компетенции, а также управлению знаниями. К сожалению, существующие

системы управления не содержат в своей структуре область знаний, актуальных на момент конструирования системы.

С точки зрения системного подхода механизм государственного управления может рассматриваться как система, компонентами которой является не только совокупность включенных в управленческий процесс механизмов, но и необходимые между ними связи и отношения. Механизм государственного управления и механизм государственного менеджмента являются подсистемами механизма государства, но одновременно системами, структура которых включает ряд механизмов, в том числе механизм административно-правового регулирования, не имеющий на сегодня своей концептуальной модели.

Механизм государственного менеджмента рассматривается как совокупность встроенных в функционирующую на данный момент систему государственного управления элементов, отражающих основные принципы, качества субъектов, содержание, формы, методы, средства и функции государственного менеджмента, служащих одновременно достижению стратегических целей государственного управления в условиях рынка и новых социально-экономических отношений.

Как самостоятельная система механизм государственного менеджмента является средством достижения поставленных целей, планируемых результатов и установленных задач в контексте реализации государственной политики и стратегий. Таким образом, функционирование (реализация, совершенствование, развитие) компонентов системы государственного менеджмента (отражающих ее основные принципы, содержание, формы, методы, средства и функции), для достижения стратегических целей эффективного и устойчивого развития экономики, общества и государства, в общем представляет собой механизм государственного менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая юридическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2005. — 688 с. (С. 302).
2. Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / Под общ. ред. В.И. Кушлина, В.П. Чичканова. — М.: РАГС, 2004. — 744 с. (С. 336).
3. Бульгин Ю.Е. Организация социального управления (основные понятия и категории). Словарь-справочник / Под общ. ред. И.Г. Безуглова. — М.: Контур, 1999. — 254 с. (С. 114).
4. Мухаев Р.Т. Система государственного и муниципального управления: Учебник для студентов вуза. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 575 с. (С. 94).
5. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 661 с. (С. 175).
6. Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов... С. 336.

Реформаторство в исламе: идейные основы и инструментари

НЕСИПБАЙ Р.Т.

Главной задачей реформистов является интерпретация священных текстов с тем, чтобы выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей. Ключевым инструментом и базовым положением в достижении такой цели является «иджитihad» как средство применения базовых исламских принципов к новым ситуациям [1].

Иджитihad (*в пер. с араб. яз. — старание, усердие*) — это принцип самостоятельного суждения по религиозным и правовым вопросам, способ получения шариатских или рациональных доказательств для шариатских установлений или практических обязанностей. Право на иджитihad имеют лишь авторитетные мусульманские правоведы и богословы — уровня муджтахидов. В X в., в связи с тем, что сформировались четыре суннитских мазхабов и была выработана исламская догматика, «двери иджитihadа были закрыты» [2]. Все возможные правовые нормы с его помощью выведены, и в нем у мусульманской общины больше нет нужды. Целью принятия данного положения было не допустить злоупотребления свободой мысли. Оно приводило в то время к появлению большого количества заблудших сект, дробивших умму. Наступило господство концепции таклида (следование традиции).

Приверженность традиции привела в XVIII в. к постепенному формированию интеллектуального движения за «открытие врат иджитihadа». Сторонников данного подхода стали называть реформаторами.

Согласно исламской терминологии, иджитihad — это предельное усердие в формулировании мнения или же в вынесении правового заключения по какому-либо вопросу, относительно которого нет четкого указания в Коране и Сунне.

Реформаторы считают, что право на иджитihad должно быть заново открыто, тогда как традиционалисты отстаивают концепцию таклида.

Согласно мнению реформаторов, запрет на иджитihad привел к ограничению активности мысли, критического анализа и интеллектуальных поисков в мусульманской среде.

Предпосылками иджитihadа являются размышление над смыслом Священного Корана и Сунны, изучение великого наследия исламской юридической мысли. Целью иджитihadа на современном этапе, с точки зрения реформаторов, является поиск правильных ответов на современные вопросы, которые существенно отличаются от проблем, стоявших перед мусульманами прошлого.

Методология иджитihadа заключается в том, что если в Коране и Сунне не было найдено прямого приемлемого решения, тогда для поиска решения используется логическое умозаключение. Оно должно отталкиваться от решений подобных, сходных задач в прошлом.

При этом право на иджитihad имеют исключительно те богословы, которые обладают степенью муджтахидов. К муджтахиду предъявляются следующие требования:

1. *Богобоязненность и благочестие (ат-таква)*. Рассматриваются как одни из наиболее важных требований, предъявляемых к муджтахиду.

2. *Доскональное знание сути и целей Шариата*. Оно очень важно в процессе поиска правильного и обоснованного решения. Обязательно знание особенностей исламского права (фикх) в каждой из признанных четырех школ (мазхабов) вместе со всеми доказательными базами и аргументами. Такое знание может быть получено путем непрерывного и подробного изучения и анализа исламских норм и предписаний.

3. *Доскональное знание и глубокое понимание Корана и Сунны*. Коран и Сунна — основные источники Ислама, без их знания иджитihad не может быть осуществлен. Около 500 коранических аятов содержат в себе те или иные правовые нормы (ахкам). Ученые единогласны в том, что муджтахид, несомненно, должен знать их все. Однако, поскольку извлечение правовых норм из Корана не ограничивается изучением только этих аятов, муджтахид должен знать и понимать Коран полностью, в особенности тафсир.

Сунна является вторым по значимости источником Ислама. Муджтахид должен обладать знаниями обо всех сборниках, знать их авторов, их биографии и оценки их надежности, методы отбора хадисов и их классификацию для того, чтобы грамотно и правильно применить их к решаемому вопросу.

Также муджтахид должен знать категории отменяющих и отмененных норм (насих и мансук), то есть какие из аятов и хадисов являются более ранними, а какие — более поздними, какие — отмененными, а какие — отменяющими.

4. *Превосходное знание арабского языка*. Попытка иджитihadа без должного знания арабского языка не может считаться полноценной и приемлемой [3].

Появление реформизма вызвано стремлением дать достойный исламский ответ новым вызовам и современным реалиям на основе Корана и Сунны, рассматривать ислам как движущую силу к прогрессу, основу цивилизационного прорыва. Приверженцы реформистского подхода критиковали некоторые положения, которые считали неправильно интерпретированными.

Реформаторское крыло сыграло важную роль в эволюции фундаменталистских идей. Оставаясь умеренным, оно было направлено на приобщение к достижениям Западного либерализма, внесение некоторых элементов новшества и, в частности, интерпретацию некоторых положений ислама в духе рационализма (стремление приблизить их к нуждам и потребностям современности) [4]. Против этих тенденций выступало «охранительное» крыло фундаментализма, которое вело борьбу с реформистскими тенденциями [5].

Движение за модернизацию ислама с рационалистических позиций зародилось на рубеже 70—80-х гг. XIX в. в Египте и позднее распространилось во всем мусульманском мире. Реформаторы выступили с консервативных позиций под лозунгом возрождения ислама в первоначальной чистоте, призвали к

освобождению вероучения от накопленных за прошедшие века искажений и наслоений. Однако, в отличие от фундаменталистов, добивающихся преодоления социально-экономической отсталости мусульманских народов через возврат к идеализированному «золотому веку» правления Пророка и первых четырех праведных халифов, сторонники модернизации ислама озабочены поиском путей прорыва к социальному прогрессу, преследуют цель трансформации традиционного, в основном феодального, общества в современное и включение его в цивилизованный мир [6].

Примером значительного влияния реформаторства на становление фундаменталистской идеологии может служить учение Джамал ад-Дина аль-Афгани (1839—1897 гг.). Выдвинутые им религиозно-философские идеи развили его ученики — муфтий Египта, профессор мусульманского университета аль-Азхар в Каире Мухаммед Абдо (1849—1905 гг.), Рашид Рида (1865—1935 гг.) и др. На территории Российской империи это направление оформилось в движение «джадидизм».

Джадидизм — мощное прогрессивное реформистское движение начала XX в. — дал тюркскому миру целую плеяду таких выдающихся общественных деятелей, как Мустафа Чокай, Садри Максуди, Мунаввар Кари, Махмуд Ходжа Бехбуди, Шаислам Шаахмед, Назир Тюрякул, Насырхан Торе, Абиджан Махмуд, Мир Адил. Они олицетворяли собой цвет передовой интеллигенции, которая в напряженных поисках путей реформирования мусульманского общества рдела за судьбы своей нации.

Основная концепция реформаторов — «открытие врат иджтихада» для принятия новых правовых решений, соответствующих современным потребностям.

Так, один из видных представителей реформизма Абд ар-Разик критиковал исторический опыт халифата, утверждая, что «этот институт помешал прогрессу в мусульманских странах. Он стал источником всего дурного, что было в мусульманской истории, инструментом борьбы против ученой мысли. Религия поэтому не должна была иметь ничего общего с какими бы то ни было формами правления, на ее основании нельзя предпочесть одни государственные формы другим». С точки зрения Абд ар-Разика, «в исламе нет ничего, что препятствовало бы мусульманам уничтожить старую политическую систему и создать новую на основе новых концепций и опыта» [7]. Согласно его мнению, Пророк Мухаммад был всего лишь пророком, передавшим людям новую религию. Он никогда не был основателем государства. Ислам — всего лишь религия (при этом Али Абд ар-Разик, однако, не дает четкого определения назначению Божественного закона — шариата).

Сегодня аналитики исходят из необходимости проведения четкого различия между исламом и умеренным религиозным фундаментализмом, с одной стороны, и радикальным или политическим исламистским фундаментализмом, отличающимся своей агрессивной направленностью (воинствующий исламский джихадизм) — с другой.

Так, Дилип Хиро (Hiro, D.) подчеркивает, что для исламского фундаментализма характерна ориентация на реформирование, предполагающая возрождение ислама, что означает, во-первых, возврат к законам шариата, во-вторых, креативную интерпретацию законов ислама в контексте изменившихся условий развития, в-третьих, отвержение иных трактовок и интерпретаций ислама [8].

Таким образом, основным ключевым инструментом в действиях реформаторов является выдвигание ими принципа «иджтихада», нормы, позволяющей определенные положения ислама интерпретировать в соответствии с современными условиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fuller, Graham E. The future of political islam. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. — XIX, 227.
2. Атеистический словарь / Под общ. ред. М.П. Новикова. — М.: Политиздат, 1986.
3. Dr. Abdul Azim Islahi, Associate Professor, Department of Economics, Aligarh Muslim University, Aligarh, India. Методология иджтихада и требования к муджтахиду / Пер. Руслана Курахи // Исламская цивилизация // <http://www.islamonline.net>.
4. Узденов Т.А. Политическая идеология и практика исламского фундаментализма (на примере современного Судана) // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук. — СПб., 2001. — С. 12.
5. Малышева Д. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — №7. — С. 112.
6. Левин З. Реформа в исламе. Быть или не быть. — М., 2005.
7. Модернисты и фундаменталисты. Отечественные записки. — 2003. — №5 (14).
8. Hiro, D. War Without End: The Rise of Islamic Terrorism and Global Response. — London and N.Y.: Routledge, 2004. Pp. 393—397. Hoveyda, F. The Broken Crescent: The Threat of Militant Islamic Fundamentalism. — Westport, Connecticut; London: Praeger, 2004. — P. 145.

Ритуальная практика кружения в Центральной Азии* (на материалах шаманизма, манихейства и суфизма)

ТОРЛАНБАЕВА К.У.

При изучении религии особое значение приобретает ритуальная практика. Аскетизм как одна из основных сторон религиозной практики формируется из бытовавших ранее форм религиозных верований. Без учета историко-культурного прошлого населения Центральной Азии трудно раскрыть сформировавшуюся ритуальную практику.

В истории народов Центральной Азии культурный синкретизм был одним из важных аспектов взаимодействия на Великом Шелковом пути. При этом население Центральной Азии выработало устойчивые формы хозяйственной деятельности, культурные особенности, внутреннюю духовную целостность, свою линию исторического развития. В Центральной Азии были распространены различные верования, религиозные концепции и верования. Наш интерес привлекают материалы о шаманизме, манихействе и исламе (суфизме) в связи с исследованием ритуальной практики кружения.

Само по себе кружение — это один из элементов движения, применяемый в танце, это круговые движения человека вокруг своей оси или вокруг предметов (например, костра, алтаря, ступы и т.д.) или кружение вокруг человека, как это было в шаманских ритуалах. Кружение есть ритуальная практика, неосознанное человеком действие в действительности, связанное с целым комплексом представлений. Круг, обозначающий бесконечность, кружение как имитация бесконечности, кружение невидимого, но осязаемого ветра как силы природы. Сменяемость жизни и смерти тоже как движение по кругу. Кружение как путь слияния с Богом, единения с Богом. Очерчивая круг вокруг себя, мы символично отделяем внутреннее и внешнее, как чужое и свое.

В общем индоевропейском наследии существовало божество Вайю (Vaja) — Бог ветра, «могучий Вайю», вызываемый движением опахала, тела, предметов. В «Авесте» об этом божестве говорится: «Можно пройти путем, на котором стоит войско на колесницах. Один только путь непроходим — божественного

Vaja» (Абаев, 1965, с. 11—113). Это божество прошло несколько этапов своего перевоплощения: Бог войны, Бог мести, Бог смерти. Ветер невидим, но осязаем и чувственен, это природное явление, в сознании человека божественное, связанное с миром духов; сам человек переходит после смерти в мир предков (Lucien Ljvy-Bruhl, 2002, с. 18—21; Дьяконов, 1990, с. 45—86).

В тюрко-манихейской молитве «Хуастуанифт» упоминается соблюдение ритуала, в котором есть слова: «О, сколько мы занимались волшебством! — Neça yilvi yilvilâdimiz ersär» (Дмитриева, 1963, с. 108). Термин jilvi «заниматься волшебством, колдовать», корнем которого является jil-, ассоциируется с представлением о ветре, вызываемом помахиванием опахалом во время камлания (т.е. совершения шаманских ритуальных действий), и с действиями злого демонического существа jil = Vaja. Это божество ветра могучее и неодолимое, превратившееся в шаманизме в чудесную силу шамана передвигаться в слоях неба и говорить с духами, лечить людей, вызывать ветры и дожди, ритуальным воспроизводством которого было *кружение* как необходимое действие любого шамана. Вероятно, с этим словом связывается и казахский термин айналау — «кружить, обходить вокруг». Обойти человека вокруг, значит, принять на себя его болезни, силу, какие-либо положительные или отрицательные качества.

Чокан Валиханов, отстаивая особое положение шаманства в культуре казахов, писал: «Мы слышали, что в старые годы часто чадолюбивые отцы бегами с поясом на шее вокруг юрты, где лежал больной их сын, предлагая себя взамен больного, а родственники старались удержать его от такого губительного намерения. Птицу, попавшую в руку, отпускали на волю, не иначе как обведя ее несколько раз вокруг головы» (Валиханов, 1958, с. 162). Волшебная сила заключается в самом кружении, и поэтому шаманы исполняли ритуальные психосоматические действия над больным, обходя его вокруг, приговаривая и стуча в бубен в состоянии экстаза, при котором возможно было общаться с духами.

Шаманизму особое внимание уделялось в российской и советской историографии (например: Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. IV. — Санкт-Петербург, 1883; Michailowski V.M. Shamanism in Siberia and European Russia // Journal of the Royal Anthropological Institute. — Vol. 24, 1894; Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов. Избранные произведения. — Алма-Ата, 1958; Басилов В.Н. Культ святых в исламе. — М., 1971; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. — Новосибирск, 1990; Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. — Алма-Ата, 1991; Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991 и др.). Все эти исследования основаны на этнографических свидетельствах, записях бесед с шаманами, описаниях шаманских ритуалов; все сведения весьма важны и представляют собой базовые источниково-историографические исследования. Сибирский шаманизм воспринимался учеными как менее подвергшийся влиянию мировых религий, как оригинальное и уникальное явление в истории тюрко-монгольских народов. В противоположность этому шаманизм народов Средней Азии и Казахстана рассматривался как местное, весьма устойчивое, религиозное верование, подвергшееся влиянию ислама. О бытовании шаманизма у казахов писал еще известный казахский ученый, востоковед, просветитель Чокан Валиханов, который первым и задал вопрос о том, в чем состоит шаманство казахов. Он стоял на позициях того, что происхождение шаманизма было связано с почитанием природы и ее явлений. Шаманизм воспринимался

* Исследование осуществлено в рамках проекта CARTI-S/Islam and Pre-Islamic beliefs in Central Asia (Ref: E0043, Log-In ID: 30014450).

по происхождению исключительно как верование местное, связанное с кочевым бытом народа, издревле населявшего огромные просторы степей (Валиханов, 1958, с. 146—147).

В зарубежной историографии также шло накопление сведений о шаманизме (например: Georg Nioradze. Der Schamanismus bei den sibirischen Volkern. — Stuttgart, 1925. — Pp. 54—58; Leo Sternberg. Divine Election in Primitive Religion. Congres International des Americanistes, отчет о второй части XXI сессии, состоявшейся в Гетеборге в 1924 г. — Goteborg, 1925 и т.д.). Интересным теоретическим исследованием по шаманизму стала работа Мирча Элиаде «Шаманизм: архаические техники экстаза». Он говорит, что «Шаманизм в строгом смысле — это, прежде всего, сибирское и центральноазиатское религиозное явление» и «на всей огромной территории Центральной и Северной Азии магико-религиозная жизнь общества сосредоточивается вокруг шамана, поскольку во всей этой сфере, где экстатическое переживание является в высшей степени религиозным, шаман и только шаман является безусловным мастером экстаза». М. Элиаде выводит свой тезис о шаманизме: «... определением этого сложного явления будет формула: шаманизм — это техника экстаза» (Элиаде, 2000, с. 7, 9). Такое определение шаманизма интересно в том смысле, что само понимание веры непостижимо категориями логики. В начале нашей эры неоплотоники привнесли свой вклад в развитие понимания сложного понятия «вера». В учении Плотина (родился в 204 г. в Микополе, Египет) говорится, что освобождение Души от зла физического тела и приобщение ее к божественной жизни возможно только путем экстаза — состояния, при котором человек перестает сознавать себя чем-то индивидуальным. Это состояние ведет к конечной цели, называемой «соприкосновение» или «единение» с Богом, т.е. проявление веры, достигаемое путем экстаза (Бертельс, 1965, с. 27—28).

В своей монографии Л.П. Потапов определяет шаманизм как религию, а божественный пантеон алтайского шаманизма основывался на пантеоне тюркских богов, который и сохранился в алтайском шаманизме в совершенно расколовшемся состоянии. В.К. Шуховцову принадлежит мнение о шаманизме как о религиозной и мировоззренческой системе времен Гомера, так называемой Олимпиаде, а то что мы знаем о шаманизме сейчас в различных частях мира, то это всего лишь осколки, остатки данной системы знаний. Такая религиозная практика, как экстаз, общение с духами, лечение людей, магия, колдовство и т.д. — это сохранившиеся остатки знаний древней системы мировоззрения, где духовное и материальное не разделенные явления, а единое целое.

Эта точка зрения для меня более близка, потому что основывается на знании скифо-сакской истории и культуры, той самой слепопервобытной культуры, создавшей уникальные памятники: царские захоронения в Саяно-Алтайском нагорье, на Тянь-Шане или в предгорьях Алатау, давшие искусство звериного стиля, искусство петроглифов, имеющие ритуальный характер и т.д. В этом комплексе наших познаний о «гомеровских временах» показательны теоретические работы о первобытном мышлении, лингвистики, социуме К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля, И.М. Дьяконова. В этой же системе знаний существовал Бог Вайю, образ, передаваемый природное явление, невидимое человеческому глазу, при движении, вызываемом самим человеком или предметами. В первобытном мышлении человека это, несомненно, духи природы, умерших предков или божеств.

В истории и культуре Центральной Азии шаманизм представляет важное аскетическое явление, техническим элементом которого является экстаз. Видимым проявлением экстаза было кружение, неосознанные движения, исступление, имеющие связь с природными явлениями в виде представлений о мире духов или богов. Шаман в состоянии экстаза общается с миром духов, путешествуя по слоям неба или спускаясь в мир подземелья грозного Эрклика.

Трансформация техники экстаза нашла проявления в Пути познания Бога и слиянии с ним в суфизме. Аскетизм в суфизме рассматривается как Божественный путь познания, основанный на идее «предвечного договора» между Богом и человеческим родом, заключенного еще до того, как человеческие существа обрели свои греховные тела, которые затем для них стали источником неповиновения Божественной воле (Кныш, 1997, с. 15). Целью аскета является возвращение души в лоно непорочности и преданности Богу, выраженной в духовном совершенствовании, самоанализе, подвижничестве, актами экстаза в виде различных ритуальных действий, дабы освободить душу от собственного «я» как индивидуального начала для единения с Богом.

В суфийском братстве мевлиивия (араб. маулавийя) используется ритуальный танец сема' (или сама'), обозначающий радение, совершаемое в божественном экстазе и заключающееся во вращениях на ступнях вокруг своей оси. Согласно преданию, один из дервишей, жаждущий встречи с Аллахом, не смог удержаться и, подчиняясь ритму музыки, начал вращаться. Этот дервиш почувствовал, как стал освобождаться от земного притяжения и начал сливаться с божеством. Сема' имеет аллегорическое значение, воспетое в любовной лирике суфиев как «соединение возлюбленных», то есть суфия и Аллаха (Йондемли, 2008, с. 377).

Суфийские ритуалы — это и есть собственно сам Путь к Богу. «Зикр (т.е. богопомятение) означало “очистить сердце суфия от ржавчины мирского”, “выбить в сердце имя Бога”. Зикр позволяет суфиям облегчить их приближение к Богу или слиться с Богом. Существует два основных вида зикра:

1) тихий зикр (т.е. *икр-и хафи*), он делается в тесном кругу посвященных и не сопровождается (или почти не сопровождается) какими-либо телодвижениями, кроме перемены положения головы;

2) громкий зикр (т.е. *икр джахра* и др. его виды), он делается под музыку (сама') с песнопением сакральных (или считавшихся таковыми) текстов и ритуальными танцами» (Бабаджанов, 2008, с. 207—208).

Громкий зикр в Центральной Азии и Казахстане свойственен тарикату Йассавия. Основателем этого братства был Ходжа Ахмед Йассави (1103—1167 гг.), которому приписывают шаманские практики, а в его мавзолее в Туркестане хранится огромной высоты посох, на котором, по преданию, он мог передвигаться и путешествовать подобно пророку (Köprülü, 1929; DeWeese, p. 2). Круг изображали суфии во время совершения зикра джахра в братстве Йассавия, который заключается в том, что посвященные члены становятся в круг, вероятно, выполняют круговые ритмичные действия, наклоняются в поклоне и произносят громкое богопомятение. Как не раз отмечалось в исследовательской литературе: «Ха'джа Ахмад Йасави учитывал культурное наследие, менталитет и даже особенности мировосприятия тюркских народов» (Муминов, 2008, с. 17).

Интересным явлением в истории религии было манихейское учение, возникшее во II в. н.э. в междуречье Тигра и Евфрата. Манихейство — дуалистическое, синкретическое религиозное учение, включающее в себя разнообразные стороны гностического и философского начала. Характерной чертой этого учения было его официально провозглашаемое вбирание всего рационального, приемлемого и непротиворечивающего основам его доктрины из других религий, культов, верований, представлений, терминологии в зависимости от места миссионерской деятельности.

Манихейство было распространено у народов Центральной Азии и Казахстана, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Вопреки письменной истории о распространении манихейства, П. Асмуссен считал, что «успех манихейских миссионеров среди правящей верхушки каганата в VIII в. должен был рассматриваться как явление неестественное» (Asmussen, 1965, с. 23). Казахский ученый Ю.А. Зуев на основе сравнительного анализа ряда письменных источников предполагал существование таласского пути распространения манихейства в тюркскую кочевую среду (Зуев, 2002, с. 179—260). По нашему мнению, возможной причиной распространения манихейства среди народов Центральной Азии в раннее средневековье было следствием духовного поиска в результате разрушения некой «древней религии». Этот процесс сопровождался экологическими и экономическими причинами кочевой жизнедеятельности народонаселения евразийских степей.

Из манихейских письменных источников мы можем говорить о системе ритуальной практики, нашедшей отражение в ежегодном празднике «Бема», посвященном испрашиванию прощения у Мани. Это ритуальное действие отражает культ святого вероучителя, возведенного в божественный сан и эманацию Света. В Книге Псалм провозглашается: «Мани — настоящий святой, пришедший от Отца» (Ries, 1986, р. 171). Во время ритуала процессия проходит вокруг трона, который возвышается над верующими и олицетворяет самого Мани. В Турфанской настенной живописи изображаются люди в белых одеждах с белыми головными уборами, стоящие в кругу, что, вероятно, отражает эту ритуальную практику (Esen, 2005, р. 34). Во время пути манихейские миссионеры громко и уверенно пели специальный гимн в целях защиты от темных сил мира Смешения, коим являлся земной путь человеческой души.

Таким образом, ища ответы на понимание ритуальных практик, применяемых в нынешних религиях: исламе, буддизме или христианстве, мы отталкиваемся от ранее существовавших представлений и опыта. В нашем исследовании мы это можем проследить на таких достаточно отдаленных во временном пространстве явлениях, как шаманизм, манихейство и суфизм, представляющих наиболее четко сущность ритуальной практики кружения:

1) в шаманизме кружение объяснимо как передвижение шамана по слоям неба, его общение с духами, преодоление страха перед духами злыми и добрыми, общение с предками, обращение к ним с определенной практической целью, например, перенести на себя болезнь больного, исцелить;

2) в суфизме (йассавия) кружение можно объяснить с точки зрения прохождения человеком пути к Богу, стремление слиться с Богом в единое целое, кружение как аскетический ритуал познания Бога и соединения с ним, это дыхательное упражнение и одновременно воплощение духа коллективизма, исчезновение собственной индивидуальности, единение;

3) в манихейской письменной традиции мы находим подтверждение существования практики кружения, если принять за него магические действия движения ветра или вращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббае В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. — М., 1965.
2. Lévy-Bruhl, L. L'âme primitive. — Quйbec, 2002.
3. Дьяконов В.А. Архаические мифы Востока и Запада. — М., 1990.
4. Дмитриева Л.В. Хуастуанифт (введение, текст, перевод). — М.-Л., 1963.
5. Тюркологический сборник. — М.-Л., 1963.
6. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманизма у киргизов. — Избранные труды. — Алма-Ата, 1958.
7. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — Киев, 2000.
8. Бертельс Е.Е. Суфизм и суфийская литература. — Избранные труды. — М., 1965.
9. Кыш А. Мусульманский мистицизм. — М., 1997.
10. Йондемли Ф. Сема тарика мевлевие. Взгляд медицины на обучение танцу сема и использованию его в профилактике головокружения. — Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. — М., 2008.
11. Бабджанов Б.М. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама'. — Алматы, 2008.
12. Köprülü, F. L'influence du chamanisme turco-mongole sur les ordres mystiques musulmans. — Istanbul, 1929.
13. DeWeese, D. The Yasavi Sufi tradition and the problem of shamanic "survivals".
14. Муминов А.К. От ответственного редактора издания. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама'. — Алматы, 2008.
15. Asmussen, Jes P. XUASTVANIFT. Studies in Manichaeism. Acta Theologica Danica. — Copenhagen, 1965.
16. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы, 2002.
17. Ries, J. Sacré, sainteté et salut gnostique dans la liturgie Manichéenne copte — L'expression du sacré dans les grands religions, III. Mazdeisme. Cultes isiaques, Religion grecque, Manichéisme, Nouveau Testament, Vie de l'Homo religiosus. — Louvain-la-Neuve, 1986.
18. Esen, E. Antecedents and development of Buddhist and Manichean Turkish art in Eastern Turkestan and Kansu, 2005.

Интересным явлением в истории религии было манихейское учение, возникшее во II в. н.э. в междуречье Тигра и Евфрата. Манихейство — дуалистическое, синкретическое религиозное учение, включающее в себя разнообразные стороны гностического и философского начала. Характерной чертой этого учения было его официально провозглашаемое вбирание всего рационального, приемлемого и непротиворечивого основам его доктрины из других религий, культов, верований, представлений, терминологии в зависимости от места миссионерской деятельности.

Манихейство было распространено у народов Центральной Азии и Казахстана, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Вопреки письменной истории о распространении манихейства, П. Асмуссен считал, что «успех манихейских миссионеров среди правящей верхушки каганата в VIII в. должен был рассматриваться как явление неестественное» (Asmussen, 1965, с. 23). Казахстанский ученый Ю.А. Зуев на основе сравнительного анализа ряда письменных источников предполагал существование таласского пути распространения манихейства в тюркскую кочевую среду (Зуев, 2002, с. 179—260). По нашему мнению, возможной причиной распространения манихейства среди народов Центральной Азии в раннее средневековье было следствием духовного поиска в результате разрушения некой «древней религии». Этот процесс сопровождался экологическими и экономическими причинами кочевой жизнедеятельности народонаселения евразийских степей.

Из манихейских письменных источников мы можем говорить о системе ритуальной практики, нашедшей отражение в ежегодном празднике «Бема», посвященном испрашиванию прощения у Мани. Это ритуальное действие отражает культ святого вероучителя, возведенного в божественный сан и эманацию Света. В Книге Псалм провозглашается: «Мани — настоящий святой, пришедший от Отца» (Ries, 1986, p. 171). Во время ритуала процессия проходит вокруг трона, который возвышается над верующими и олицетворяет самого Мани. В Турфанской настенной живописи изображаются люди в белых одеждах с белыми головными уборами, стоящие в кругу, что, вероятно, отражает эту ритуальную практику (Esen, 2005, p. 34). Во время пути манихейские миссионеры громко и уверенно пели специальный гимн в целях защиты от темных сил мира Смещения, коим являлся земной путь человеческой души.

Таким образом, ища ответы на понимание ритуальных практик, применяемых в нынешних религиях: исламе, буддизме или христианстве, мы отталкиваемся от ранее существовавших представлений и опыта. В нашем исследовании мы это можем проследить на таких достаточно отдаленных во временном пространстве явлениях, как шаманизм, манихейство и суфизм, представляющих наиболее четко сущность ритуальной практики кружения:

1) в шаманизме кружение объяснимо как передвижение шамана по слоям неба, его общение с духами, преодоление страха перед духами злыми и добрыми, общение с предками, обращение к ним с определенной практической целью, например, перенести на себя болезнь больного, исцелить;

2) в суфизме (йассавия) кружение можно объяснить с точки зрения прохождения человеком пути к Богу, стремление слиться с Богом в единое целое, кружение как аскетический ритуал познания Бога и соединения с ним, это дыхательное упражнение и одновременно воплощение духа коллективизма, исчезновение собственной индивидуальности, единение;

3) в манихейской письменной традиции мы находим подтверждение существования практики кружения, если принять за него магические действия движения ветра или вращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абее В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. — М., 1965.
2. L'Évy-Bruhl, L. L'âme primitive. — Quidès, 2002.
3. Дьяконов В.А. Архаические мифы Востока и Запада. — М., 1990.
4. Дмитриева Л.В. Хуастванифт (введение, текст, перевод). — М.-Л., 1963.
5. Тюркологический сборник. — М.-Л., 1963.
6. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманизма у киргизов. — Избранные труды. — Алма-Ата, 1958.
7. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — Киев, 2000.
8. Бертельс Е.Е. Суфизм и суфийская литература. — Избранные труды. — М., 1965.
9. Кныш А. Мусульманский мистицизм. — М., 1997.
10. Йондемли Ф. Сема тарика мевлевие. Взгляд медицины на обучение танцу сема и использованию его в профилактике головокружения. — Очерки истории исламской цивилизации. Т. 1. — М., 2008.
11. Бабджанов Б.М. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама'. — Алматы, 2008.
12. Köprülü, F. L'influence du chamanisme turco-mongole sur les ordres mystiques musulmans. — Istanbul, 1929.
13. DeWeese, D. The Yasavi Sufi tradition and the problem of shamanic "survivals".
14. Муминов А.К. От ответственного редактора издания. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама'. — Алматы, 2008.
15. Asmussen, Jes P. XUASTVANIFT. Studies in Manichaeism. Acta Theologica Danica. — Copenhagen, 1965.
16. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы, 2002.
17. Ries, J. Sacré, sainteté et salut gnostique dans la liturgie Manichéenne copte — L'expression du sacré dans les grands religions, III. Mazdeisme, Cultes isiaques, Religion grecque, Manichéisme, Nouveau Testament, Vie de l'Homo religiosus. — Louvain-la-Neuve, 1986.
18. Esen, E. Antecedents and development of Buddhist and Manichean Turkish art in Eastern Turkestan and Kansu, 2005.

Основание Бухтарминской крепости

ТАПАЕВА А.Б.

Создание Бухтарминской крепости связано с колонизацией Рудного Алтая. Для освоения этой территории нужно было массовое переселение крестьян-земледельцев. Первые поселения возникли на южных склонах Алтая еще в конце XVII в. на территории современной Восточно-Казахстанской области, «на так называемой ничейной земле». Это были беглые крестьяне из Поволжских и Центральных губерний, искавшие здесь убежище от экономического и религиозного гнета. Среди них была большая группа старообрядцев, живших в труднодоступных, диких ущельях бассейна реки Бухтармы.

От гористого характера местности (по местной терминологии «камень») осевшее здесь население получило название «каменщиков». С развитием горного дела на Алтае усилилось бегство на Бухтарму горнозаводских рабочих — «бергалов», спасавшихся от тяжелого подневольного труда на рудниках и заводах. Долгое время «каменщики» были неизвестны правительству. Первые известия о них были получены в 1761 г., и лишь с 1791 г. они были официально приняты в русское подданство на правах «инородцев» и обложены ясаком. Кроме ясака, они больше не несли никаких повинностей. Поэтому «каменщики» были самой зажиточной группой населения из крестьянских старожилов данного края [1].

«Каменщики» жили смиренно и лишь изредка в одиночку появлялись в селениях округа алтайских заводов, покупая себе соль. К 80-м гг. XVIII столетия поисковые заводские партии стали все ближе и ближе подходить к Камню, и обитатели его из страха перед русским правительством пытались в 1786 г. поступить в китайское подданство. Когда же попытка эта закончилась неудачно, то они решились в 1790 г. объявить правительству о своем существовании и были пропущены. В 1791 г. последовало Высочайшее повеление о прощении так называемых «каменщиков» — 205 мужчин и 68 женщин, проживавших в тридцати поселках в недоступной части Бухтарминского края, в горах.

Как полагается, заселение местности началось в половине XVIII-го столетия, вскоре после постройки укреплений от Кузнецка к Бийску.

Одним из главных инициаторов этих мероприятий был Ф.И. Соймонов, представивший в марте 1760 г. совместно с командующими войсками Сибирской линии генералом К.Л. Фрауендорфом и его заместителем И.И. Веймарном соображения о постройке укреплённых пунктов от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера [2].

В этом документе отмечалось: «...принять в рассуждение генерал-майора Веймарна И.И. и бригадира Фрауендорфа К.Л. представление о занятии от Усть-

Каменогорской крепости при реке Бухтарме угодных к поселению и хлебопашеству мест. О построении на этих местах крепостей и загородиться, чтобы китайцы их не заняли и не возобновили претензии прежних зюнгорских владельцев на крайние сибирские места» [3].

В 1761 г. Екатерина II дала указание начальнику войск сибирской линии генерал-поручику И.И. Шпрингеру заложить крепость «для воспрепятствования выхода из озера Зайсан по Иртышу неприятельским судам», и вскоре при впадении реки Бухтармы в Иртыш было построено небольшое Бухтарминское укрепление. Затем под руководством поручика Генезера и инженера-прапорщика Зеленого была снаряжена экспедиция к озеру Зайсан и на реку Черный Иртыш для окончательного выяснения вопроса «могут ли китайцы вторгнуться в Сибирь на судах по Иртышу». Экспедиция вернулась с известием, что ни лодок, ни леса для постройки в Зайсанском крае и в долине Черного Иртыша нет, потому и возможность «вторжения неприятеля по Иртышу исключается» [4].

Гораздо деятельнее был И.И. Шпрингер по приведению границ в оборонительное состояние. Верхнеиртышские крепости, в том числе и Усть-Каменогорск, были приведены в лучшее состояние и расширены. Между тем все офицеры, которым была поручена рекогносцировка берегов Бухтармы, возвратились с донесением, что в пустынных алтайских горах нет достаточного количества пунктов, удобных под проектированные укрепления. Поэтому дело об обеспечении наших южных пределов затянулось бы надолго, если бы не возникла необходимость проведения оборонительной границы по реке Бухтарме.

По этой реке давно уже поднимались наши разведочные рудокопные партии, цель которых открыть месторождение серебряной руды в районе Бухтармы и Нарыма.

19 сентября 1763 г. Екатерина II направила И.И. Шпрингеру подробную инструкцию по поводу расширения русских оборонительных сооружений в устье реки Бухтармы, где рекомендовала сохранить «немалую степень предосторожности... от китайцев», повелевала «построить крепость и тем самым запретить свободный проход из озера Зайсан по реке Иртышу неприятельским судам, которые должны были предостерегать их с китайской стороны» [5].

В инструкции, направленной генералу-поручику И.И. Шпрингеру, отмечается, что его команде предоставляются все сибирские линии с находящимися на них войсками. «По данным границам во время кочевки джунгаров, бывших в великой силе, но во времена китайского нашествия истребленных, требовалась немалая предосторожность... желание наше такое, чтоб все крайние места и жители, а особенно Кольвано-Воскресенские заводы, со всеми рудниками... поступали в Ваше распоряжение:

1. При устье реки Бухтармы, в реке Иртыш выше Усть-Каменогорской крепости в 86 верстах... за пределы крепости, и тем самым воспретить из Зайсанского озера по реке Иртышу проход неприятельским судам, которые должны предостерегать их с китайской стороны. До весны Вы должны быть на Иртышской линии в Омской крепости, а с наступлением весны надлежит Вам немедленно отправиться с командою для осмотра реки Бухтармы. На том ли месте эту крепость строить, которое через посланных в 1761 г. для описания реки Бухтармы нарочных офицеров назначено на здешней стороне этой реки или на другом берегу, или еще несколько выше по реке Иртышу, оставляется на Ваше усмотрение. Основано на удобном для обитания при вольном месте и чтобы не было препятствий в будущем. Крепость крайняя, потому для содержания ее гарнизон должен быть немалый из войск конных и пеших, а

частью из нерегулярных команд <...> При составлении плана Вам следует учесть учреждение там торгового с азиатами, которые приезжают из различных областей. После основания крепости необходимо между Усть-Каменогорском учредить на половине дороги редут для удобства между обеими коммуникациями. Но в каком месте должен располагаться редут, остается на Ваше усмотрение» [6].

Широкие размеры приняло самовольное заселение долины реки Бухтармы. Здесь в период строительства Бухтарминского укрепления к востоку от него были обнаружены русские поселения. Это были беглые солдаты, крестьяне и мастеровые с алтайских заводов, поселившиеся со своими семьями в недоступных и диких горных ущельях по берегам рек Бухтармы, Белой, Тихой и Нарыма. Они образовали несколько селений, занимающихся рыболовством, охотой и хлебопашеством [7].

Китайцы приняли их под свое особенное покровительство. Снабжали их хлебом в неурожайные годы. Позволили им ловить рыбу по Иртышу и Нор-Зайсану.

Испытывая на деле трудность в захвате беглых, новый начальник, генерал Штрандман, с помощью посланных для этого команд решил склонить их к раскаянию. Посланные для этой цели два доверенных лица обошли девять селений, созданных из беглых, которые изъявили свое согласие возвратиться к повинности при условии полной амнистии и оставления на местах жительства.

Согласно архивным данным АВПРИ, «в выписке генерал-поручика Штрандмана сообщается о переговорах с китайскими чиновниками о строительстве пикетов около Бухтарминских гор и о постройке редутов при устье реки Черемшанки для защиты рудников и пристани. Укрывающимся в Бухтарминских горах российским беглецам, раскаивающимся в содеянном преступлении, было объявлено всемилоостивейшее прощение, наложен ясак и поселены были в данных регионах. Для ограждения Бухтарминского медного рудника от набегов киргиз-кайсаков и прочих беспокойств, выбрано для постройки при этой крепости удобное место, в котором пребывала линейная стража» [8].

В то же время начались рекогносцировки для устройства обороны берегов Иртыша от Усть-Каменогорска до самого Зайсана, на случай движения китайцев со стороны Джунгарии. С этой целью в 1781 г. была устроена в 99 верстах выше Усть-Каменогорска крепость Бухтарминская и проведена нынешняя Бухтарминская казачья линия [9].

Новой военной линии, для заселения которой в сибирских поселениях было набрано и зачислено в казаки 2 тыс. человек, теперь появилась необходимость прикрыть эти селения укреплениями. В период основания Бухтарминской крепости посты были выдвинуты вверх по реке Иртышу до устья реки Нарыма. Генерал Штрандман расчистил сухопутное сообщение между Усть-Каменогорском и Бухтармою для того, чтобы проезжали возы с провиантом и проходили выюки. На укрепленных постах по пути от Усть-Каменогорска до устья реки Бухтармы были сосредоточены казаки.

Хозяйственное освоение русскими людьми Прииртышья и Алтая вызвало, в свою очередь, необходимость военного прикрытия новых владений России. На месте Бухтарминского укрепления в 1792 г. закладывается крепость Бухтарминская, а вверх по течению Иртыша выдвигается еще несколько караулов (Вороний, Черемшанский и Красноярский), послуживших началом новой Бухтарминской военной линии. От устья реки Нарым русские пограничные посты протянулись по ее правому берегу (Нижняя Хайрюзовка, Верхний Нарымский, Малый Нарымский). На Бухтарминскую крепость, как это гласит из указа Екатерины II от 1791 г., возлагались большие надежды как на «главную крепость», которая

должна была способствовать развитию торговли с азиатскими областями даже до Могола (Индии) [10].

В 1793 г. после строительства Бухтарминской крепости возникла целая укрепленная линия. Между крепостями возводились дополнительные укрепления-редуты, станицы и форпосты, что позволило России окончательно укрепиться в этом стратегически важном регионе, заселить его крестьянами, развить сеть дорог [11]. Сюда бежали от невыносимого гнета рабочие с Колывано-Воскресенских заводов, солдаты, раскольники.

Открытие Зырянского рудника (1791 г.) привело к необходимости заселения крестьянами территории, прилегающей к руднику. Вскоре он стал ведущим в системе Колывано-Воскресенских заводов. В связи с этим в 1796 г. последовал именной указ, данный Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору Селефонову «О заселении страны, простирающейся от Усть-Каменогорской крепости до Бухтарминской и от последней до новооткрытого серебряного рудника, именуемого Зырянским».

В настоящем указе отмечалось, что эти места удобны для хлебопашества и скотоводства. Заселить их нужно отставными мастеровыми Колывано-Воскресенских заводов, поселщиками и другими званиями людей, обитающими в районе Иртыша. Сибирская администрация не замедлила с выполнением указа. Для претворения его вскоре представился удобный случай [12].

На Бухтарминской линии казаки начали селиться с 1796 г., после основания первых редутов — Ульбинского, Феклистовского, Северного и Березовского. Около них стали селиться семейные казаки и заниматься хлебопашеством, что привело к возникновению местного оседлого населения. В Бухтарминской крепости находились две роты №9 линейного батальона, взвод казачьей команды Сибирского линейного войска. Здесь проживало несколько купцов, торгующих с китайцами и монголами, многие из них занимались скотоводством, пчеловодством и хлебопашеством [13]. С созданием Бухтарминской линии изменилось как политическое, так и экономическое положение Восточного Казахстана. Данная линия укрепила позиции царизма в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафьянова А.Ф. Хозяйственная жизнь русского населения верхнего Прииртышья. Вторая половина XIX — нач. XX в. // Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства XVII — нач. XX в. — М., 1979. — С. 112.
2. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. — М., 1983. — С. 192.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. Кн. 3. — СПб., 1830. — С. 533—535.
4. Гуревич Б.П. Указ. соч. С. 193.
5. Там же. С. 194.
6. Ф. 248. Оп. 113. Д. 482. Л. 2—3.
7. Гуревич Б.П. Указ. соч. С. 196.
8. Ф. 130. Оп. 130 \ III. Д. 15. Л. 1-1 об.
9. Усов Ф. Сибирское казачье войско. — СПб., 1877. — С. 54.
10. Гуревич Б.П. Указ. соч. С. 196.
11. Секретов А.А. По дорогам цивилизации (из истории дорожного строительства). Учебное пособие. — Омск, 2001. — С. 55.
12. Алексеенко Н.В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск, 1965. — С. 151.
13. Военно-статистическое обозрение Томской губернии. Т. 17. Ч. 2. — СПб., 1849. — С. 99.

Horák, S., Šír, J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 97 p.

Через два года, после выхода крупного исследования французского востоковеда С. Пейруза, посвященного Туркменистану, мы вновь видим работу по данной республике Центральной Азии. На этот раз научно-аналитическую экспертизу провели чешские политологи Славомир Горак и Ян Шир в книге «Высвобождение от тоталитаризма? Туркменистан при Бердымухамедове». Если Пейруз в своей книге («Туркменистан: судьба на перекрестке империй») довел описание событий вплоть до смерти туркменского лидера С. Ниязова, то чешские ученые посвятили свою работу непосредственно правлению его преемника.

Авторы исходят из того, что сравнение реалий, в которых жил Туркменистан накануне смерти Туркменбаши и сегодня, создает поразительный контраст. Действительно, Туркменистан стал заметно более открытым и либеральным обществом. Внутри страны исчезли наиболее одиозные запреты и дикие эксцессы ниязовской эпохи, во внешней политике республика все больше открывается миру. Исходной посылкой исследования стало утверждение авторов о том, что мы имеем дело с качественно новым (и стабильным) политическим режимом во главе с Г. Бердымухамедовым.

Исследуя постниязовский режим, авторы выделяют три основных направления, которые были затронуты изменениями при новом руководстве: это внутренняя, внешняя и социальная политика. Во внутренней политике

чешские политологи особое внимание уделяют кадровым и идеологическим изменениям. С одной стороны, Бердымухамедов сохранил доминирующие позиции рода Ахал-Теке (но при этом уменьшив влияние группы марыйских теке), а с другой стороны, новый лидер оставил без изменений установившийся еще в период Ниязова контроль над стратегически важным нефтегазовым сектором полностью в руках представителей теке из западных вelayетов. Но не обошлось и без чисток, которые в основном коснулись наиболее одиозных фигур (трудно сказать, считают ли таковыми авторы отца и сына Реджеповых, а также олигарха Агаева), ассоциировавшихся с правлением Туркменбаши. Практическим результатом кадровых перетрясок стала инкорпорация в верхний слой элиты представителей родного региона президента — Гёкдепе.

Другим важным сигналом был иммунитет от репрессий, который Бердымухамедов предоставил русским советникам прежнего лидера (А. Жадану, В. Умнову и В. Храмову), контролировавших некоторые важные сферы бизнеса и имевших тесные связи с Россией, хотя их влияние и несколько упало. Тем не менее эти деятели приняли активное участие в формировании культа нового лидера и доказали свою лояльность. В идеологической области начались медленные и крайне осторожные, но неизбежные шаги по «детуркменбашизации» страны и демонтажу прежнего культа.

В целом, как приходят к выводу авторы, новому режиму понадобился всего год для полной стабилизации. При всех происшедших изменениях и робких реформах неизменным остался главный принцип — режим личной власти. На второй фазе стабилизации Бердымухамедов приступил к консолидации своих позиций на международном уровне. Авторы даже предполагают, что в сфере внешней политики Туркменистана произошли более значительные изменения. Первое из них — это отказ от изоляционистского поведения Ашгабада. Борьба за углеводородные ресурсы республики сразу же втянула молодого президента в самую гущу геополитической схватки с участием великих держав. Вновь (и, прежде всего, для Запада) на первый план выступило стратегическое значение Туркменистана, соседствующего с Афганистаном и Ираном.

К числу приоритетных партнеров Ашгабада авторы относят, помимо России, и другие славянские республики — Украину и Беларусь. Вторым важным направлением туркменской внешней политики авторы называют кавказское. Среди центральноазиатских партнеров Ашгабада авторы выделяют в первую очередь Узбекистан, отношения с которым существенно улучшились при новом президенте. Главное, что заслуживает внимания, это бросающееся в глаза вовлечение Туркменистана в механизм региональной кооперации, чего совершенно не наблюдалось при С. Ниязове. Отношения со странами Азии (Пакистаном, ИРИ, Турцией, КНР) также характеризуются позитивной динамикой и расширением сотрудничества, особенно это относится к Китаю.

Г. Бердымухамедов очень быстро усвоил тактику лавирования и балансирования между всеми заинтересованными

сторонами — Россией, Европой, США и Китаем. Такое кажущееся внезапное открытие Туркменистана внешнему миру породило у западных партнеров чрезмерные, но, как считают сами авторы, совершенно неоправданные ожидания в отношении либерального характера нового режима. Они предупреждают, что эти ожидания иллюзорны, а любое внешнее вмешательство с целью усиления внутривнутриполитической либерализации и смягчения социального климата могут только усилить риск нестабильности в этой стране.

В целом книга наших чешских коллег представляет собой детальное и скрупулезное изучение современного туркменского государства, хотя и некоторые темы остались без их внимания. Так, например, авторы практически не затрагивают вопросы казахстанско-туркменских отношений. Однако именно с приходом к власти нового лидера Астана и Ашгабад начали проводить солидарную и в целом скоординированную политику в области транспортировки углеводородов и выработки новых маршрутов трубопроводов. Более того, складывается впечатление, что на политику Г. Бердымухамедова оказывает влияние деятельность казахстанского президента.

Книгу также очень украсил бы политический (и психологический) портрет нового туркменского лидера, но здесь мы понимаем, что авторы столкнулись с трудно решаемой проблемой — нехваткой источников. Таким образом, данное исследование дает прекрасную возможность ознакомиться с политической трансформацией нашего южного соседа, судьба которого не может оставить равнодушным никого, кто помнит деспотический режим Туркменбаши и ту зловещую роль, которую он сыграл в истории туркменского народа.

Summary

Formation of Regional Integration Union: Search for Joint Way of Solving the Problems

Sultanov B.K. — Director of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of History

The article is dedicated to problems of formation of integration union, necessary for strengthening of integration interaction of the Central Asian countries for decision of common regional problems. According to the author, in this plan Kazakhstan initiative of creating the Union of Central Asian states (UCAS) is perspective. The further integration into this direction is a way to stability, progress of region, economic and military-political independence.

On Creation of IAEA Nuclear Fuel Bank

Kazykhanov Ye.Kh. — Ambassador of Kazakhstan to Austria, Permanent Representative of Kazakhstan to the International Organizations in Vienna

The article is dedicated to problems of creation of IAEA nuclear fuel bank, as it has the paramount importance for a number of reasons: creation of nuclear fuel bank under IAEA control will be contributed to strengthening of non-proliferation regime, it will be contributed to development of atomic nuclear for peaceful purposes and states' affording access to the peaceful nuclear technology, bank's fuel foundation won't be derogate of states right — IAEA members to create of own production potential within the frame of nuclear fuel cycle.

Kazakhstan-Czech Relations

Suleimenov T.S. — Director of Institute of Diplomacy, Candidate in Political Science, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor

The Czech Republic is interested in cooperation with Kazakhstan as it is a country with rich natural resources, developing economy, stable position and active foreign policy. Cooperation between the two countries in spheres of economy, energy resources and tourism is a strategic trend.

Gas Routes to Europe, whether It will Turn out to Bypass Russia?

Aitmuhambetova G.T. — Candidate of KazNPU named after Abai

The article examines Europe's preoccupations over launching Nabucco project. European countries believe that Nabucco may remain half-empty in this issue. Author comes to conclusion that Europe must mobilize its efforts in order to realize the aim at diversifying gas routes that bypass Russia.

The Features of Formation of New Political System in Post-Soviet Communities

Amirbekov Sh.A. — Senior Lecturer of Political Science Department of KazNU named after Al-Farabi, Candidate of Political Science

The article is dedicated to the political system category, appeal for linking together the main notion, characterizing the political life of community. Analyzing the feature of formation of political system of post-soviet communities, the author comes to opinion that systems analysis allow to develop the political system model of the average level, where system element is the active political force, takes the direct participation at decision.

Interethnic Tolerance as a Factor of Civilian Integration of Kazakhstan

Baidarov E.U. — Research Fellow of Philosophical Science and Culture Department of the Institute of Philosophy and Political Science of the MES of RK

Such actual for all countries problem as interethnic tolerance is examined in the article. Tolerance of society became today one of the important factors of the society integration with multicultural structure. One of such societies is Kazakhstan, where interethnic tolerance is the factor of interethnic accord and civilian integration, political stability and peace.

The Features of Formation of the State Social Policy

Masalimov A.R. — Candidate of Political Science Department, Al-Farabi Kazakh National University

In condition of the economical crisis the social policy of the Republic of Kazakhstan is one of rational state policy element. The peculiarities of the state social policy formation, which is defined the content of the category.

Analyze of Kazakhstan's Balance of Payments: Status and Forecast

Kalabayeva A.N. — Senior Research Fellow of Economic Research Department of KazISS under the President of RK, Candidate of Economic Sciences

The article examines the tendency and peculiarities of Kazakhstan's balance of payments for the period since 2000 to 1st quarter of 2009. Special attention is focused to the economical policy of the country. Author considers that one of the main consequences of the world crisis is the slumping of debt financing and volume of internal economic lending. As a result, it will be reached insignificant positive balance of Kazakhstan's balance of payments in 2009.

Estimation of Economical Efficiency of Capital Transfer

Yertaev K.E. — *Doctor of Economic Sciences, Professor of TarSU named after M.Kh. Dulaty*

The article examines regulation of intensity of capital transfer, instruments of which are the indexes included in the system. On of the basis of reasoned-consequent relations of index data in the qualitative reproduction indexes are worked out. The author offers to carry out the estimate and regulation of intensity of capital transfer in accordance with the tempo of volume changes and the level of the qualitative indexes.

The National Security Concept in American Political Traditions and Political Science: Theoretical-Methodical Aspects

Skakovskiy L.R. — *Deputy Director of Institute for Geopolitical Studies and International Relations of KRU, Candidate of History*

The National Security — is one of the most difficult in theoretical plan, and at the same time is one of the important for practical sphere of political science category. The article is dedicated to the theoretical-methodical aspects of the national security conception in American tradition and political science.

Soviet Period and Its Place in the Kazakhstan National Historiography

Kozyrev T.A. — *Senior Researcher of Socio-Political Research Department of KazISS under the President of RK, Candidate of Philology*

Problematic of lighting of the Soviet period of Kazakhstan's history in domestic historiography are considered in the article. The issue lights with a view of the constructive of Kazakhs and Kazakhstanis national history in the context of national statehood formation.

Globalization and Political Process of Modernity

Gaipov Z.S. — *Candidate of Political Science, Professor of KazNU named after Al-Farabi*

The article examines the influence of globalization on the modern political processes, the main approaches to the question. The author points out such peculiarities of political processes in the terms of globalization as pluralism and liberalization.

Problem of Individual Liberty in the Global Community

Gezalov A.A. — *Ph.D. Philosophy Institute of the Russian Academy of Sciences, Academic Secretary of Eurasian Section of Russian Philosophical Community*

Problem of individual liberty in the global community is considered in the article. At the end of the article the author comes to opinion that the idea of globalization is an absolute benefit of the human freedom, interpreted in the human sense. But factual way of internationalization of the economy process, culture and political life is not always meet the ideal.

About Legal Control Mechanism of the State Management

Baigeldy G.S. — *Deputy of Analytical Department of Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences, Master of Business Administration of MBA*

The article examines the theory of legal control mechanism of the state management. And it is considered as complex of built in functioning system of the state management element to the moment, reflected of the main principles, instruments and function of the state management, and at the same time achieving the strategic goals of government in market conditions and new socio-economic relations.

Reformation in Islam: Idea of Basis and Instrumentaries

Nesipbay R.T. — *Lecturer of Philosophy Department of Eurasian National University named after L.N. Gumilev*

The article analyzes instrumentaries and the basic position of reformational studies in Islam. One of reformational studies peculiarities is the movement of "Ijhtihad" principle, which allows to interpret the definite position in Islam according to the modern conditions. This analysis gives us the possibility to expose its essence and ideology, which is served as the difference criterion and especially important in investigation of the modern peculiarities in Islamic direction.

Ritual Practice of Whirling in Central Asia

(On the Materials of the Shamanism, Manichaeism and Sufism)

Torlanbayeva K.U. — *Senior Lecturer of Institute of Oriental Studies named after Suleimenova of the MES of RK*

The author examines that analysis of the written sources and visual materials (pictures) from various epochs show that some rituals practiced in Sufism as Whirling motions, one of the forms of which is a dance, derive from previous religious practices of ancient pre-Islamic religious systems. The author tried to outline briefly the continuity between Sufi traditions and ascetic concepts existed in other religious in Central Asia in pre-Islamic period. Further investigation into this comparison will hopefully lead to the research encompassing much more commonalities in ritual practice of these religions.

Foundation of Bukhtarma Fortress

Tapayeva A.B. — *Candidate of History, Senior Lecturer of KSPI*

The article is dedicated to the history of foundation of Russian forts on the territory of Eastern Kazakhstan. History of one of the Bukhtarma Fortress is involved with the Ore-Altai colonization. Problem of populating of this region by Russian settlers the author is considered in the article.